

ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Монтаж установки термического крекинга на Ново-Горьковском нефтеперерабатывающем заводе.

Фото А. Горячева.

На первой странице обложки: Москвичка Наташа Цветкова приехала работать на Алтай.

Фото О. Кнорринга.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 34 (1679) 16 АВГУСТА 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОНИ ТРУДЯТСЯ ПО КОММУНИСТИЧЕСКИ

Казалось бы, мало общего в работе текстильщиков и металлистов. Но калининского вагоностроителя Юрия Логинова и вышневолоцкую прядильщицу Валентину Гаганову роднит коммунистическое отношение к труду, самоотверженная забота о благе родины.

Бригадир-наладчик гарнитурного цеха вагоностроительного завода в Калинине Ю. Н. Логинов возглавлял передовую смену на участке. Но вот потребовалось помочь отстающим товарищам — он, не раздумывая, перешел в другую смену и быстро сумел четко организовать труд. Уже в первые недели руководства нового бригадира выработка на каждого рабочего в этой смене повысилась на 10—15 процентов. Не снизились темпы, не пострадало качество изделий и в прежней смене Логинова, которую возглавил теперь А. Иванов.

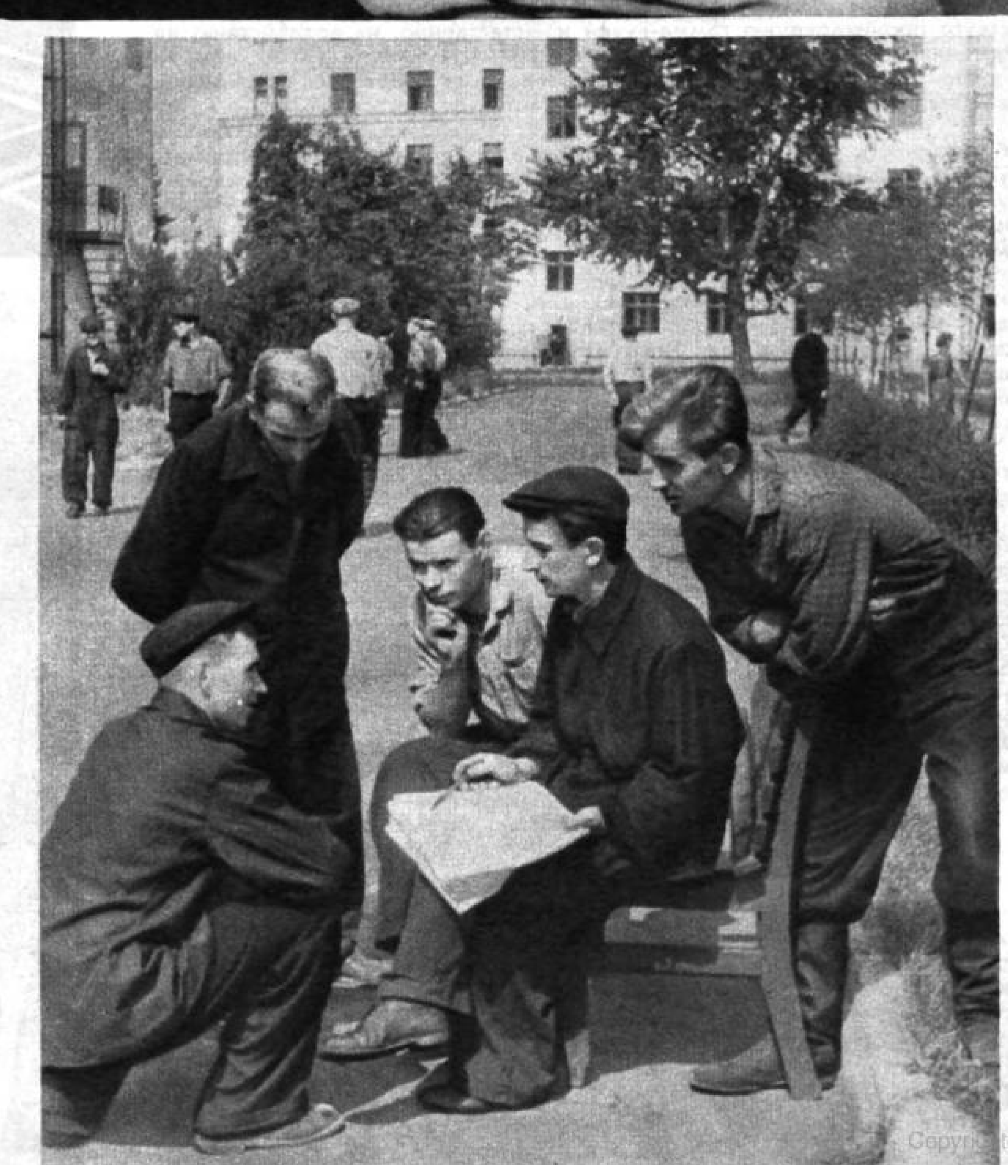
День ото дня все шире развертывая социалистическое соревнование, рабочие участка добиваются высоких показателей.

НА СНИМКАХ:

Вверху: Бригадир Юрий Логинов (справа) и слесарь Анатолий Шверин регулируют пресс.

Внизу: По окончании работы на заводском дворе. Справа налево: слесарь А. Шверин, бригадир Ю. Логинов, мастер В. Маслов, наладчик Б. Шардов, слесарь А. Маслов.

Фото А. Узляна.

А. ГРИГОРЬЕВ Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

УРАЛЬСКАЯ АТО

Широкое шоссе, вымощенное бетонными плитами, ведет к этой большой уникальной стройке. Среди густых уральских лесов воздвигаются корпуса Белоярской атомной электростанции.

Почти на 70 метров поднялись стрелы мощных башенных кранов. Медленно продвигаясь по рельсам, они подхватывают с земли аккуратно сложенные строительные детали. Мы наблюдали, как едва уместившаяся на двух железнодорожных платформах огромная железобетонная колонна была поднята и установлена на фундамент за 20 минут. Высота этой колонны — 25 метров, а вес превышает 35 тонн.

— Здесь строят главный корпус,— пояснил нам Павел Сергеевич Моисеенко.

Моисеенко — молодой специалист, ему недавно исполнилось 30 лет, но он уже успел поработать старшим прорабом водосливной плотины на строительстве Куйбышевской ГЭС, а сейчас руководит одним из наиболее ответственных участков — сооружением главного корпуса атомной электростанции.

— В главный корпус,— рассказывает Павел Сергеевич,— входят машинный зал и реакторное отделение. Как вы видите, каркас машинного зала уже почти готов. Его высота — 25 метров, собран он из железобетонных колонн с перекрытием металлическими фермами. Стены выполнены из сборных железобетонных панелей, утепленных минеральным войлоком.

Вплотную к машинному залу примыкает реакторное отделение. Здесь ведутся работы особой сложности. По узкой деревянной лестнице спускаемся на дно наглухо закованного в железобетон гигантского котлована, где трудятся арматурщики, бетонщики, монтажники.

Реакторное отделение — это «святая святых» электростанции.

— Как дела с биологическим бетоном? — спрашивает у мастера начальник будущего цеха Валентин Иванович Кобелев.

— Биологическим? — переспрашиваем мы.

— Да, биологическим. Эта терминология еще мало известна даже многим строителям. Все сооружения внутри реакторного отделения, камеры, боксы и другие помещения мы делаем из бетона повышенной плотности. А биологическим он называется потому, что препятствует проникновению гамма-лучей и, естественно, их воздействию на организм человека. Наиболее ответственные элементы мы делаем из особо тяжелого бетона, причем толщина стен некоторых помещений, как, например, шахты реактора, достигает трех метров.

В нашем цехе предусмотрены все условия, обеспечивающие безопасность персонала, который будет здесь работать. Вот, например, устанавливаются защитные двери. Они чугунные, толщина каждой — 25 сантиметров. А вот трубы, заложенные в бетоне. Обратите внимание, они из нержавеющей стали. Ведь ржавчина, смываемая потоками воды, как и всякая примесь, дает повышенную радиоактивность.

Много интересного можно увидеть на строительных площадках атомной электростанции. Здесь и колоссальные трубы — циркв788водоводы,— по ним пойдет вода из искусственного озера в турбины, и огромные водосливы, по которым отработанные воды пойдут для охлаждения обратно в озеро. Любопытен и большой искусственный водоем-охладитель, раскинувшийся на десятки квадратных километров, перегороженный плотиной.

Мы попросили начальника строительства А. Г. Семенкина и директора Белоярской станции М. Л. Колмановского сообщить читателям «Огонька» основные данные строящейся атомной электростанции.

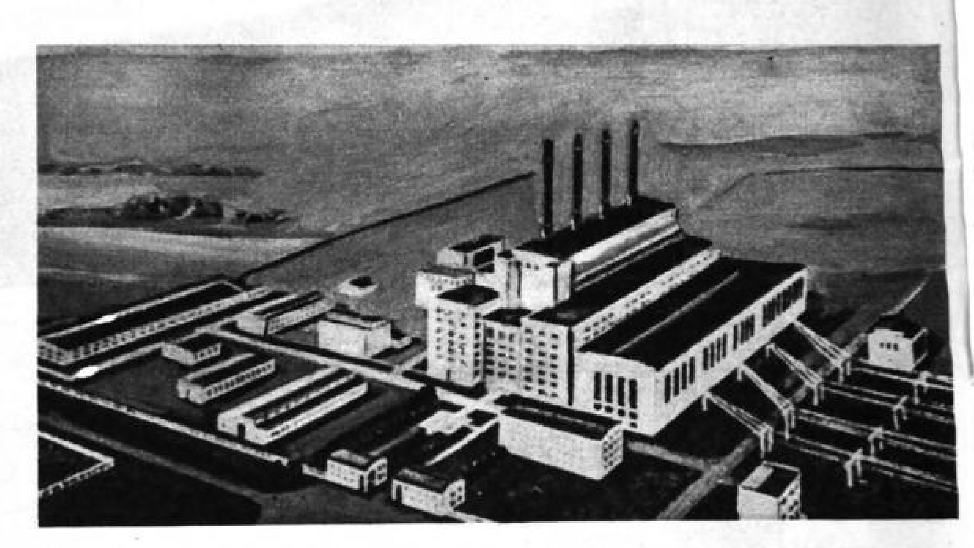
— Первая очередь новой станции рассчитана на мощность 200 тысяч киловатт. Она носит экспериментально-промышленный характер и после окончания строительства даст ток в Уральскую энергосистему. В качестве источника тепловой энергии здесь устанавливаются атомные реакторы на тепловых нейтронах с графитовым замедлителем. Тепловая мощность реактора — 285 тысяч киловатт. В машинном зале будут установлены два турбогенератора, по 100 тысяч киловатт каждый.

Особо, конечно, следует сказать о реакторе. По конструкции он аналогичен действующему на первой в Советском Союзе атомной электростанции, но обладает более высокими техническими и экономическими показателями. Наши реакторы будут работать на слабо обогащенном уране и имеют две группы рабочих каналов.

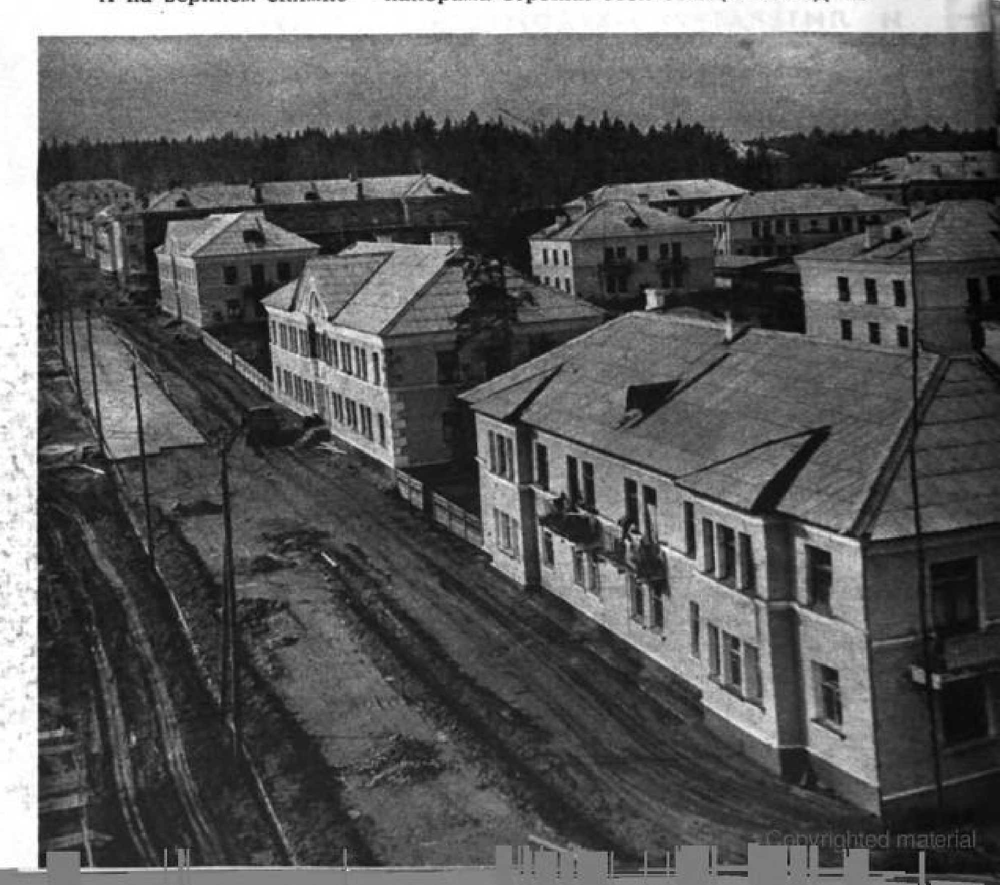
Управление атомной станцией полностью автоматизировано.

Все строительные работы первой очереди должны быть завершены к концу будущего года.

...Со стройки мы уходили поздно вечером. Работы продолжались и ночью, при свете прожекторов. Заночевать пришлось в гостинице. Она расположена в новом поселке, который начал сооружаться только в прошлом году. За год возникли благоустроенные улицы с красивыми жилыми домами, школами, детскими садами и яслями. Возводятся стены десятков новых зданий. Одновременно со строительством атомной электростанции здесь вырастает новый, социалистический город.

Так будет выглядеть Белоярская атомная электростанция в 1960 году. А на верхнем снимке — панорама стройки этой станции сегодня.

...ОМНАЯ

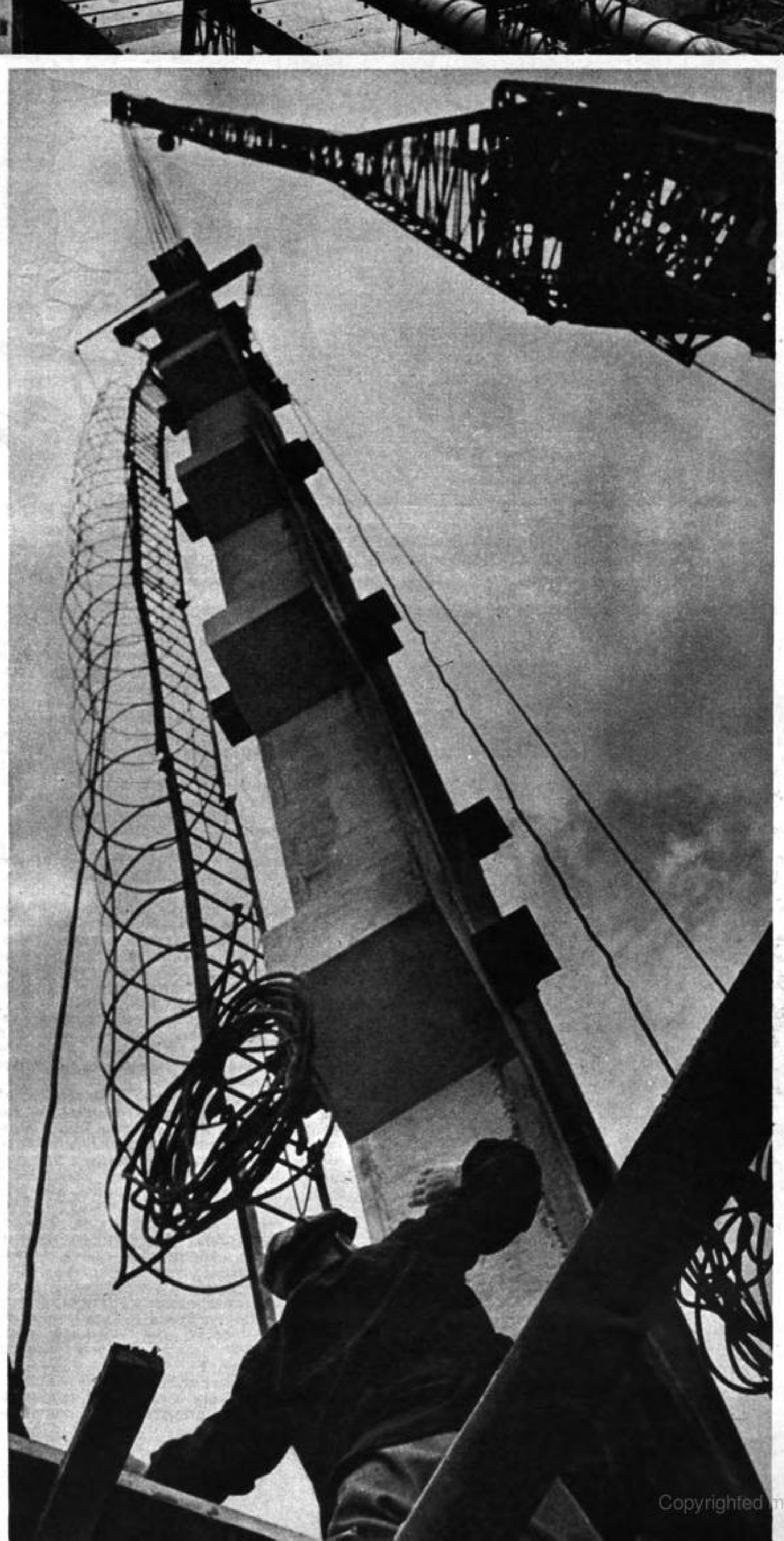

Колонна высотой в 25 метров и весом в 35 тонн установлена за 20 минут. →

← П. С. Моисеенко руководит сооружением главного корпуса.

Строится новый, социалистический город... ↓

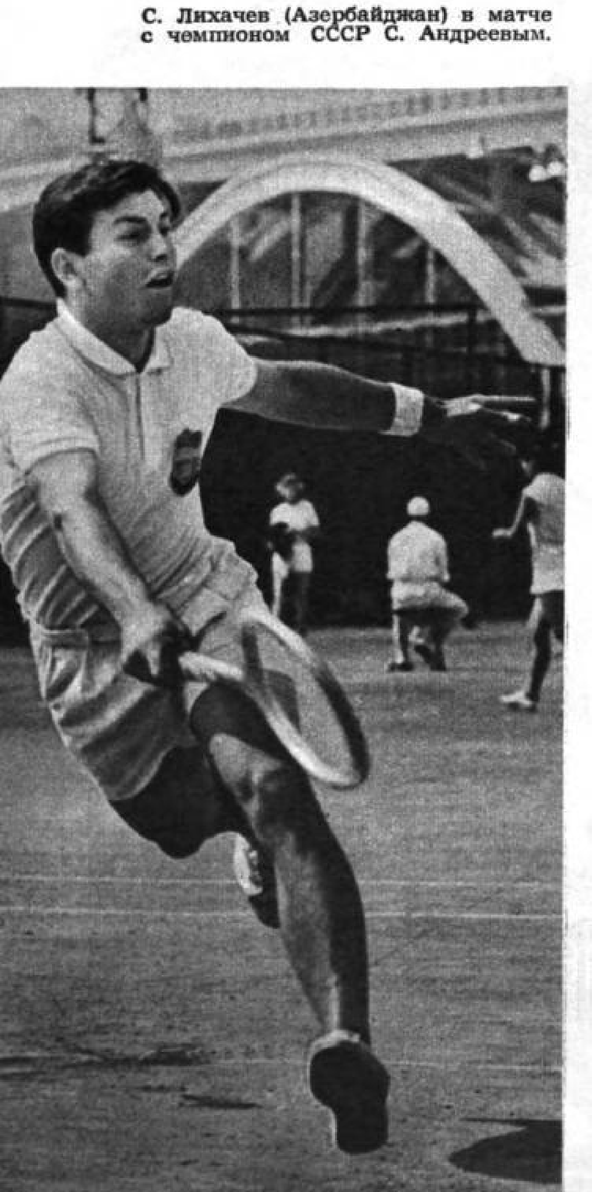

Один из забегов на сто метров.

Без побежденных

В. ВИКТОРОВ, М. МЕРЖАНОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

С. Лихачев (Азербайджан) в матче с чемпионом СССР С. Андреевым.

Вот и снова мы видим шеренги стройных молодых людей. Они идут в спортивных костюмах под знаменами своих республик как их посланцы на Спартакиаду народов Советского Союза. На лицах торжественно шагающих спортсменов улыбки.

Каждый раз в дни празднеств, фестивалей или крупных спартакиад мы видим лицо народа. Оно являет нам не только свою физическую, но и духовную красоту, которая может быть только у народа свободного, уверенного в своей жизни, влюбленного в нее, у народов-братьев, живущих одной дружной многонациональной семьей.

История не знает таких великолепных проявлений счастья и радости, какими богаты наши молодежные праздники. Мы привыкли к ним потому, что спорт накрепко вошел в наш быт и стал явлением всенародным.

Массовые состязания давно известны. Наиболее популярные из них—олимпийские игры, на которые съезжаются спортсмены пяти частей света.

Наши спартакиады вполне можно сравнить с олимпиадами и по количеству видов спорта и по многим результатам, а по числу участников они значительно превышают все крупнейшие комплексные состязания: 8 тысяч спортсменов!

Эмблема олимпиад—пять скрещенных колец. Эмблемой наших спартакиад могли бы стать пятнадцать скрещенных колец как символ неразрывной дружбы всех народов, населяющих пятнадцать союзных республик. Эта мысль пришла, как только начался торжественный марш участников спартакиады.

Вот уже несколько дней на стадионах, водных станциях, площадках, кортах спортсмены состязаются в искусстве бега, плавания, гребли, бокса, фехтования. Игры лучших баскетбольных команд собирают тысячи зрителей. Впрочем, не меньшее число любителей мы видели на ипподроме, на Москве-реке, на стрельбище, на шоссе. Да разве можно охватить всю географию спартакиады!

Спартакиады — «смотрины» мастерства. Мы привыкли видеть знакомые коллективы, команды и ведущих атлетов, всегда стоящих в центре нашего внимания. Мы от них ждем высоких результатов, и они нас радуют победами. Но наши спартакиады имеют и характерную особенность: они щедро открывают новые таланты.

Если представить себе спортивную карту нашей страны, то можно увидеть, как после каждой спартакиады на ней исчезают «белые пятна».

Кто мог предполагать еще несколько дней назад, что баскетболисты Азербайджана выиграют у опытных спортсменов Литвы и Украины, игроки Казахстана добьются победы над известной и сильной командой Грузии!

Не менее убедительно исчезновение «белых пятен» в таком виде спорта, как водное поло. Для Средней Азии этот вид спорта является совсем молодым, а между тем коллективы Туркмении и Таджикистана обыграли спортсменов Белоруссии, а команда Узбекистана одержала верх над литовскими ватерполистами. Звучат новые имена и в легкой атлетике. На стометровой дорожке рядом с известными спринтерами мы с удивлением и радостью у финишной ленты увидели молодых бегунов Н. Стрижакова из Таджикской республики и Г. Третьяка из Киргизии. Оба они показали хорошие результаты.

И в финальном беге чемпионом спартакиады, а одновременно и

Айдар Валиахмедов (Киргизия) берет препятствие в состязании по пятиборью.

чемпионом СССР стал молодой Эдвин Озолин, оставивший за своей спиной и Ю. Коновалова и Л. Бартенева — неоднократных чемпионов страны и олимпийских призеров.

Мы уже говорили о том, что многие результаты, достигнутые на спартакиаде, могли бы украсить самые крупные международные соревнования. В этом легко убедиться хотя бы на нескольких примерах. Два прыгуна, И. Кашкаров и Р. Шавлакадзе, оспаривая золотую медаль, преодолели планку, поставленную на высоту 211 сантиметров. Великолепный результат!

Вновь показала свое большое мастерство мировая рекордсменка в беге на 400 метров Мария Иткина. В финальном забеге она прошла круг за 53,7 секунды. Это всего на одну десятую долю секунды хуже рекорда.

Всеобщее внимание, как всегда, привлек бег на 10 тысяч метров. Мы помним успехи на этой трудной дистанции многих наших стайеров и недавние триумфальные победы Владимира Куца.

Теперь Владимир Куц сидит рядом с нами на трибуне и с волнением наблюдает за целой плеядой своих наследников. Они сейчас только стартовали. Их двадцать три. Но по праву и Куца можно считать участником забега, ибо диктор после каждого пройденного километра сообщал:

— А Куц на прошлой спартакиаде такой-то круг пробежал на столько-то лучше.

Сильные наши стайеры П. Болотников, И. Чернявский, Л. Виркус, И. Пудов и другие заочно состязались с Куцем.

Рекордсмен прошлой спартакиады и рекордсмен мира В. Куц внимательно следит за секундомером. Судя по темпераментному началу,

В первый день спартакиады закончилась многодневная велогонка по дорогам пяти республик. Ответственный секретарь Федерации велосипедного спорта СССР М. Семенов вручает приз «Огонька» А. Ючкову.

можно было сделать вывод, что П. Болотников делает попытку улучшить рекорд спартакиады. Он очень сильно проходит первые круги, и у Куца вырывается:

— Не «перехватил» ли Петя?

Долго еще Болотников бежит в рекордном графике, а затем «предвидение» Куца оправдалось. Спортсмен не выдержал взятого темпа, но все же победил с отличным результатом — 29 минут 3 секунды.

Много еще ярких эпизодов было вписано участниками спартакиады в ее славную историю. Она отмечена рядом больших успехов. Конечно, были и неудачи: без них не может закончиться ни одно соревнование.

Но в данном случае побежденных нет, так как все спортсмены приобрели новый опыт, повысили мастерство, а главное, получили зарядку на будущее.

Момент матча баскетбольных команд Киргизии и РСФСР.

Борьба за мяч во встрече коллективов РСФСР — Москва.

Что думает «американец с улицы»

Джозеф НОРС

«Человек с улицы» — понятие довольно широкое, это относится, конечно, и к жителям Нью-Йорка. Если вы обратитесь к завсегдатаю Уолл-стрита, особенно если он из числа набобов биржи, вы увидите плотно сжатые губы и то выражение холода на лице, которое свойственно обладателям солидных пакетов акций. Другое дело — районы, где обитает беднота. Там другие лица, большей частью открытые, люди больше склонны к улыбке, к душевному разговору, все равно, будет ли ваш собеседник человеком белой расы или «цветным» — негром, пуэрториканцем,— которые составляют шестую часть населения нашего гигантского города.

Такова уж судьба нашего брата журналиста — встречаться с множеством людей, вглядываться в их лица, угадывать их мысли и настроения по выражению глаз. В последние дни я занимался этим усиленно и разговаривал с многими десятками ньюйоркцев. Темой разговоров было то, что сейчас занимает и волнует всех моих американских сограждан,— обмен визитами советского премьера Н. Хрущева и президента США Д. Эйзенхауэра.

Я с полной убежденностью могу сказать, что подавляющему большинству средних американцев словно легче и шире стало дышать, когда до них дошла эта весть. Премьер Хрущев приедет «к нам»; президент Эйзенхауэр отправится «к ним». Эти «к нам» и «к ним» неожиданно резко сблизились в сознании американцев. Впрочем, они уже не первый год мысленно готовятся к этим встречам и возлагают на них большие и искренние надежды. За последнее время они жадно следили по газетам о поездках «к ним» видных деятелей Америки: губернаторов некоторых штатов, сенаторов, глав разнообразных американских научных и общественных организаций. И, разумеется, у моих соотечественников свежи в памяти визиты Микояна и Козлова в Соединенные Штаты и только что состоявшаяся поездка вице-президента Никсона в Советский Союз.

Я хочу рассказать советскому читателю о том, как простые американцы на свойственном им языке «человека с улицы» откликаются на предстоящий приезд сюда Никиты Сергеевича Хрущева. При этом мне придется сделать некоторую невеселую, но необходимую оговорку. У нас в стране далеко еще не испарилась боязнь говорить открыто, порожденная недавним прошлым. Маккарти не так еще давно лег в могилу. Американцы не любят отвечать журналистам на политические вопросы и, в частности, на вопросы, связанные с Советским Союзом. Поэтому нелегко интервьюировать нью-йоркского «человека с улицы» по острым вопросам современности. Он часто тут же уходит в свою раковину или начинает смотреть на вас исподлобья, взвешивая, не агент ли вы политической полиции и не грозит ли ему этот разговор чем-либо недобрым.

Но в конце концов, если у вас самого внешность обыкновенного американца, с вами все-таки заговорят,— может быть, не без некоторой сдержанности, но уж во всяком случае просто и бесхитростно.

Первым моим собеседником был человек лет тридцати пяти, высокий, хорошо сложенный, с слегка тронутыми сединой волосами и голубыми глазами англосакса. Он оказался ветераном двух войн — мировой и корейской.

— Визит Хрущева? Визит Эйзенхауэра? Разумеется, это к добру! Эти поездки отвечают тому, что мы чувствуем все, и американцы и русские: должен быть наконец достигнут прочный мир.

Он сказал мне, что войны осточертели ему, что он не может даже подумать о новой войне, это просто невозможно!

— Я из тех, кто потаскал на плечах винтовку и поел солдатского супа. Как же я могу сказать что-нибудь против приезда Хрущева к нам?

Он неожиданно умолк, потом спросил, кто я такой, от какой газеты. Услышав, что я из газеты «Уоркер», он задумчиво кивнул головой, протянул мне руку и удалился...

В тот же день я говорил с американцем постарше — ему, видимо, было уже за пятьдесят. Это был лавочник в одном из районов Нью-Йорка со смешанным населением: там живут и мелкие дельцы и в большом числе рабочие. Услышав мой вопрос, лавочник перестал вытирать тряпкой прилавок, немного подумал и сказал:

— Видите ли, по-моему, мы слишком затянули с этим приглашением. Русского премьера надо было пригласить несколько лет тому назад. Я, видите ли, в свободное время читаю книги по истории. Поэтому мое мнение не с потолка. Да и вообще мы, американцы, нынче посерьезнее относимся к политическим делам, чем тогда, когда я еще был мальчишкой. Народ больше читает, грамотности прибавилось за полвека. А главное,— он хитро прищурился,— мы научились читать и между строк!

Он снова помолчал и продолжал:

— По-моему, все американцы должны быть рады тому, что советский премьер приедет и будет разговаривать с ними, а они с ним. Это всем будет только приятно.

Он снова напомнил мне, что не чужд истории. Он знает из книг и о том, что такое социализм. По его мнению, это законная система взглядов, а вовсе не ересь и не какой-нибудь подрывной заговор. Правда, сам он не социалист и никогда им не будет. Но он ничего не имеет против людей, которые стоят за социализм. Каждый вправе иметь свои взгляды на жизнь.

— А мистера Хрущева,— сказал он и ударил ребром ладони по прилавку,— я буду приветствовать. Потому что этот человек хочет мира, что бы тут о нем ни говорили в газетах. Русские достаточно натерпелись от войны. Теперь — я видел на их выставке — они заняты делом, строят свое хозяйство, и очень хорошо строят. Зачем же им война?

Мы распрощались. Провожая меня, он сказал:

— Я был бы очень рад повидать лично мистера Хрущева, когда он приедет к нам...

Обдумывая эту беседу с нью-йоркским мелким торговцем, я ехал в такси на советскую выставку. Сидевший рядом со мною шофер был коренной ньюйоркец, житель района трущоб; у него было худощавое лицо с ястребиным носом, грубоватая, несколько насмешливая речь, как у большинства наших шоферов.

— Черт возьми, какой тут может быть вопрос? Ну, конечно, пускай Хрущев приезжает к нам! А Айк пусть отправляется туда. Пусть большие люди договариваются, и как следует договариваются. Главное, обойтись без войны. А то у нас у всех словно повязка на глазах — не знаешь, чего ждать завтра! Да и вообще это стоящее дело, посмотрите, как хорошо встречали русские Никсона! Правда, сам я не его сторонник, я на прошлых выборах голосовал за демократов. Но мне нравится, что в Советском Союзе так хорошо приняли американца.

Он повернулся ко мне и сказал, глядя на меня своими острыми глазами:

— Я думаю, что и мистера Хрущева примут здесь хорошо. Он представитель русского народа, большого народа, таких гостей надо принимать как следует.

Я спросил его, побывал ли он на советской выставке в Колизее. Он ответил, что очень этого желал, но приходится работать чуть ли не по 12 часов в день, и пока ему это не удалось. Но он обязательно постарается попасть на выставку до закрытия. Он не прочь бы побывать и на американской выставке в Москве, поглядеть, как смотрят ее русские.

На лице шофера вдруг появилась озорная улыбка.

— Я слыхал от ребят — они читали в газетах,— что там выставлен американский домик, который может приобрести каждый американец. Если бы я мог в своем такси провезти мистера Хрущева по той улице, где живу сам, он убедился бы, что далеко не все американцы блаженствуют в таких домиках... Нет, конечно, нам не одурачить русских, да и зачем это делать? Мне бы не понравилось, если бы меня захотели обвести вокруг пальца. Только я думаю, что русским нет расчета этого делать. Так говорят те, кто уже побывал у них на выставке...

Побродив по Колизею и с грустью подумав, что выставка завтра закроется, я возобновил там свои интервью с «человеком с улицы». Что я могу сказать? Все, к кому я ни обращался, были искренне рады приезду премьера Хрущева. Все крепко надеются, что будет достигнуто соглашение о мире. Некоторые, правда, выражали сомнение, можно ли этого достигнуть сразу. Но смысл всех суждений был таков, что лучше вести долгие переговоры, чем в короткий срок начать стрелять.

Только один человек из встретившихся мне имел противоположное мнение. Это был вице-директор крупной строительной фирмы, тучный белобрысый человек, родившийся в Германии. Выставка произвела на него сильное впечатление, но по вопросу о приезде Хрущева он высказался отрицательно.

— Думаю, это будет нехорошо,— заявил он, предположив во мне газетчика из «большой прессы».— Американцы могут поверить Хрущеву, а верить русским не следует.

Из дальнейших слов этого человека я понял, что он до сих пор не утратил душевной теплоты к нацистам. Он был единственным противником взаимных визитов Хрущева и Эйзенхауэра среди людей, опрошенных мною. Думается, что и во всем американском народе процент таких «противников» не более высок.

Назавтра утром я развернул «Нью-Йорк таймс» — нашу весьма влиятельную и не отличающуюся теплыми чувствами к Советскому Союзу газету. В газете оказалось множество писем читателей, откликающихся на предстоящий приезд Н. С. Хрущева. Все отклики положительные, многие из них восторженные. Одно письмо как бы подытоживает общее чувство американцев. Оно начинается так:

«Не только мы, но и весь мир должен возрадоваться, услышав новость, что президент Эйзенхауэр и советский премьер Хрущев обменяются визитами... Обязанность всех нас, американцев, сердечно принять советского премьера, показать ему, что мы зрелые и разумные люди». Автор письма призывает далее американцев не прислушиваться к тем, кто сеет рознь, ко всем этим «пророкам ненависти и войны», уже старающимся всячески «испортить настроение большинству американцев, которые приветствуют приглашение советского лидера».

В конце письма выражается мысль, что человечество вступает в новый период, период мира. Мне кажется, что действительно у подавляющего большинства американцев такое чувство. Я убедился в этом, разговаривая с «человеком с улицы» не только в последние дни, но и во время моих долгих поездок по Соединенным Штатам за последние годы.

Нью-Йорк.
9 августа.

15 августа — годовщина освобождения Кореи

ПЕРЕВАЛ К СЧАСТЬЮ

Владимир ЮРЗАНОВ

Погожим августовским днем мы ехали по горной дороге из Пхеньяна на восток. Кончился период летних дождей, и зелень стала яркой, помолодевшей, как весной. В долинах, среди поросших сосной и дубом сопок, изумрудные рисовые поля занимали все доступное глазу пространство.

Мой спутник Ким Си Хак — переводчик и литератор — то и дело обращал внимание на достопримечательности, встречавшиеся нам на пути. Я не впервые ехал по корейской земле, знал здесь каждую сопку, каждый поворот дороги, но слушал внимательно: народные легенды «страны утренней свежести» так поэтичны, содержательны, полны такой глубокой мудрости! Нет, пожалуй, ни одного географического пункта в Корее, который не был бы увековечен в народных сказаниях и песнях.

Но вместе с легендами многое на нашем пути свидетельствовало о действительных событиях жизни, о великих подвигах народа-героя. Вот островерхая сопка, с которой во время войны стрелки-охотники сбили не один десяток американских самолетов. Вон там, за хребтом, крутой откос, где бросился грудью на амбразуру вражеского дзота воин-герой Ким Сен Дин.

Все это приметы войны. А рядом приметы мирной жизни, борьбы народа за социализм. Составы новых вагонов, груженных станками, машинами, удобрениями, ведет ярко-зеленый электровоз, то и дело ныряя в тоннели. Длинный мост через широченное ущелье только что вошел в строй. Новый городок вырос в горах — это поселок свинцового рудника. Ажурные вышки высоковольтной передачи бегут, обгоняя друг друга, по склонам Восточно-Корейских гор. Мы догоняем колонну отечественных грузовиков, мчащихся к морю. На бортах машин нарисован Чоллима — сказочный конь, делающий в день по десять тысяч ли, обгоняющий время, символ социалистической Кореи.

Мы преодолели от Пхеньяна до Вонсана девяносто девять перевалов. Когда машина поднялась на последний из них, Мучолён,— «перевал, где отдыхают кони»,— Ким Си Хак запел «Ариран» — песню о многих перевалах, которые надо преодолеть человеку в жизни. Каждый человек, все люди вместе, одухотворенные высокой целью, стремятся вперед, ввысь и достигают своего Перевала Счастья.

Как бы в подтверждение, поднявшись на высокий хребет, мы увидели далеко внизу залитую солнцем прибрежную долину и город-герой Вонсан.

Я вспомнил дни войны. Вонсан лежал в руинах. Американские самолеты и корабли с моря сутками бомбардировали город и порт. Пустыми глазницами, проломами стен глядел на море вагоноремонтный завод. Исковерканные напалмом стальные конструкции крекинг-завода, как черные змеи, вились по земле. Дотла были выжжены прекрасные сады и поля.

В центре города высилась сопка Напхальсан, что означает Горн, где сражались с врагом до последней капли крови корейские моряки. Они поклялись у памятника советским героям, освободившим в 1945 году Вонсан от японского ига, что будут драться с врагом, как советские матросы. Они сдержали слово. Враг был остановлен, а потом выбит из Вонсана.

Теперь город восстал из руин. Дымят трубы сотен его социалистических предприятий. Нарядные улицы с многоэтажными домами раскинулись вдоль моря. Бодрое оживление царит в порту.

После войны, навязанной корейскому народу американским империализмом, прошло не много времени. Но народ Кореи упорен, терпелив и полон любви к своей многострадальной родине. Он восстановил разрушенную войной экономику, заложил под руководством своей славной Трудовой партии основы социализма.

В Корее, освобожденной 14 лет назад Советскими Вооруженными Силами и празднующей свой великий День освобождения, люди, достигшие перевала, откуда открываются широкие социалистические горизонты, движутся дальше, к новым вершинам. Ведет их Трудовая партия, поддерживает братская солидарность народов Советского Союза, Китая и других государств лагеря социализма. Рука об руку, плечом к плечу с ними преодолевает все препятствия на славном пути героический народ поэтической Чосон — «страны утренней свежести»...

В Пхеньяне, Вонсане, Хамхыне, Хыннаме, Кусоне, Сонниме, Хичхоне, Чондине, Саривоне и многих других городах Кореи мы видели и чувствовали величайший трудовой накал, неиссякающий энтузиазм сотен тысяч, миллионов людей. То, что делалось раньше за годы, делается сейчас за считанные дни. Запомнились слова замечательного писателя, певца корейской трудовой жизни, большого нашего друга Ли Ги Ена, которые он сказал мне как-то в задушевной беседе:

— Чоллима, легендарный конь, оседлан теперь нашим народом и перестал быть сказочным. Люди, освобожденные советскими воинами из колониальной тюрьмы, дали ему простор. Народные силы освободились от пут тяжелого прошлого, вырвались на свободу, и нет им преград, как горному потоку после грозы.

В этот день великого праздника народа Кореи хочется сказать:

— Пусть великая звезда свободы освещает твой славный путь к вершинам счастья! Пусть еще увереннее и быстрее скачет Чоллима!

Члены сельскохозяйственного кооператива Дюнхун в уезде Сунан построили водохранилище, которое орошает рисовые поля.
Фото Телеграфного агентства Кореи.

Стихи австралийского друга

В Советском Союзе гостит прогрессивный поэт Уилтон Джон Браун. Его перу принадлежат произведения, посвященные рабочему классу Австралии. Он сам вырос в рабочей семье, с четырнадцати лет начал трудиться на одном из заводов Сиднея.

Поэт разоблачает миф о «всеобщем процветании» Австралии, правдиво показывает жизнь своего народа.

Под впечатлением увиденного в Советском Союзе Уилтон Джон Браун написал стихотворение «Первая весна».

Улица Горького.
Полдень воскресный.
Весна как весна:
Журчит и звенит,
Кивает подснежником,
Солнечной песней
Летит в голубой
Обновленный зенит.
Скворец, как обычно,
Уселся на ветке...
Весна как весна!
Облака легки...
А в песне я слышу
Шаги семилетки,
Я слышу
Размашистые шаги!
Весна необычная:
Поступь какая
Впервые у марта,
Апреля и мая!
Веселые лица,
Счастливые лица...
И эхо шагов
Отражает столица.
Весенней, счастливой
Москвою шагая,
Я города чувствую
Сердцебиенье.
Я вижу, я слышу,
Я верю, я знаю:
Весна коммунизма —
Эпохи рожденье.
Улица Горького.
Полдень воскресный.
Ликующий полдень
Великой страны.
В сердце поэта
Становится песней
Эхо шагов
Небывалой весны.

Перевел с английского
А. МАМОНОВ.

УЧИСЬ СМОТРЕТЬ И ПОНИМАТЬ

Портрет
У ПЕРЕДВИЖНИКОВ

Н. МАШКОВЦЕВ

Специфические средства живописи и графики обладают огромной изобразительной силой. Никакое словесное описание внешности человека никогда не может конкурировать с живописью, графикой или скульптурой. Никакое литературное описание цвета не может соперничать с его живописным изображением. В этом главная сила живописи.

Только осознав возможность и границы каждого вида искусства, можно вплотную подойти к пониманию задач портрета и уяснить себе, чем он отличается от жанровой живописи.

Портрет перестает быть портретом, когда изображает человека, занятого каким-либо действием или взволнованного душевным переживанием. В таком случае это будет уже не портрет, а жанровая картина. Граница между портретом и бытовой живописью (жанром) очень точная и обязательная, и художник должен отчетливо ее сознавать. Передача сходства — первая задача художника-портретиста. Непохожий портрет или портрет, произвольно измененный художником, не может считаться портретом. Но сходство не должно быть чисто внешним. Зритель не может удовлетвориться им, ибо это сходство неполно.

Об основном требовании к портрету проницательно сказано В. Г. Белинским: «Кажется, чего бы легче было верно списать портрет человека. И иной целый век упражняется в этом роде живописи, а все не может списать знакомого ему лица, так, чтобы и другие узнали, чей это портрет. Уметь списать верно портрет есть уже своего рода талант, но этим не оканчивается все. Обыкновенный живописец сделал очень сходно портрет вашего знакомого; сходство не подвергается ни малейшему сомнению в том смысле, что вы не можете не узнать сразу, чей это портрет, а все же както недовольны им, вам кажется, будто он и похож на свой оригинал, и не похож на него... Но пусть с него снимет портрет Тыранов или Брюллов — и вам покажется, что зеркало далеко не так верно повторяет образ вашего знакомого, как этот портрет, потому что это будет уже не только портрет, но и художественное произведение, в котором схвачено не одно внешнее сходство, но вся душа оригинала»[1].

Портретист добровольно берет на себя обязательства добросовестного изучения натуры; он видит ее непосредственно перед собой. Художник открывает в живой модели такие черты, которые, возможно, не увидел до него никто другой. Вся работа художника-портретиста сопровождается бесконечными открытиями. Действительность раскрывается перед его глазами, как цветок под действием солнечных лучей. И, наблюдая это явление, художник стремится, не потеряв ни одной подробности, перенести все увиденное на свое полотно.

В русской литературе есть поразительное описание процесса работы художника-портретиста. Это тот эпизод в «Анне Карениной», где Михайлов пишет портрет Анны. Толстой выводит художника, который принадлежит другой эпохе. Михайлов — демократ, он независимо держит себя с заказчиком. Но Толстого более всего интересовала сама живописная работа художника и причина того неотразимого впечатления, которое произвел на всех окружающих портрет Анны. Толстой говорит о том, что портрет с пятого сеанса поразил всех, в особенности Вронского, не только сходством, но и особенною красотою. А когда портрет был готов, все, кто близко и давно знал Анну, были поражены тем, что художник как бы объяснил всем, в чем, собственно, состояло ее обаяние.

Толстой работал над этой частью романа и в то же время позировал художнику Крамскому. Наблюдая за процессом работы и разговаривая с Крамским, он сам находился в том напряженно-творческом состоянии, которое позволило Крамскому создать портрет, не только необыкновенно похожий внешне. «Проглатывание впечатлений» (выражение самого Толстого) — вот что удалось изобразить Крамскому. По его словам, он был сам не свой, когда работал над портретом Толстого. Толстой его поразил. «На гения смахивает»,— писал Крамской своему знакомому.

В ряду многих других портретов Крамского выделяется портрет знаменитого актера В. В. Самойлова. Своеобразный костюм (бархатный пиджак, рубашка с широким воротом и сборчатой грудью) подчеркивает вместе с небрежной прической и эспаньолкой своеволие его артистической натуры. Общие законы моды для него необязательны. Вероятно, он сам автор своего костюма, который ничем его не стесняет. Широкий ворот позволяет голове принять любое положение, жесты подчеркнуты сверкающей белизной мягких манжет. Это артист с головы до пят. Крамской подчеркивает подвижность его фигуры, и особенно лица, всегда готового к сценическому перевоплощению.

Наряду с Крамским замечательным портретистом-психологом был В. Г. Перов. Он так же, как и Крамской, был главным организатором передвижных художественных выставок. Начало семидесятых годов было временем расцвета творчества Перова-портретиста. На выставке в 1872 году он экспонировал портреты Даля, Достоевского, историка Погодина. Портретные образы Перова отличаются значительностью и глубокой правдивостью. Художник изображает свою модель не в случайном, преходящем душевном состоянии, а в типичном, постоянно ему присущем. Таков портрет Даля, врача по профессии, писателя-гуманиста и великого патриота, собирателя сокровищ русского народного языка. Даль изображен стариком. Он спокойно сидит в кресле, сложив худые руки на коленях. Живой взгляд контрастирует со слабым, худым телом, облаченным в просторный халат. Ясная душевная его жизнь не повреждена, не разрушена старостью. В портрете нет физиологических признаков старости.

Общая линия развития демократического портрета передвижников определяла их внимание к кругу портретируемых лиц. Вместо кичливых господ и нарядных красавиц, вместо архиереев, генералов, военных и штатских передвижные выставки наполнялись портретами деятелей национальной культуры, ученых, передовых писателей, артистов и художников. Крамской и Перов были зачинателями этого нового направления портретной живописи.

Художник Н. Д. Кузнецов был своеобразным и сильным живописцем. Он превосходно чувствовал материальную сущность предмета, который он изображал, будь это человеческое тело, ткани одежд, бытовые аксессуары. Разноголосое разнообразие вещей он умел приводить к объединяющему живописному единству. Живописи Кузнецова присуща сила простого чувства, ясность формы, насыщенный цвет. Такова «Ключница». Художник изобразил здесь свою жену. Обаяние портрета в здоровом чувстве действительности и неиссякаемой энергии.

Иные цели преследовал В. М. Васнецов. Он менее известен как портретист. Он работал главным образом в сфере русской легенды и сказки. Он часто использовал для воплощения своих героев живую натуру. Таков портрет Ивана Петрова, послуживший прообразом для Ильи Муромца в картине «Богатыри». Художник искал такого человека, который и своими внешними данными и складом характера помог бы приблизиться к образу Ильи Муромца.

Поистине грандиозная галерея портретов создана И. Е. Репиным. Здесь он был учеником и последователем Крамского. Вся современная Репину русская действительность отражена в этой галерее. Он повсюду, непрерывно рисовал. Как живые, смотрят люди с его портретов. Репин обладал даром почти сразу увидеть в человеке самое главное. Но иногда он делал и по нескольку портретов одного лица, стремясь ближе подойти к его пониманию. Среди портретов Репина чувствуешь себя как среди живых людей. Ярко выступает индивидуальный характер каждого человека. Таков и портрет П. П. Чистякова, профессора академии, знаменитого педагога, учителя великого множества художников. Репин также прибегал к его советам. В своей книге «Далекое — близкое» он дал ясное изложение системы Чистякова, учившего, как изображать голову человека, чтобы ни в одной черте не потерять характера индивидуального ее строения. Работая над портретом Чистякова, Репин, видимо, вспоминал советы своего учителя — с такой предельной ясностью построена эта голова мудреца, создавшего практическую философию рисунка.

В высокой степени интересны портреты, написанные (главным образом пастелью и карандашами) С. В. Малютиным. Это портреты по преимуществу московских художников. Среди них Остроухов занимает одно из главных мест. Его крупная, даже грузная фигура образует на светлом фоне портрета чрезвычайно выразительную композицию. Остроухов был не только выдающимся художником и собирателем, но и руководителем Третьяковской галереи, одним из самых непререкаемых авторитетов московской художественной жизни.

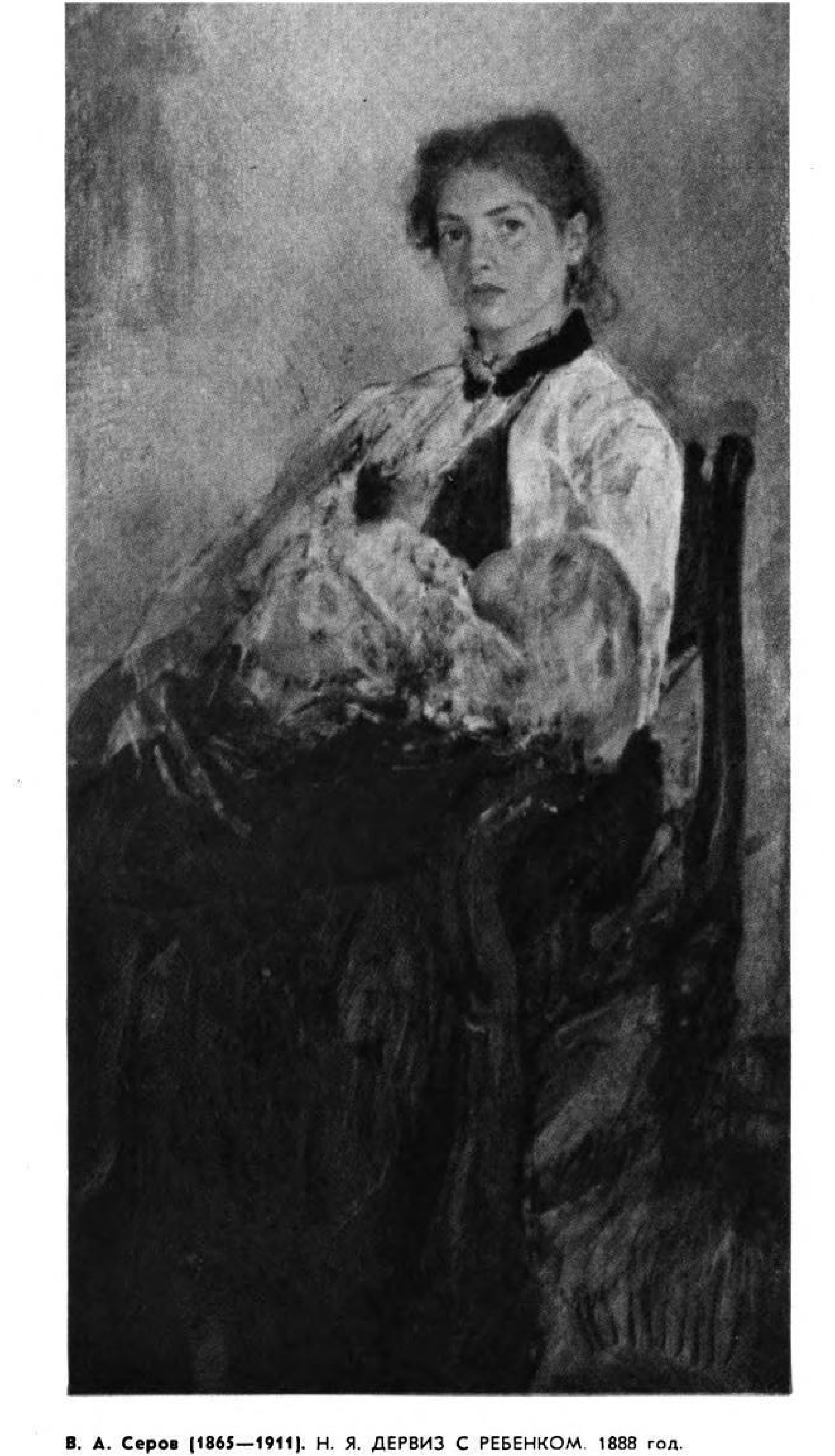
Совершенно иными качествами отличается портрет Н. Я. Дервиз с ребенком кисти В. А. Серова, последнего великого портретиста своего времени. Портрет написан в светлых тонах, передающих настроение, редкое для Серова. В светлой гамме выражено чувство тихой радости, светлое восприятие жизни.

Примечательна дальнейшая эволюция портрета. Портрет передвижников демонстрирует горячее внимание художника к современности. Бесконечно слабее то, что было создано в этой области позднейшим поколением. Утратилось живое чувство действительности, понимание движущих сил развития, любовь к человеку. Декадентство и формализм прервали традицию русского портрета. И только Великая Октябрьская революция обеспечила возможность развития искусства на новых началах. Человек занял в искусстве социалистического реализма подобающее ему место. И это прежде всего сказалось на возрождении портретной живописи, учителями которой для наших живописцев являются великие мастера нашего прошлого.

---

[1] Белинский «Взгляд на русскую литературу 1847 года». Собрание сочинений. М. 1948 г., т. III, стр. 790. С портретами работы Брюллова Белинский мог познакомиться, еще живя в Москве. Тыранов — художник, сперва учившийся у Венецианова, а затем у Брюллова, занимался и портретами, но из-за обстоятельств своей жизни не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Н. Д. Кузнецов (1850—1920). КЛЮЧНИЦА. Портрет жены художника. 1887 год.

В. А. Серов (1865—1911). Н. Я. ДЕРВИЗ С РЕБЕНКОМ. 1888 год.

Государственная Третьяковская галерея.

ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

Главы повести

Валерия ГЕРАСИМОВА

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

«Какое вам дело!»

Улизнуть все же удалось. И даже не улизнуть, а с благословения Ирины Игнатьевны отправиться к горному озеру, по утверждению шофера Марека, богатому рыбой. Произошло это лишь потому, что затея, сначала воспринятая как дикость, неожиданно приобрела в глазах Ирины Игнатьевны иное значение. Ведь, кроме Марека, к ним примкнули еще несколько человек. Был здесь и его тесть — старый каменщик из Брно, и парень из ГДР, тоже строитель по профессии, и младший братишка Марека, Юлька, и радиотехник из Варшавы, отдыхающий на этом же курорте.

Теперь, когда все стало выглядеть своеобразным, чуть ли не массовым культмероприятием, Ирина Игнатьевна не решилась возражать. Недаром в свое время была членом культкомиссии месткома. Наверно, подкупило и то, что из женщин на рыбалку вызвалось поехать лишь такое безопасное и, по ее мнению, преданное ей существо, как Екатерина Сергеевна.

Перед отъездом, заметив ее скромный темно-синий костюм, Георгий Петрович сердито подумал, что здесь не обошлось без крепкой организаторской руки его супруги. По обыкновению постаралась устроить так, чтобы и без нее за ним наблюдали чьи-то глаза. Он даже попытался протестовать: мол, не тяжеловата ли такая поездка для женщины? Неожиданно вмешался Тимошин:

— Как хочешь, Георгий Петрович, а землячку я в обиду не дам. Садитесь, Екатерина Сергеевна! — со светской галантностью распахнул он дверцу полуторатонки.

Взглянув на ее какие-то особенно надежные руки, Гусев про себя решил, что, во всяком случае, рыбу она почистит как надо.

Долго ехали чудесными асфальтированными дорогами среди полей, лугов и перелесков этой живописной страны. Потом свернули, и машина, подчинившись умелым рукам Марека, заскакала по камням горной дорожки.

До неправдоподобия живописный, театрально-декоративный лес напоминал не то картинки из сказок Гриммов, не то кадры фильма «Нибелунги». Сосны удивительной стройности, под которыми пышно кудрявились папоротники и розовел вереск, а у старых, замшелых пней мухоморы такой яркости, что хотелось потрогать руками: настоящие ли?

Горное озеро было почти до дна прозрачным. Склонившиеся над водой цветущие кусты роняли свои розовые и белые лепестки, а в отдалении бесстрастно чертили водную гладь белые птицы.

— Лебеди плывут,— тихо сказала Екатерина Сергеевна.

— Прямо картинка! — несколько прямолинейно, но, как всегда, очень точно выразил свое впечатление Василий Карпович.

И все же природа была природой. Рыболовы хорошенько искупались, согрелись под горячими лучами на песчаных отмелях, а затем, каждый по своему разумению выбрав местечко, забросили удочки. Гусев и Тимошин нашли одно такое тихое у заросшего камышом бережка. Удили они с мрачной уральской сосредоточенностью, с затаенным азартом, а вот младший братишка Марека при каждой удаче неистово свистел.

Победителями оказались все же не они и даже не Марек — этот сильный, ловкий, преуспевавший во всех видах спорта человек, а его тесть, каменщик из Брно.

В своей далеко не спортивной, старомодной бархатной жилетке, с пущенной по ней часовой цепочкой, в старомодной широкополой шляпе, меньше всего казался он триумфатором. И только ведерко, до краев наполненное рыбой, говорило само за себя.

Как видно, пытаясь умалить его победу, Тимошин шепнул Гусеву, что рыбы эти словно не настоящие, слишком вялые и какие-то розовые...

А тот, в свою очередь, посетовал, что уху собираются варить в самой обыкновенной алюминиевой кастрюльке, а не в привычном для них по уральским рыбалкам прокопченном дочерна котелке.

Признаться, Георгий Петрович даже затосковал, что не слышно комариного нытья над ухом.

Хорошо еще, что главная цель этой поездки была у них иная. Похлебав уху, в которой, по их мнению, тоже чего-то недоставало или была она просто недосоленной, Тимошин и Гусев расположились под могучим кленом.

Привалившись спиной к стволу и покусывая своими все еще крепкими зубами какую-то былинку, Тимошин первым начал разговор.

Он не утаил, что после отъезда Георгия Петровича в Москву дело с внедрением последней гусевской конструкции пошло хуже. Конечно, пересматривать весь проект никто не собирается. Но создать гидрогенератор запроектированной мощности при уменьшенном объеме и весе — задача новая. Тут как назло вмешался этот выскочка Лапшин — уже второй месяц ковыряется в чертежах, а дело ни с места.

Они замолчали; блеск воды, белые птицы, цветущие кусты — все это было сейчас от них так далеко...

— А как с курсами мастеров? Кто вместо меня? — осторожно спросил Гусев.

— Там-то получше. Сам Петрушов взялся. Ничего не скажу, знающий. Но подход не тот. Сдавал Заикин Степан Семенович. Помните такого?

— Как же, из двадцать первого цеха.

— Да, он. Так вот сдавал ему электротехнику, ну, ошибся малость, так он хоть бы подтолкнул, хоть бы навел на мысль, ведь знает, что у Степана за плечами двадцатилетний стаж. Так нет! Не учел...

— Почему же Степан Семенович сплоховал?

— Не сплоховал, а по-своему выразил. Да, видно, волновался. Самолюбивый очень.

— Что ж, это не плохое качество. А помню, мастер он отличный.

— Да, уж ничего не скажешь,— вздохнул Тимошин.

Помолчали. Вспугнутые братишкой Марека белые птицы, взмахивая крыльями, понеслись по водной глади.

— Георгий Петрович,— несколько торжественно, даже привстав, начал Тимошин,— если бы снова к нам? Хоть на месяц — другой?

Гусев молчал. Вопрос, как он и предвидел, зашел о самом для него главном.

— Не могу же я оставить...— начал было он.

— Это верно. У нее, конечно, искусство...— не называя по имени, но очень уважительно сказал Тимошин.— Консерватория — дело не шуточное!

— Да нет! Уж год, как она на пенсии,— не выдержал Гусев.

— Вышла, выходит?

— В том-то и дело. Только почему-то держит это в секрете. А ведь от этого моложе не станет,— грустно усмехнулся Георгий Петрович.

— Старее станет,— убежденно сказал Тимошин.— Как от всякого беспокойства...

— Вот и я думаю так же,— кивнул Георгий Петрович.

Его душила годами копившаяся горечь. Дело, которое было для него самым главным, передано в чьи-то чужие и, как видно, равнодушные руки. А он в это время будет мирно читать лекции, принимать зачеты или благодаря стараниям и связям Ирины Игнатьевны величественно восседать в каком-нибудь кабинете.

По-своему она, конечно, права, утверждая, что всю жизнь видела его чуть ли не урывками. Познакомились они в родном ему городе во время ее гастрольной поездки на Урал.

Там же предложили ему первую большую работу на только что пущенном громадном машиностроительном заводе. Это была пора расцвета их любви, и все же он не смог, не пожелал отказаться. Только рождение Рема заставило его на несколько лет «перебазироваться» в столицу. Но и тогда в шестидесяти километрах от его родного города, среди сосновых лесов, где также высились новые заводские корпуса, ждал его заваленный чертежами и книгами коттедж. На родном заводе Гусев по-прежнему оставался постоянным консультантом, автором-проектировщиком и, наконец, преподавателем. Во время войны он снова оказался на Урале: туда эвакуировался московский завод, где он работал в предвоенные годы.

К счастью, жена согласилась к нему переехать; даже организовала на заводе музыкальный кружок, впоследствии премированный на областном смотре заводской самодеятельности...

— Зелен Лапшин, зелен,— повторил Тимошин.

К сожалению, Гусев знал, что простые его слова всегда были предельно точными.

Раздумывая о таких людях, как мастер механосборочного цеха, Гусев в полной мере ощущал меткость поговорки «Слов на ветер не бросает». Это совсем не значило, что Тимошин изъяснялся как-то особенно многозначительно, веско, или, как в плохой пьесе, не говорил, а изрекал. Напротив. Говорил он негромко, как бы вслух размышляя, и в споре его нередко забивал какой-нибудь горлопан. Но не было случая, чтобы Тимошина это смутило, а тем более заставило отказаться от собственной выношенной мысли.

Бывало, только махнет рукой, а в сердцах, случалось, плюнет и пригвоздит крикуна простым словом, вроде: «Умом бери, а не глоткой!»

В его добрых и каких-то удивительно разумных серых глазах никогда не увидишь тех беспокойных, блудливых огоньков, что у иных, пробиваясь сквозь броню самодовольства, выдают затаенную стыдливость никому не нужного человеческого существования.

Ведь если по-настоящему, по-хозяйски прикрикнуть, ну, хотя бы на такого, как Жабский, от барственной его осаночки, от рыкающего баска и следа не останется!

По роду своей работы, а отчасти и по происхождению Георгий Петрович мог считать, что знает рабочий класс.

Одно качество, несмотря на все великое разнообразие известных ему заводских индивидуальностей, он считал едва ли не самым характерным для трудового человека. Этим качеством была правдивость.

Размышляя о ее истоках, он пришел к выводу, что эта спокойная правдивость рождалась от ощущения своего действительно нужного места в жизни. «Нетрудящийся да не ест». Ясный, нестареющий лозунг. Отсюда простекало и неумение, а главное, искреннее нежелание рабочего человека приукрасить свою собственную личность. Гусев всегда любовался, когда, выступив с содержательной, конкретной и, как правило, очень короткой речью, рабочий-оратор, вместо того чтобы произнести что-нибудь «под занавес», сходя с трибуны, скромно говорил: «Вот и все, товарищи!». Чаще всего подобные выступления не сопровождаются тем, что в стенограммах значится: «Бурные, продолжительные аплодисменты». Зато какой кладезь дельных мыслей, продуманной критики и конкретных предложений они содержат! Вот почему при сложных обстоятельствах собственной жизни Георгию Петровичу прежде всего хотелось посоветоваться с Тимошиным.

— Да, еще дача эта чертова, главное — ее цветочки. Как, мол, их оставить? Заявляет: это моя последняя связь с жизнью...— Гусев сердито швырнул недокуренную папиросу.

— Что ж, Георгий Петрович, старый, что малый! — без тени насмешки или осуждения, а скорее сочувственно произнес Тимошин.

— Легко тебе говорить, Василий, а у меня жизнь дурацкая!

— А вот моя Анна Степановна квартиру в новом доме все критикует: без чердака, мол, негде белье развесить. Так у нас же теперь, говорю, домовая прачечная, тебе ж легче! Куда там! Не переспоришь! — вздохнул мастер.

— Видишь, Карпыч, на все есть «умные» доводы. Далеко, мол, от настоящей культуры. А тут еще теща, Алевтина Евгеньевна, подбавляет.

— Далеко от культуры,— покачал головой Тимошин.— Смотря как это понимать. Что же, оборудовать Красноярскую или, скажем, какую иную ГЭС, выходит, не культура?

Но, как всегда, видимо, не желая осуждать женщину с ее бедой, Тимошин замолчал. Стал говорить о другом.

Солнце припекало знойно.

— А у нас на Урале сирень только развертывается,— вздохнул Василий Карпович.

— Зато черемуха отцвела,— добавил Гусев. И сразу же белые волны горьковатой пенистой черемухи так и поплыли у него перед глазами...

Их разговор перебила веселая, хотя и не слишком стройная музыка.

К ним двигалось целое шествие. Тесть Марека, маленький, словно игрушечный старичок, вовсю задувал в губную гармошку, Марек ловко перебирал лады аккордеона, а парень — строитель из ГДР заливался на флейте. Даже братишка Марека, видимо, покоренный чарами джаза, неистово отбивал ритм какими-то палочками.

Потом запели давно знакомое, трогающее душу и нерасторжимо связанное для каждого из них с незабываемыми днями войны. «Вы-хо-ди-ла на берег Ка-тю-ша»,— увлеченно выводил игрушечный старичок. «На ши-ро-кий, на бе-рег кру-той!» — бодро подхватывал Марек.

Неожиданно из леса появилась еще одна компания, как выяснилось, многие из них — рабочие завода «Тесла» и шахтеры «Соколова» — все молодые, сильные ребята. Хор расширился, зазвучали саксофон и гитара.

Песни как-то сами собой перешли в танцы: ведь вместе с парнями были и девушки.

Словно мальчишка, наконец оказавшийся без взрослых, Георгий Петрович скинул пиджак и понесся в вальсе с каким-то восхитительным существом в золотых локонах.

И вдруг, точно с размаху, споткнулся. Сидя на траве, вернее, на разостланном жакете своего скучного костюма, Екатерина Сергеевна молча смотрела на танцы. Этого было вполне достаточно, чтобы все померкло, оказалось отравленным...

Спасло нечто неожиданное: какой-то парень в сеточке, сквозь которую просвечивала бронзовая грудь, подойдя к Екатерине Сергеевне, с низким поклоном пригласил ее. Сначала она с улыбкой — очевидно, по обычаю женщин всего мира — отнекивалась, а потом не выдержала, пошла...

Вскоре она пронеслась совсем близко от Гусева. Впервые он внимательно взглянул в ее разгоряченное лицо. Странно, но сейчас, в лучах солнца, без жакета, в какой-то легкой блузке, обнажавшей стройную шею и золотистые от загара гибкие руки, показалась она ему не только молодой, но, пожалуй, и привлекательной.

Благородный лоб, прямая линия носа красивого рисунка, но несколько бледные губы...

Поразительно! Все это мелькнуло на мгновение, исчезнув в пестром водовороте танца. Его белокурая партнерша так увлеклась, что затеяла какое-то замысловатое «па», как видно, не учитывая, что того и гляди еще споткнешься о какую-нибудь кочку!

Почтительно приложившись к ручке своей дамы, Гусев потихоньку отошел в тень развесистого дуба.

— Георгий Петрович, прошу вас, присядьте! — раздался знакомый голос. Екатерина Сергеевна гостеприимно расстелила у его ног свой жакетик. Пока он стоял, она так и не села.

Гусев принял предложение. В нем внезапно проснулось острое любопытство. Усевшись, он любезно пригласил и ее.

Жгучее чувство следопыта, знакомое ему по дням охоты, неожиданно заговорило в нем. Не то ему хотелось узнать о ней что-то, не то в чем-то уличить... Кстати, почему Ирина Игнатьевна всегда твердит, что это лицо она словно бы где-то видела?

Под веселые песни старый каменщик и парень из ГДР провозгласили тост на двух языках — сначала за строителей, потом за шахтеров и, наконец, за электриков, а белокурая дама Георгия Петровича, нежно сказав «дружба»,— подбежав к Тимошину, приколола какой-то значок к его пиджаку.

Екатерина Сергеевна и Гусев весело зааплодировали.

И все же Георгия Петровича уже вел за собой исследовательский азарт. Покосившись на ее руки, обнаженные до плеч, он спросил с выражением полнейшей невинности:

— Простите, Екатерина Сергеевна, за нескромный вопрос. Почему вы все-таки не делаете маникюра?

— Вы про это? — с улыбкой пошевелила она пальцами.

— Именно.

— Так мне не полагается. Я же врач-хирург.

— Ну, положим, на отдыхе можно было бы.

Он еще раз неодобрительно взглянул на ее чисто отделанные, но коротко, почти до мяса обрезанные ногти.

— А потом, честное слово, не нахожу это красивым. Цветные когти! — Она усмехнулась.

Эта спокойная насмешливость рассердила Гусева. Сейчас он позабыл все то, о чем сам нередко раздумывал.

— Насколько я успел заметить, вы также не употребляете косметики?

— Не крашусь? — с какой-то не совсем приличной прямолинейностью спросила она.

— Да, если хотите, не краситесь. Принципиально? — тонко улыбнулся Георгий Петрович.

— Нет, принцип тут ни при чем. Просто не идет: у меня ведь лицо простое — вот и делаюсь вульгарной.

Подобный ответ из уст этой особы в скучном костюмчике изумил Гусева. Он ждал длинных моральных сентенций, по опыту зная, что в подобных случаях женщины без этого редко обходятся. Ведь только вчера он тоскливо слушал, как Агния Борисовна и Ирина Игнатьевна минут сорок говорили о том, какой длины и какого цвета должны женщины носить брюки! Каждая исходила из серьезных морально-этических предпосылок: Ирина Игнатьевна допускала, что темно-синие или черные и при этом никак не выше лодыжек еще допустимы, зато решительно осуждала яркие и тем более укороченные, а Агния Борисовна, не принимая даже черных, оправдывала лишь байковые, от пижамы, и то лишь в интимной, домашней обстановке.

Георгий Петрович внимательно взглянул на соседку. Что это? Примитивность или издевка? Лицо ее по-прежнему было невозмутимо.

Больше того, когда веселая компания ушла в лес и все стихло, она, прислонив к дереву светлую голову, даже прикрыла глаза с выражением какой-то полнейшей бездумности. Только на неярких ее губах остался отблеск улыбки.

— Знаете, вы прямо святая! — не прощая даже слабого этого отблеска, сказал Гусев.— Признаться, Екатерина Сергеевна, я никак не ожидал, что вы, например, танцуете.

— Почему же? Иногда это приятно,— приоткрыла она светлые глаза.

— Сегодня, например? — вспомнив не без некоторой зависти широкую бронзовую грудь, спросил он.

— Да, пожалуй.

— Наверное, в расчете на подобное удовольствие вы и с нами сегодня поехали?

Он едва не употребил словцо «увязались», но вовремя удержался.

— Нет, этого я не знала.

— Так почему же?

— Люблю природу.

Ответ этот был настолько банален, а в подобных случаях почти обязателен, что Георгий Петрович сразу же почувствовал облегчение. Слава господу, что не сказала какой-нибудь еще более страшной женской фразы, вроде: «Обожаю все красивое».

— А вот позавчера на экскурсию в замок Барбароссы вы с нашей компанией не поехали. Поленились?

— Нет, это по иной причине.— На лице Екатерины Сергеевны проступило нечто похожее на замешательство.

— Вот как? Оказывается, имелась даже причина?

— Пожалуй.

— Какая же? Было бы очень интересно узнать.

— Просто так.

— Ну, а все-таки? Могу полюбопытствовать?

— Как вам сказать? — Она подняла ресницы. На него очень прямо взглянули ее светлые глаза. Также впервые он рассмотрел, что они серо-голубые, большие, но словно слегка выгоревшие или навсегда, безвозвратно утомленные.

— Уж очень было,— Екатерина Сергеевна явно подыскивала нужное слово,— суетно...

— А здесь разве не шумно, не суетно? — кивнул Гусев в сторону леса.

Там все еще раздавались песни, возгласы, взрывы хохота...

— Нет, это другое... совсем другое,— видимо, что-то для себя уточнив, твердо повторила она.

— Простите, Екатерина Сергеевна, меня, грешного, но все же хотелось бы узнать, что, собственно, вы разумеете под этим словцом «суетно». Или, по-вашему, это — праздное любопытство?

— Нет, почему же? — снова взглянула она на него.— Ну, как вам сказать? — Секунду женщина думала.— В общем, когда форсят друг перед другом, притворяются...

— Это кто же, позвольте вас спросить? — насторожился Георгий Петрович.

— Да так, многие...

— Что ж, и Ирина Игнатьевна, по-вашему?

— Ирина Игнатьевна? Нет. Ее... жалко.

От неожиданности Гусев даже вздрогнул. Только что искренне сетуя на невзгоды своей семейной жизни, он изливался перед другом. Но вот что какая-то безвестная особа, почти девчонка, «жалеет» крупного, всеми признанного человека, его оскорбило.

Слов нет, у Ирины есть свои недостатки, свои слабости, но как смеет эта, по правде говоря, весьма заурядная личность ей чуть ли не сострадать? Той, которая сыграла огромную роль в его жизни и в известном смысле сделала из него человека!

Последнюю фразу Георгий Петрович столько раз слышал в семейном кругу, что привык к ней, сжился. Порой она нестерпимо его раздражала, но только не сейчас...

— Скажите, а этот толстый — ваш друг? — негромко спросила Екатерина Сергеевна.

— Какой «этот толстый»?

— Такой... в мохнатом костюме? Конферансье, что ли...

— Вероятно, Жабский? Друг? Нет. Слишком сильно сказано. Но человек по-своему занятный. Во всяком случае, повидал немало...

— Он, говорят, что-то собирает... коллекционирует?

— Иконы,— кратко ответил Георгий Петрович.

— А еще кто-то собирает колокольчики. Ну, там с дуги или от дверей старинных,— задумчиво, почти нараспев произнесла Екатерина Сергеевна,— и спичечные этикетки.

— Что же из этого следует?

У каждого, в конце концов, могут быть свои склонности, тяготения, причуды, наконец. Разве сама она не задумывалась, что все это своеобразное проявление... Проявление... чего? Гусев умолк. Оказывается, не так-то легко на ходу сформулировать большую, сложную мысль. А по мелочам возражать не стоит.

— Вы, что же, вообще против коллекционирования? — раздраженно спросил он.

— Почему же? Если по-настоящему это дело любить, а не просто так,— спокойно ответила она.

— Что значит «не просто так»?

— Ну, без настоящего призвания, без любви, что ли. Для вида.

— Вот как, «для вида»?

Возможно, и его она подозревает в чем-то подобном... За ее словами Георгий Петрович ощущал нечто очень для себя важное, более важное, чем спор о коллекционировании. Неожиданно у него вырвалась не слишком связанная с темой разговора, но давно сложившаяся фраза:

— Спасибо, если кто-то развил твой вкус, сделал из тебя человека!

— А кем же вы были до этого? — негромко спросила Екатерина Сергеевна.

Что это? Неужто рассчитывает, что он способен вывернуть себя наизнанку перед первой встречной?

В эти минуты Гусев уже не слышал ни песен, ни смеха, долетавших из леса; исчезли даже эти пытливо устремленные на него, чуть выгоревшие, светлые глаза...

Он видел себя таким, каким когда-то пришел на рабфак. Было на нем нечто несусветное: не то балахон, не то пиджак из мешковины. Он и сейчас помнит, что на левом рукаве проступало лиловое клеймо спичечной фабрики братьев Логиновых. Отец оттуда это и притащил, а мать вытрясла, прокипятила в щелоке, а потом хорошенько прогладила и взялась за иголку.

«Хорош Егорка!» — рассмеялся отец, разглядывая его в новом одеянии. Ведь и звали его тогда не Георгий, а подлинным его именем — Егор, в просторечии — Егорка.

Теперь, конечно, и следа не осталось от их хибарки в Заречной Слободе. Давным-давно все залито асфальтом великолепного нового проспекта... Вот так и былая его шершавость постепенно покрылась чем-то гладким, новым и, как он считал, несомненно, приятным на взгляд. И этим прежде всего он обязан ей, жене. Ведь при первой же встрече с Ириной его поразила не только ее красота, а великолепная, умная непринужденность. Гораздо позднее он понял, что это хорошее спокойствие, свобода движений даются не сами собой, а результат длительной тренировки, разумных усилий, воспитания. Короче, всего того, что определяется общим словом «культура». Вот и случилось, что с первого же взгляда Ирина словно взяла его за руку и уверенно повела за собой. Что ж, если теперь, на склоне лет, а главное, после пережитого тяжкого горя раскрылось в ней слабое, женское. Но об этом нельзя: это сокровенное...

Георгий Петрович встал, не без удовольствия выпрямился во весь высокий рост и с подчеркнутой любезностью предложил даме руку.

Интересно, что изрекла бы эта верхоглядка, узнав, что отец его был всего лишь младшим конторщиком на спичечной фабрике Логинова, а мать, простая крестьянка, только после революции одолела «буквы»?

Гусеву так захотелось ее смутить, что, подавая помятый жакетик, он как бы невзначай спросил:

— Не тяжеленек ли, Екатерина Сергеевна? Ватки в плечах не переложено?

— Да, шьют у нас неважно,— не уклоняясь от сути вопроса, спокойно ответила она.

— Где это, осмелюсь спросить, «у нас»?

— В Кыштымском ателье,— безмятежно улыбнулась она.

Да, такую не прошибешь!

В обратный путь неслась уже не одна, а четыре машины. К ним примкнула встретившаяся с ними у озера рабочая экскурсия. Снова зазвучала хорошо известная веселая песенка «Вишневый сад» вперемежку с «Соловьи, соловьи...».

Когда выбрались на шоссе и надо было расставаться, Марек притормозил машину, и к ним подбежала целая делегация. Будет радостью, если товарищи заедут к ним в гости, осмотрят завод, клуб, побывают на дому. Они знают, что среди них есть работники хорошо известного им уральского завода.

Солнце склонялось к горизонту, в санатории примерно через час ужин, их ждут, и все же, не сговариваясь, пассажиры Марека единодушно согласились.

Заводские трубы, как во многих промышленных предприятиях этой страны, виднелись среди зеленых холмов, яблоневых садов, веселых перелесков.

Завод оказался как бы младшим братом того уральского, где не так давно работал Гусев. В выходной день цеха были на запоре, но парень в сеточке, через которую так красиво просвечивала бронзовая грудь, мигом куда-то слетал, и вернулся он уже не один, а с директором.

Пошли по цехам; в механосборочном Гусеву и Тимошину показали станок с маркой их родного завода.

Потом директор, до странности по-уральски кряжистый человек, рассказал им про «большой план» завода, да и всей промышленности страны. Говорил он по-русски, но подыскивая слова и с неправильными ударениями. А уральцев попросили рассказать о том, что нового у них. Георгий Петрович сказал, что несколько оторвался от завода, так как уже около года на преподавательской работе в одном из технических вузов Москвы. Тогда попросили выступить Тимошина.

Почему-то Георгию Петровичу на всю последующую его жизнь старый друг запомнился именно здесь, в цеху чужого завода. Не торопясь, спокойно и свободно, как в своей собственной семье, Василий Карпович по обыкновению кратко рассказал о том, что было ему известно.

Расставаясь, махали вслед гостям беретами, шляпами, поднимали и трясли в воздухе сцепленными руками. Потом дружно, в один голос стали выкрикивать какую-то веселую фразу. По словам Марека, она была равнозначна известной русской поговорке — как это, большие перья и маленькие перья?!

— Ни пуха, ни пера? — неожиданно подсказал Василий Карпович.

— Вот, вот! — под общий смех радостно закивал Марек.

Тем временем его тесть, как видно, человек экспансивный, пытался отдалить возвращение в русло повседневной жизни. Когда все уселись в машину, старый каменщик, заливаясь смехом и даже пытаясь ухватить зятя за плечо, предложил завернуть к старому своему другу Мирославу Горе и там закончить вечер «по-русски». Старик выразительно щелкнул себя по горлу. Голоса разделились. Все еще пребывая в состоянии необычайной свободы, Георгий Петрович неожиданно поддержал предложение.

Разногласия, возможно, затянулись бы... Вдруг чья-то рука тихонько дотронулась до плеча Гусева.

— Не надо, Георгий Петрович! Ведь вас ждут! — тихо произнесла Екатерина Сергеевна.

Сказано это было почти шепотом. И все же тихое это напоминание подействовало так, словно шлепнули его по лицу холодной и мокрой тряпкой.

Он даже сразу не нашелся, что ответить. Слишком уж внезапным был переход к классной комнате.

А оскорбительнее всего была догадка, что вопреки своим независимым «истинам» эта особа свою миссию при нем все же выполнила.

— Давно хочу вас спросить, Катерина Сергеевна,— умышленно упростив ее имя, начал он мягко, почти ласково,— говоря откровенно, какое все-таки вам до нас дело?

Помолчала и она. Затем начала какую-то длинную добродетельную фразу, вроде той, что любит природу.

Всех ее слов он так и не расслышал. Марек дал газ, и машину дернуло.

— Громче! Ничего не слышно,— уже откровенно сердясь, закричал Георгий Петрович.— Громче! Громче!

Окончание следует.

Ефим Петрович

С. ЗАЛЫГИН

Из записной книжки писателя

Однажды я встретился с председателем сибирского колхоза имени Кирова Ефимом Петровичем Пастуховым. Он сказал:

— Писать? О нас? Рано... Вот годика бы через три приезжали...

— А что будет через три года?

Пастухов кивнул в окно конторы:

— Видите, улица? Неказистая? А через три года вы ее не узнаете.

Я сказал, что на деревенской улице строится много новых домов и до полного ее преображения не нужно ждать трех лет.

— Это верно,— согласился Пастухов.— У нас сто тридцать дворов в колхозе, а построили уже шестьдесят два новых дома. Но все равно через три года о нас будет интереснее писать и читать: новый клуб построим, ферму водоплавающей птицы организуем на озере.

Так всегда было, что о хозяйстве и его руководителе судили по тому, что сделано, и по тому, какие планы. Но в наше время в коллективном хозяйстве нельзя судить о руководителе по одним только цифрам — нужно знать о нем еще многое: как он разговаривает с людьми, как тревожит его судьба каждого человека, какую школу жизни прошел он сам.

Пастухов попал в Сибирь в военные годы.

Случилось так, что в те годы в небольшом городке Купино оказалось много инвалидов: они выходили из военных госпиталей Новосибирска, Омска, Барнаула и оседали тут же, поблизости.

И вот однажды в районной газете появилось письмо человека, лишившегося на фронте ноги. Он призывал боевых друзей снова найти свое место в жизни, побороть раны и контузии. Говорят, обсудить это письмо собралось что-то около тысячи человек. На собрании выступил автор письма — бывший колхозник из Брянской области, кадровый офицер, политрук роты.

Это и был Ефим Пастухов.

Многие воины после памятного собрания пошли в колхозы, в промартели, в учреждения, а сам Пастухов вскоре был выбран председателем сельского Совета депутатов трудящихся...

Когда же колхозы укрупнили, а вслед за этим партия взялась за укрепление колхозов руководящими кадрами, не было в районе двух мнений: председателем Новосельского укрупненного колхоза рекомендовать Пастухова.

Вот и вся биография. Жизнь простая, ясная,

Разговоры идут у него с людьми на самые разные темы, и некоторые из этих разговоров, слышанные в течение одного только дня, запомнились мне.

...Приходит в контору молодой паренек, смуглый по-цыгански, в тельняшке под пиджачком.

— Здрасьте, Ефим Петрович.

— Здорово, Анатолий,— кивает ему Пастухов.

Парень явно испытывает неловкость, смущение, а бравый вид его, чуб, выпущенный из-под кепки на правый глаз,— все это нехитрая маскировка.

— В армию, значит?

— В армию...

— За расчетом пришел?

— За расчетом.

— И характеристика, наверно, нужна?

— Нужна.

— Так. Понятно.

Время отсчитывается теперь костяшками счетов, на которых прикидывает что-то бухгалтер Деревянко, прикидывает, а сам, видно, ждет: чем же закончится разговор председателя с Анатолием?

— В Михайловке у тебя неприятность была? — спрашивает Пастухов, когда молчание становится настолько тягостным, что бухгалтер отодвигает счеты в сторону.

— Ну, что там было!.. Они сами задирались.

— А в Васильевке?

— Что в Васильевке?

— А в Казахстане? География у тебя, брат, широкая. Межреспубликанская география!.. Сколько у него трудодней-то?

Вопрос относится уже к бухгалтеру, и тот быстро отвечает:

— Сто восемь! — Видно, что ждал этого вопроса.

— Не густо... Значит, дать характеристику: «Трудодней заработано сто восемь». Может, без характеристики можно обойтись?

— Нельзя... Требуют.

— Ну, ладно! Дам. Хорошую характеристику дам! Все, что в тебе есть хорошего, все запишу. А уговор такой: через три месяца пишу в часть, где будешь служить. Если сообщат, что позоришь колхоз, срамишь, знаешь, что сделаю? Вот что сделаю: письмо из части прочту на общем колхозном собрании. И постараюсь, чтобы в Михайловке о нем узнали, и в Васильевке, и в Казахстане... Ну, давай лапу! Вот так! Служи, брат, Советскому Союзу.

Парень мнет кепку в руках. Он весь красный.

— До свидания, Ефим Петрович!

Когда Анатолий уходит, Пастухов говорит:

— А парень, верите ли, будет служить! Отменно служить будет!

...Девушка в красной вязаной кофточке и в красной юбке, смуглая, полная и, должно быть, смешливая, очень серьезно обращается к Пастухову:

— Можно с вами поговорить, Ефим Петрович?

— Нет, нельзя.

— А почему?

— Некогда.

— Совсем некогда?

— Сегодня — совсем, а завтра приходи в двенадцать, поговорим, не торопясь. Только подумай хорошенько, о чем говорить будешь.

Девушка, немножко смутившись, уходит. Пастухов смотрит в окно на яркую фигурку.

— Доярка... Школу окончила, на ферме работает. У нас все доярки с десятилетним образованием.

— Она, наверно, по важному делу к вам?

— По важному. Замуж выходит. Приходила насчет свадьбы, уж это знаю точно. А такой разговор — и наспех? Никак нельзя. Вот она еще подумает, да я посоветуюсь с правленцами — завтра все решим, как надо: справим свадьбу как следует быть.

...Нина Ивановна — зоотехник. Недавно окончила Новосибирский сельскохозяйственный институт, получила назначение в колхоз имени Кирова. Несколько месяцев поработала в колхозе, а тут муж — специалист по автоделу — перевелся в Купино. И вот семья уже снялась, уехала из колхоза. Но у Нины Ивановны, видно, еще остались в колхозе дела, да и просто так хочется поглядеть на первую в своей жизни самостоятельную работу, которую так быстро пришлось оставить.

— Нина Ивановна! Привет! Не забываешь? Я вам давеча говорил,— обращается Пастухов ко мне,— о птицеферме. Мечта наша — птицеферма на озере. Так вот на кого я надеялся в этой мечте. На Нину Ивановну! Надеялся...

— Всяко бывает...— пожимает плечами тоненькая Нина Ивановна.— Муж в городе работу нашел.

— В городе. Нет, чтобы у нас найти...

Потом беседа идет о новой кошаре на две тысячи голов, строительство которой колхоз только что закончил, о скотном дворе.

— Понимаешь, Нина Ивановна,— рассказывает Пастухов,— приехал тут к нам из министерства человек и ругается: зачем такой дорогой скотный двор построили? Неэкономичный. А я показываю проект — им же самим и утвержден!

Нина Ивановна грозит кулачком:

— Эх, меня не было при этом разговоре!

Потом Пастухов спрашивает:

— А знаешь, что ты здесь в колхозе оставила, Нина Ивановна?

— Что?

— Авторитет свой... Сколько у нас было зоотехников, уходили, и никто словом не помянет. Много ли ты поработала, а уже помнят. Жалеют, что ушла. Чуть что: «А Нина Ивановна так говорила. А Нина Ивановна так делала!» Вот скажи, чем еще должен человек дорожить, если не этим! А?

Нина Ивановна поднимает руки, показывает себе на локти:

— Я вот это место давно бы уж покусала себе, кабы достала. Не расстраивайте меня, Ефим Петрович!

— Эх, Нина Ивановна! — Вот тебе мое честное слово, Нина Ивановна: как встречу, так и буду расстраивать!

* * *

Когда соберется очередной пленум ЦК КПСС, чтобы посмотреть, как же развивается, двигается вперед сельское хозяйство нашей страны, будет о чем рассказать Ефиму Петровичу и всему коллективу артели имени Кирова.

Артель за первое полугодие заняла в своем районе первое место по всем показателям животноводства. Растут ее богатства, ее неделимые фонды, машинно-тракторный парк, растут доходы колхозников, зеленеют новыми насаждениями улицы Новоселья.

Главное же, растут люди, и заботливо, любовно, день за днем следит за их ростом коммунист, председатель артели Ефим Петрович Пастухов.

В поле. Бригадир тракторной бригады И. Чепиков и председатель колхоза Е. Пастухов.

Фото Ф. Короткевича.

И плывут берега...

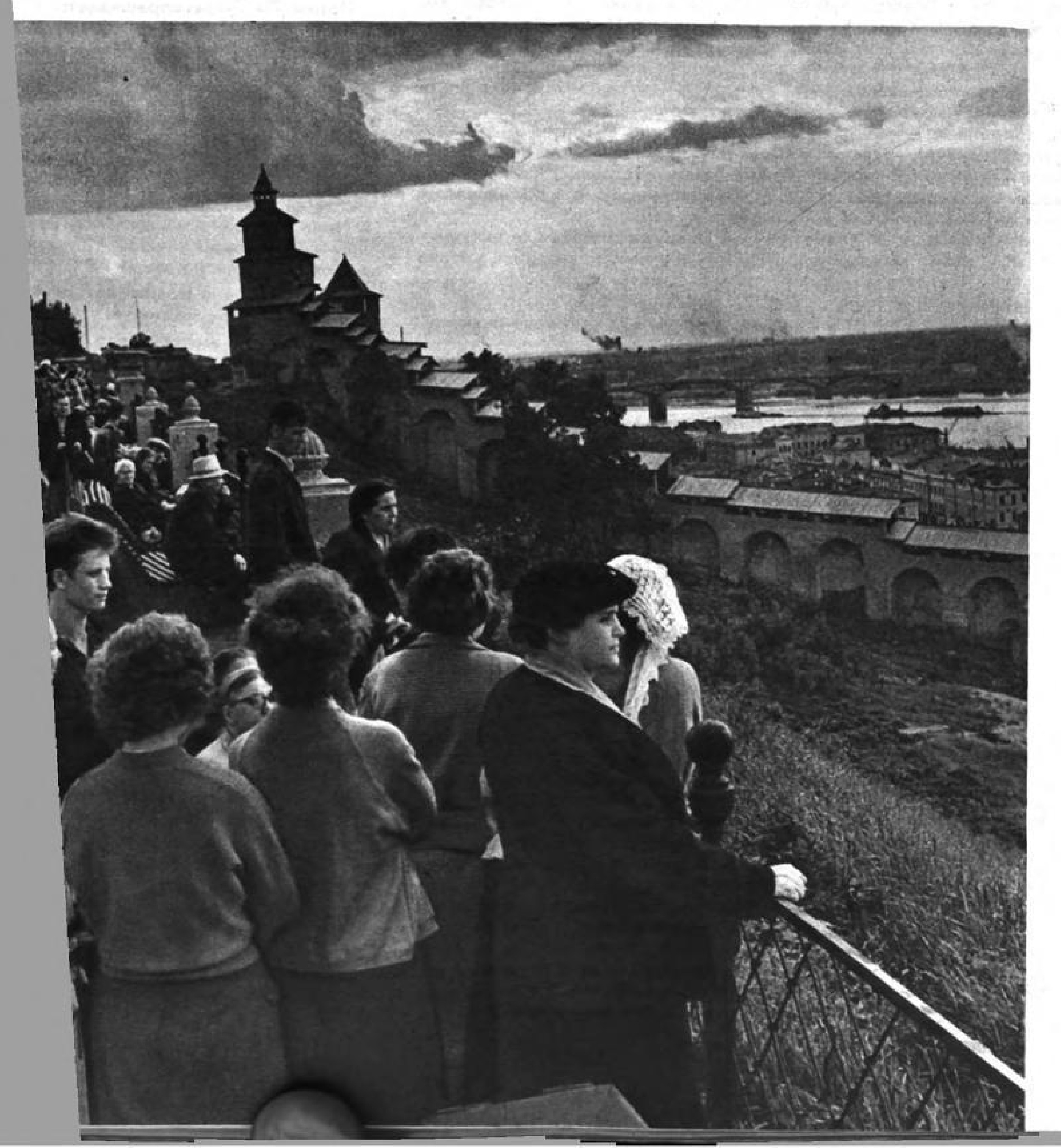
М. БЕЛКИНА

Фото Риммы ЛИХАЧ.

— Осторожнее, оступитесь!

Говорят, о характере можно судить по походке. Сколько разных характеров! Но, между прочим, их всех объединяет одна общая цель: в кармане у каждого из этих людей, взбирающихся по трапу, туристская книжка. И у тех, кто еще не достиг совершеннолетия, и у тех, кому уже в районе восьмидесяти. Ну, а коль взялся быть туристом...

Пароход этот не просто пароход — это турбаза. Но вы не найдете здесь ни палаток, ни спальных мешков, ни банок с консервами. Я бы скорее назвала это судно домом отдыха. Здесь все как положено: в семь подъем и зарядка, после обеда мертвый час, в одиннадцать отбой, и запоздавшие парочки стараются прошмыгнуть, не попав никому на глаза. И даже морской «козел». Забыв, что они туристы, завсегдатаи домов отдыха свирепо стучат по столу костяшками домино. Только «дом» этот не стоит на земле, на приколе — он плывет...

Горький. Здесь и история и будущее семилетки.

Так они встречают рассвет, дагестанские колхозники-рыбаки Н. Колтиков, М. Устинов, Я. Слепцов и ленинградец, научный работник М. Коротков (в центре).

А мимо плывут берега...

Здесь можно принимать гостей почти как дома. Педагог Л. Аскользина, врач Г. Патушинский, геолог М. Власова.

И сегодня закат на Оке, а восход вас встречает на Волге! А какие восходы на Каме! Как в старой русской сказке, стоят заколдованные черные ели, и за ними поднимается багровое солнце, опаляя их макушки. А ночи на Каму ложатся лениво и медленно, и небо, скупое на звезды, высокое, серое, глядится в реку, не темнея почти до рассвета... Но до Камы еще далеко. Путь лежит от Москвы.

Лишь отчалит пароход от пристани Южного порта, как на палу-

Они облюбовали себе место на верхней палубе, школьницы Надя Мартынова из Шатуры и Юля Хоциалова из Москвы.

Загорать можно не только на суше...

Уже не первое лето проводит на этом пароходе художник Б. Рыбченков.

бе уже затевается спор. Спорщики не успели еще познакомиться, они не знают друг друга, но «рыбак рыбака видит издалека»! Спор принципиальный: как клюет, на что клюет, где клюет и почему клюет? Спор затяжной, и разрешить его может только капитан — в молочном утреннем тумане, часа в четыре, он останавливает пароход у тихой заводи. Так предусмотрено расписанием: как же на реке без рыбаков, без рыбной ловли?!

И научный работник из Ленинграда, везущий с собой целый чемодан снастей,— он уже не первый раз «плавает», он старожил. И колхозники из дагестанской рыболовецкой артели — им, конечно, странен такой способ добычи рыбы, их артель дает сотни тысяч дохода,—но куда себя деть, когда привык подниматься с рассветом? И паренек с завода «Каучук», он вчера еще был школьником, а сегодня — пассажир первого класса, это его первый в жизни трудовой отпуск, первое плавание,— он тоже заразился рыболовством. Впрочем, болезнь эта повальная!

А на крыше любители загара сосредоточенно поджаривают себя со всех сторон, и судовой врач без устали уверяет их, что солнце здесь тоже «курортное», бывают и ожоги. Хозяйка парохода, директор турбазы Лидия Васильевна Хоциалова, уже обсуждает с капитаном, где остановить пароход. После солнечных ванн туристам необходимо купание. Купание, прогулки по лесу, походы по грибы и ягоды — все предусмотрено расписанием.

И плывут берега...

А сколько тут чудесных, истинно русских пейзажей, и писанных и никем никогда не написанных! Сколько тихой, задумчивой поэзии в огоньках, что долго будут мигать вам в море, там, где чуть ниже горы Лобач Кама когда-то впадала в Волгу! Теперь там не видать берегов! Это мигают вам буйки, указывая путь, это на плотах светят окнами домики, это буксиры плывут, это такие же пароходы, как ваш...

Сколько старых русских неведомых вам городков вы посетите! Металлические изделия с клеймом «сделано в Павлове» вы купите всюду. Ну, а павловские лимоны,— доводилось вам их видеть когда-нибудь? В этом городке в каждом окне красуются горшки и кадушки с лимонами, и какими лимонами! Вы не удержитесь — постучите в окно и попросите отросток. А в Елабуге стоит домик, старенький домик, три оконца глядят; там жила когда-то знаменитая девица-кавалерист, участница кутузовских походов Надежда Дурова. А в Елабуге «Чертово городище» — развалины башни; с нее монахи-разбойники расстреливали караваны судов, если купцы не платили монастырю подати. А в Елабуге скворечни, каких нет нигде. Удивительные умельцы занимались здесь резьбой по дереву и скворечню строили, как копию дома, с резными наличниками, коньками, — особняки для скворцов!

В Сарапуле, простучав по деревянным тротуарам (центр, конечно, покрыт асфальтом — пусть не думают сарапульцы, мы это заметили), вы попадете на завод, который получил на Брюссельской выставке две золотые медали: одну — за спасательную радиостанцию «Шлюп», другую — за радиолу «Комета».

А сколько ленинских мест будет на вашем пути! Здесь прошли детство и юность Владимира Ильича...

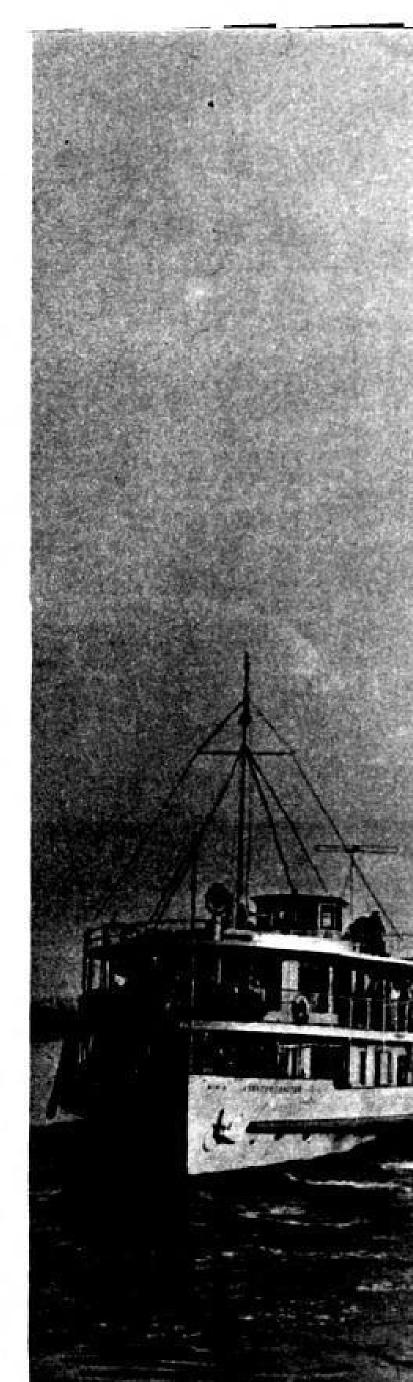
А как отстроилась Казань, совсем новый город! Если вы там не были с год,— не узнаете.

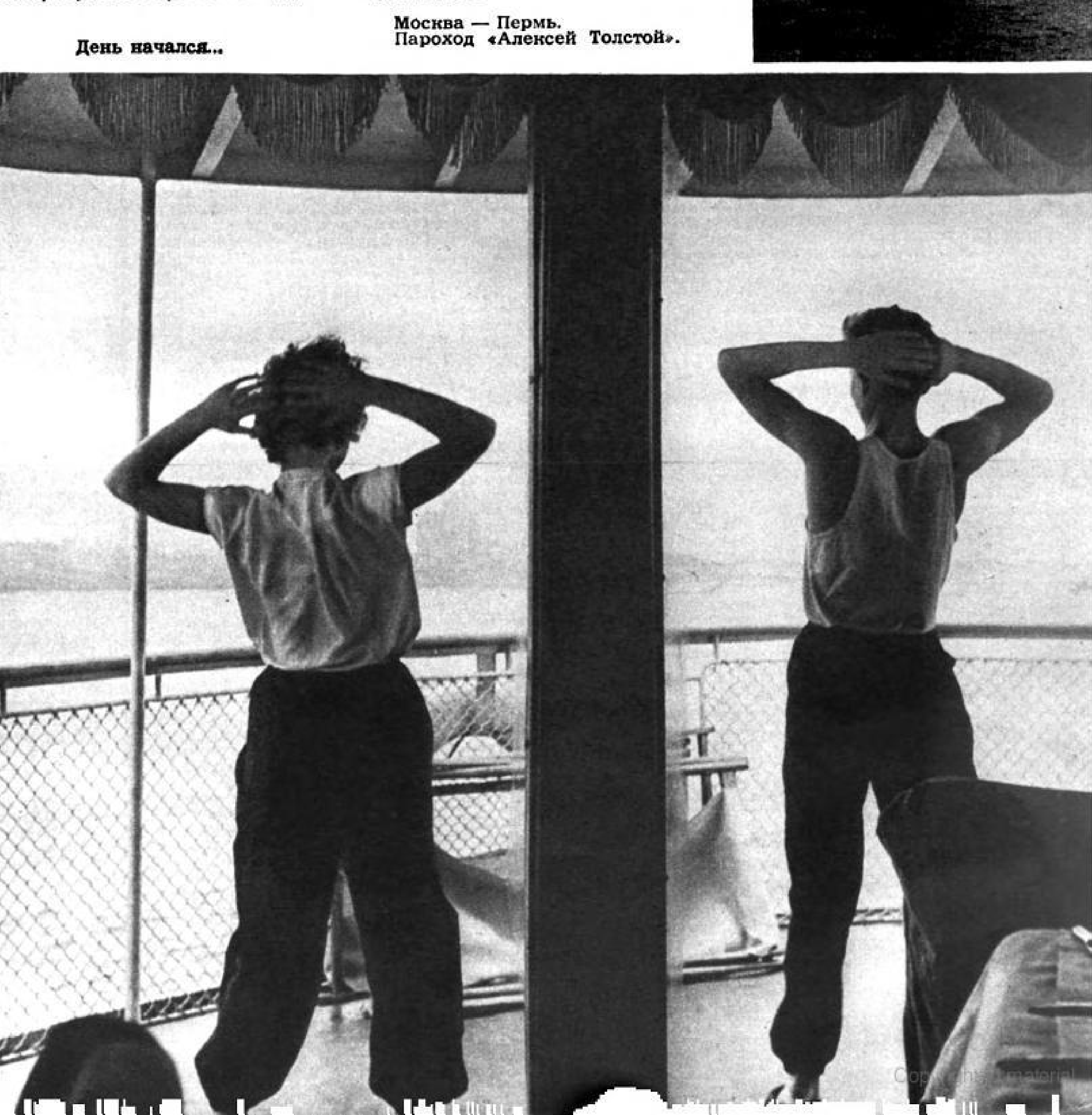
— Отличный способ отдыхать!— скажете вы, вернувшись в Химки загоревшим, посвежевшим и полным впечатлений.

— Отличный, — скажет читатель. — Уговорили! Ну, а как насчет путевок? Ведь за путевки идут бои еще зимой.

Это верно. И тут мы уж ничего не можем посоветовать. Путешествие по русским рекам полюбилось, стало популярным, а вот пароходов — пароходов пока еще не хватает!

Москва — Пермь.
Пароход «Алексей Толстой».

День начался...

сы изданы на 60 языках. И, пожалуй, единственная страна, где произведения его запрещены,— это его родина, Турция.

Героическая судьба Хикмета известна всем. Однако законное желание нашего читателя узнать о жизни и борьбе поэта как можно больше по-настоящему удовлетворено сейчас, с выходом книги рассказов Александра Тверского, в которой личность Назыма, этого удивительного человека, дана во всей своей целостности и во всем своем многообразии. Книга адресована юношеству. Но ею зачитываются и взрослые.

Автор рассказов воссоздал образ человека-героя, неутомимого труженика мира. Впечатляюще показан тюремный период жизни Назыма Хикмета, его несгибаемая воля, его непримиримая ненависть к врагам. На мой взгляд, увенчалось успехом и стремление А. Тверского раскрыть образ Хикмета как большого, своеобразного поэта, который всю свою поэзию — до единой строки — посвятил освобождению человечества от капиталистического рабства. В книге есть два особенно запоминающихся эпизода, раскрывающих облик Хикмета-поэта, его идеал, пафос его поэзии. Первый — встреча Назыма с Маяковским, которая произвела на молодого турецкого поэта неизгладимое впечатление. Труд, труд и снова и опять труд — с таким девизом предстал перед Хикметом поэт революции. Таким истинно народным поэтом решает стать и Назым. Трудиться так, чтобы не совестно было глядеть в глаза кочегару и землепашцу,— вот лозунг Назыма, навеянный встречей с Маяковским. И второй эпизод. В тюрьме Назым знакомится с турецким поэтом Бурханом. Прочитав его стихи, Назым видит, что это слащавые и томные вирши о луне и звездах, о «муках» юного влюбленного, о бренности земного бытия и о великой любви к незнакомке. Назым помогает Бурхану найти путь к подлинной поэзии. В этих двух эпизодах хорошо показано становление Назыма Хикмета, поэта-революционера.

Хорошо обрисованы юные годы поэта, его работа в журнале «Ресимли ай» и другие. Однако было бы несправедливо назвать книгу рассказов А. Тверского только биографией поэта. Нет, это — произведение художественное в полном смысле этого слова. Книга написана точным языком, избавлена от выспренности и избитых высокопарных фраз. Автор работал над книгой восемь лет. Упорный труд его не пропал зря.

Михаил КОТОВ

... пишет И. С. Тургеневу...

дишься в прекрасном, залитом солнцем саду...» В другом письме она так отзывалась о его произведениях: «Сколько души, глубины и правды; какой простой и очаровательный язык! Все должны учиться у вас, все без исключения, даже великий лама В. Г. (Виктор Гюго)».

Впервые публикуемое у нас письмо Жорж Санд, хранящееся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, является еще одним свидетельством ее отношения к великому русскому писателю:

«Дорогой друг, я не сказала ничего лишнего, я не сумела сказать, что следовало.

Я, мы все вас любим. Передайте божественной Полине (Виардо) и ее ангелам наши чувства восхищения.

Ж. САНД

Ноан 1. 9. 72.

Поправились ли вы, нам об этом не говорят. Флобер вздыхает по вас. Он грустный, грустный. Исцелите же его!»

Здравствуй, Вэн!

берн», выпущенную Музгизом.

Как сказано в предисловии, автор-музыковед С. Хентова ставит своей задачей рассказать «о начальных этапах роста талантливого пианиста, о тех, кто его воспитал, о трудностях, которые он преодолел на пути к признанию». Книжка написана немногословно, взволнованно. Она полна интересных фактов, дает представление о музыкальной жизни современной Америки, о давнем и глубоком влиянии на эту жизнь русской исполнительской культуры.

Книга называется «Вэн Клайберн». Кстати, однажды я спросил у Клайберна: как правильнее произносить его имя: Клиберн или Клайберн?

Он улыбнулся и ответил:

— И так и этак... А правильнее всего — Ванюша!

Я познакомился с Клайберном, выполняя задание редакции: взять интервью у одного из иностранных участников московского конкурса.

В консерватории мне указали на высокого юношу с подвижным лицом и копной густых рыжеватых волос. Интервью было коротким, но мы договорились встретиться после второго тура.

— Если я еще буду «жив»...— грустно улыбнулся Клайберн.

Потом мы еще несколько раз встречались, гуляли по улицам, сидели у него в номере гостиницы. Вэн охотно рассказывал о себе, внимательно слушал, спорил и очень много курил...

«Вэн Клайберн» выходит в период оживления советско-американских отношений.

Значение книги и в том, что она рассказывает правдивую историю рождения талантливого музыканта. Хорошо, что автор не сбился на восторженное описание личности Клайберна, а нарисовал сложный, противоречивый образ пианиста. Как справедливо отмечает автор книги, читать о Клайберне, знать о его трудном пути небесполезно нашим молодым исполнителям, поставленным в совсем иные условия жизни и творчества.

Конст. ВИШНЕВЕЦКИЙ

Путь на Алтын-Коль

Н. ТАРАСЕНКОВА

Клубилась за машиной мохнатая степная пыль. По обе стороны — хлеба. Наш попутчик, кулундинский агроном, увлеченно рассказывал о делах своих и вдруг спросил:

— А вы на Горном Алтае были? Встречали рассвет на Телецком озере? Нет? — Он как-то сник весь, будто очень скучно было ехать ему с такими людьми, и сказал глухо: — Значит, ничего вы не видели...

...И снова идет машина. Только теперь это другая дорога, Чуйский тракт. Дорога эта особенная. Кажется, что она заманивает тебя все дальше и дальше в горы. Кажется, говорит она тебе: «Это еще что, ты только посмотри, что дальше, нет, ты только посмотри...» И правда, ведь только что по колено в сочной высокой траве стояли березы. А сейчас скалы с разноцветными осыпями. А чуть дальше кедр и лиственницы близко подходят к дороге, чуть наклоняются к ней. Что это? Трава горит? Да нет, это всего лишь огоньки — ярко-оранжевые цветы — разбросаны по зеленой лужайке.

Стремительно несется река Катунь. Сердито фыркает, спотыкаясь об огромные, неприступные камни.

Едем в Теньгинский овцесовхоз, Онгудайского района. Кажется, вот только здесь, на дороге, есть села, а там, в горах, ничего. Но вот машина сворачивает. Горы закрыли черную ленту большой дороги. Еще издали слышно, как блеют овцы. Все выясняется на месте. В кошарах стригут овец; испуганные, они неподвижно лежат под электрическими ножницами. Но зато потом, в загоне, белые, как снег, они жалобно блеют.

В тот же день нас познакомили с лучшим чабаном совхоза, депутатом Верховного Совета СССР Таной Марчиной. Мы ходили к ней в гости. Стоят два домика, спрятанные в горах. Вдали желтым неподвижным пятном — отара овец. Тана Марчина на все наши вопросы отвечает смущенно: «Работаю, как все люди».

— Как она могла добиться успехов в работе? Чем взяла? — вступает в разговор главный зоотехник совхоза А. И. Маслов.— Прилежностью своей,— заключает он так, словно ему неясно, как это мы не можем понять такой простой вещи.

Прилежность — одно слово, а это значит, что раньше всех выводит она свою отару. Это значит — позднее всех приводит свою отару на ночлег. Это значит — Тана ищет лучшее пастбище, чтобы не гонять овец зря, это значит... Очень многое вмещает одно это слово — прилежность. И вот стоит перед нами маленькая женщина, держит под уздцы коня; сейчас она вскочит в седло и уедет к своей отаре. Говорить о себе Тана Марчина не умеет, говорят о ней другие. «Хороший человек. Хороший друг. Много ей пишут, многие просят у нее совета».

...Снова Чуйский тракт. Едем в Шабалино, в олений совхоз.

На одном пастбище пятнистые олени. На другом — маралы... Горделиво и осторожно несут маралы свою корону — панты. Вес рогов доходит до 13—15 килограммов. Степенно расхаживают они среди пихт и лиственниц. Но с какой молниеносной быстротой вылетают с панторезного станка, где остаются их короны — рога. Такова природа: если вовремя не срезать панты, они отпадают сами, а из них делают очень ценное лекарство — пантокрин.

...Путь идет на Чемал. Чемал — известный всей стране курорт. Сосны, сосны и сосны! Они такие стройные и так тесно стоят друг к другу, что в этом бору солнечный луч — как прожектор. В соснах спрятаны дачи. В них живут ленинградцы, москвичи, свердловчане — люди со всех концов нашей страны. Чемал забрал себе все: здесь реки, леса, горы и луговой простор. Течет река Чемал, сопровождают ее сосны и кедры. А там, где она подходит к Катуни, деревья стоят у самой воды. И некоторые точно отпрянули назад, словно страшатся, что сейчас войдет эта маленькая река в сильные и стремительные потоки воды. И Чемал подходит робко, очень светлой и чистой полоской. Эта полоска в Катуни далеко видна с гор.

Неподалеку от Чемала на Катуни отвесные скалы. Называют их воротами Сартакпая. Есть такая легенда. Отец-богатырь Сартакпай решил проверить силы своего сына и говорит ему: давай поведем реки и соединим их. Ты поведешь Катунь, а я Чулышман. Но сбился с дороги сын. А отец ждет его в назначенном месте день, другой. Держит могучей рукой бурную горную речку, а вода прибывает и прибывает. Вот и образовалось на этом месте озеро Телецкое, или, как его еще называют, Алтын-Коль — Золотое озеро.

Телецкое! Сколько говорят о нем! Но не так-то просто туда добраться. Можно ехать машиной от Бийска, можно лететь самолетом, а там снова машиной. Хороша дорога на озеро, особенно от Турочака! Бежит навстречу своенравная Бия. Дорога узкая, стиснута с одной стороны скалами, с другой — рекой.

Маленькое селение Артыбаш. И как бы ни был труден путь, усталость исчезает. Вот оно, Телецкое! Останавливаются машины. Нет дальше дороги. Вода...

Когда человеку трудно высказать свое восхищение, он говорит просто и коротко: красота! Да разве об этом расскажешь?! Все надо увидеть самому, пройтись по озеру на катере или на лодке. А оно в длину около восьмидесяти километров.

Сначала вы скажете: «Послушайте, да ведь это Рица!» И тут же, увидев низкие берега и березы, склонившиеся к воде, широкую дорогу в зеленых травах, подумаете: «Подмосковье!» И снова: «Кавказ!..»

Нет, Алтай это!

Надо увидеть, как садится солнце на Телецком, как темной тенью ложатся на воду горы и как пляшет в воде золотой месяц. Надо увидеть здешний рассвет, как розовеет вода, как просыпается тайга. Стоят деревья, не шелохнутся, словно пораженные такой красотой. Спокойно, тихо, солнечно. Надо непременно увидеть Телецкое и в бурю. Тогда рвет ветер облака в клочья, поднимает на озере серебристые огромные брызги.

С рассветом все просыпается на озере. Одни туристы уходят в тайгу, другие возвращаются на турбазу и готовятся к шлюпочному походу, третьи продолжают свой путь по стремительной реке Бии. Просыпаются геологи в палатках: им предстоят долгие и интересные поиски в тайге. Начинается рабочий день в заповеднике. Здесь все научные сотрудники заняты одной темой: «Состояние и возобновление кедровых лесов».

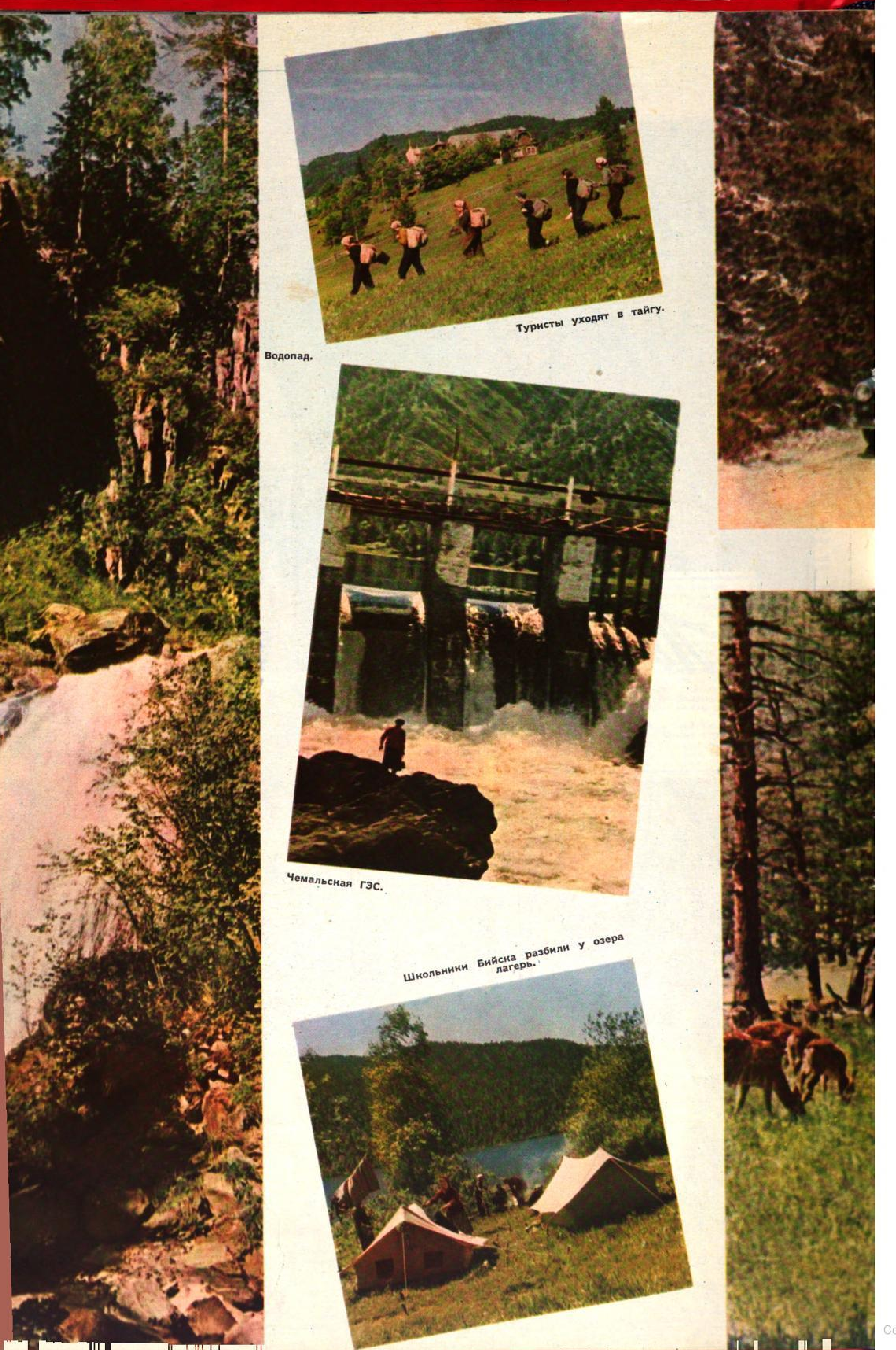
Вот, слышно, заговорила моторка. Кто там на озере? Едет ли этот человек в первый раз или в сотый, все равно смотрит он на озеро, как на чудо. И снова вспомнились нам слова попутчика-агронома: «Значит, не были вы на Горном Алтае? Не встречали рассвет на Телецком? Значит, вы ничего не видели...»

По горному Алтаю

Фото О. КНОРРИНГА.

Телецкое озеро.

Туристы уходят в тайгу.

Водопад.

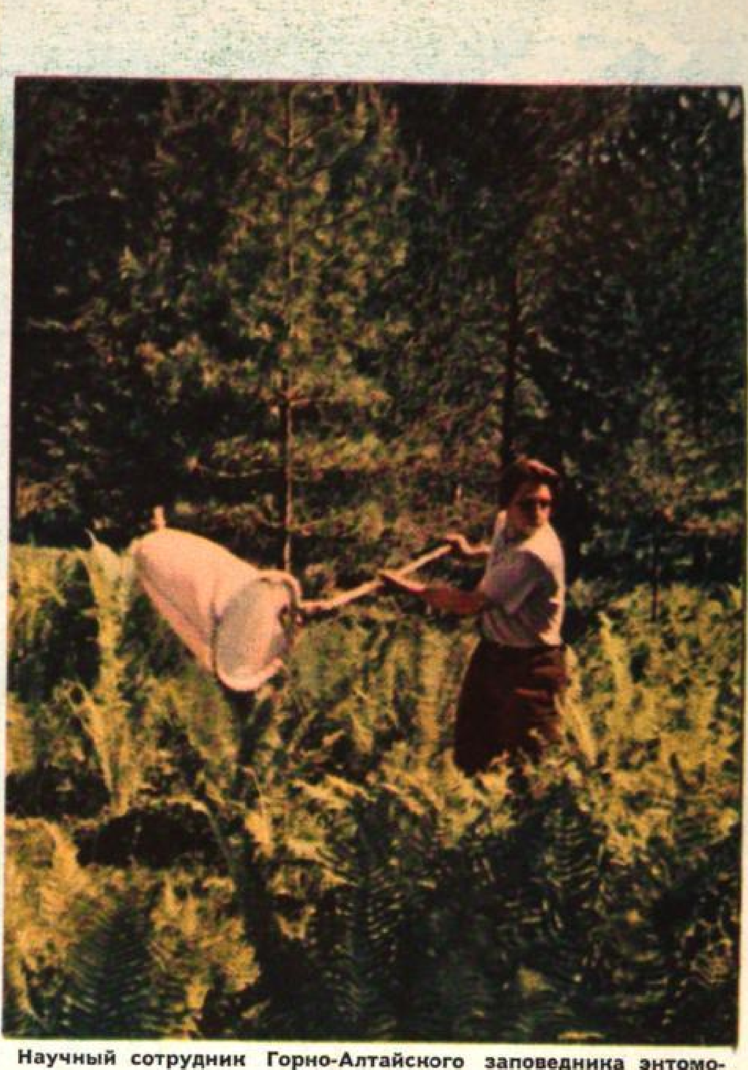
Чемальская ГЭС.

Школьники Бийска разбили у озера лагерь.

Автотрасса вдоль реки Катуни.

Пятнистые олени Шебалинского оленеводческого совхоза на пастбище.

Научный сотрудник Горно-Алтайского заповедника энтомолог В. Михлин.

← Депутат Верховного Совета СССР Тана Марчина — чабан Теньгинского овцеводческого совхоза.

Поселок Агачинского леспромхоза на берегу Телецкого озера.

УЧЕНЫЕ ОТВЕЧАЮТ ЧИТАТЕЛЯМ

Радиовидение

Где применяются миллиметровые радиоволны?

Н. Шемелина. Ярославль.

Наш век по праву называют веком радиоэлектроники. Уже сегодня радио проникло во все отрасли науки и техники.

Экспонаты павильона радиоэлектроники на Выставке достижений народного хозяйства СССР прекрасно иллюстрируют возможности современной радиотехники. Необъятен диапазон применения различных радиосредств и приборов. Столь же велик и технический диапазон волн, на которых эта аппаратура работает. Достаточно напомнить, что радиограммофоны и магнитофоны, почти полностью вытеснившие из квартир любителей музыки старенькие патефоны, работают в диапазоне самых длинных волн; ультразвуковые установки нашли в последние годы широкое применение в технике и медицине; ультракоротковолновый, а также дециметровый и сантиметровый диапазоны наиболее удобны для телевидения и радиолокации.

А могут ли быть полезны радиоволны длиною короче одного сантиметра?

В течение ряда лет многие радиоинженеры как у нас, так и за рубежом работают над освоением радиоволн миллиметрового и субмиллиметрового (волны короче миллиметра) диапазонов. Интерес к ним не случаен. Дело в том, что миллиметровые радиоволны распространяются прямолинейно и хорошо отражаются от облаков, особенно туч грозового характера, гор, даже домов и деревьев. Благодаря очень короткой длине волны радиолокационные станции этого диапазона будут обладать большой разрешающей способностью, то есть способностью различать близко расположенные друг от друга объекты. Это дает возможность вплотную подойти к решению проблемы радиовидения, когда на экране индикатора оператор сможет видеть очертания отдельных строений, кораблей, самолетов, автомашин...

Такие станции, установленные в морском или речном порту, позволят диспетчерской службе видеть ночью и в плохую погоду подробную картину работы порта, большие и малые суда, стоящие у причалов, движение внутри и вне гавани. С их помощью можно будет в любую погоду управлять движением самолетов, наблюдать за автомашинами и людьми на летном поле.

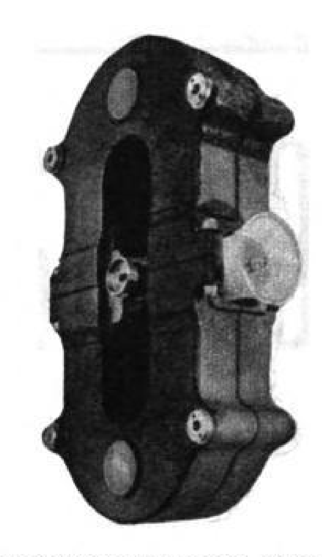
Панорамный радиолокатор, установленный на борту самолета, не только покажет расположение ориентиров на земле, но и предупредит пилотов о приближении грозовой облачности.

Укорочение длины волны позволяет значительно уменьшить габариты аппаратуры. Самым громоздким узлом радиолокационной станции является антенна. При работе в миллиметровом и субмиллиметровом диапазонах волн антенна может быть величиной с чайное блюдце, а работать будет даже лучше, чем антенна станции метрового диапазона, равная по величине цирковой арене. Малогабаритные радиолокаторы можно установить на небольших судах, самолетах, поездах, даже автомашинах.

Но радиолокация и навигация не единственные области, где аппаратура миллиметрового диапазона найдет применение. Ее можно будет использовать для создания компактных передающих установок для телевизионного репортажа, портативных радиостанций для связи на небольшие расстояния. Астрономы с помощью радиотелескопов этого диапазона волн получат новые интересные данные о Вселенной.

Ведутся исследования о возможности применения этой аппаратуры и в медицине...

В. ЛОБАНОВ,
научный сотрудник,
инженер

Генератор радиоволн миллиметрового диапазона.

Тибетская статуэтка

В нашем городе во время рытья котлована была обнаружена бронзовая статуэтка высотой около четверти метра. Почему у нее одиннадцать голов и восемь рук?

К. Малов. Шахтерск, Сталинской области.

— Это тибетская статуэтка, — сказала нашему корреспонденту заслуженный деятель искусств РСФСР кандидат искусствоведческих наук О. Н. Глухарева.— Ее следует отнести примерно к XV веку. Она изображает буддийское божество Авалокитешвара, что значит «хранитель мира». В буддийской легенде говорится, что его голова раскололась от скорби по человечеству на одиннадцать частей, а восемь рук якобы выражают могущество божества.

ТАЙНЫ ОДЕССКИХ КАТАКОМБ

Мне приходилось слышать много таинственного об одесских катакомбах. Каково их происхождение? Что за музей находится там?

М. Цысарь. Львов.

Часто меня спрашивают: что собой представляет подземный музей одесских катакомб? Пойдемте со мной, я покажу вам его. Мы входим в деревянный домик во дворе на одной из улиц Одессы, надеваем рабочую спецовку, кепку, специальную обувь, берем фонарь «летучая мышь» и через люк в полу комнаты спускаемся по приставной лестнице...

В узких каменных коридорах темно, сыро. Карстовые пещеры занесены красной глиной с костями. Вот широкая подземная пещера, выложенная камнем-ракушечником. Это наша лаборатория, тут происходит первичная обработка найденных материалов.

Одесские катакомбы — это пустоты в толще известняка, лежащего под землей. Все строения города, древнейшие турецкие сооружения, построенные за много лет до основания Одессы, возведены из этой горной породы. «Пильный камень» добывали ручным способом. Рабочий под землей при помощи особой пилы вырезывал в известняковой толще кирпичи определенных размеров, иногда встречался со своим соседом справа или слева, произвольно менял направления. Если сложить длину всех галерей и их ответвлений, то получится не одна сотня километров.

До революции в одесских катакомбах скрывались убийцы, прятали контрабандные товары, награбленные ценности и богатства во времена бегства от чумы. С увеличением пролетариата Одессы и ростом революционных идей в катакомбах создавались большевистские типографии, склады оружия и подпольной литературы. В одной из катакомб в годы гражданской войны обосновался Привокзальный райком партии и партком железнодорожных мастерских. А в Отечественную войну, когда Одесса была оккупирована фашистами, тут скрывались партизаны.

В 1926 году я, тогда совсем молодой специалист, был назначен начальником подземной экспедиции в одесских катакомбах. Прежде чем вести раскопки, надо было очистить катакомбы от воров и бандитов. Нам помогало немало энтузиастов: молодой рабочий-металлист Семен Пулкин, портовый грузчик Анатолий Иванов, топограф Николай Супронович, работник уголовного розыска Дейнека, горный инженер Окольский...

Первой научной находкой оказались кости, принадлежащие древним позвоночным животным, которые населяли северное Причерноморье свыше миллиона лет тому назад. С этого времени у экспедиции завязалась тесная дружба с заслуженным деятелем науки академиком Дмитрием Константиновичем Третьяковым, который стал руководить научной работой экспедиции.

С тех пор прошло больше тридцати лет. Раскопки в катакомбах дали много ценнейших находок для археологов, зоологов, историков, геологов. Найденные нами кости древнейших зверей, птиц и рыб в значительной степени помогли восстановить животный мир этих мест тысячи лет назад. Находки костей многих животных в таком комплексе были первыми в СССР и Восточной Европе. Мы получили и интересные данные о том, какой климат и какая растительность были тысячи лет назад на этой территории.

Большой интерес представляют склады подпольной литературы, документы партизан.

Результаты раскопок заслуживают внимания не только широких кругов научных работников — биологов, палеонтологов, геологов, зоогеографов, историков, — но также и всех интересующихся давним прошлым Земли и ее животного мира. Но музей наш очень мал. Если обеспечить широкий доступ к местам, где находятся ископаемые в карстовых воронках, то в нашем распоряжении будет единственный в Европе палеонтологический заповедник, открытый для экскурсий с общеобразовательной и педагогической целью. Экскурсанты смогут увидеть условия залегания ископаемых животных и методику раскопок, поймут труд ученого-палеонтолога, «охотника за ископаемыми». Такая экскурсия дает сведения геологического характера; можно увидеть карстовые образования, геологические напластования, а также дореволюционную «технику» горных выработок.

Т. ГРИЦАЙ,
начальник опорного пункта Института зоологии Академии наук УССР

Тепло подземных морей

Последнее время в печати стали появляться сообщения о подземных горячих водах. Каково их использование в народном хозяйстве?

Т. Филиппенко. Коломна.

Как можно теплофицировать город и не истратить при этом топлива? Оказывается, об этом позаботилась сама природа и создала под землей гигантскую котельную. Запасы топлива и воды в этой котельной не иссякнут никогда, сколько бы «кипятка» ни выкачивали из нее...

С незапамятных времен знало человечество о горячих источниках, бьющих из-под земли. На кавказских минеральных водах археологи обнаружили древние ванны, пещерные стоянки. Давно известны горячие ключи на Камчатке, на Дальнем Востоке. Но это только щелочки, откуда прорывается скрытая энергия подземных морей.

Недалеко то время, когда обычным будет новый вид электростанции, построенной на энергии термальных вод,— геотермической электростанции. К ГТЭС не нужно подвозить топливо, не нужно прокладывать железнодорожные пути, как ко всякой тепловой электростанции. Только бур и трубы — вот и все ее устройство.

Каждая ГТЭС — еще и своеобразный химический завод. Ведь в термальных водах растворены йод, сера, кальций. Пускать такую ценность только на отопление было бы непростительным расточительством. К тому же находящиеся в воде примеси разъедали бы трубы. Поэтому термальные воды поступят в специальный теплообменник и сначала отдадут свое тепло обыкновенной водопроводной воде, а затем и ценные примеси: бром, йод, кальций... Вода подземной котельной обладает лечебными свойствами. Во многих городах можно будет устроить водолечебницы, не уступающие кавказским.

Еще недавно термальные воды считались специфическими и редкими, но в самое последнее время совместными усилиями геологов, гидрологов, геофизиков установлено, что под землей простираются многокилометровые моря горячей воды. Они есть везде: на Кавказе и на Камчатке, в Средней Азии и на Дальнем Севере, в районах вечной мерзлоты.

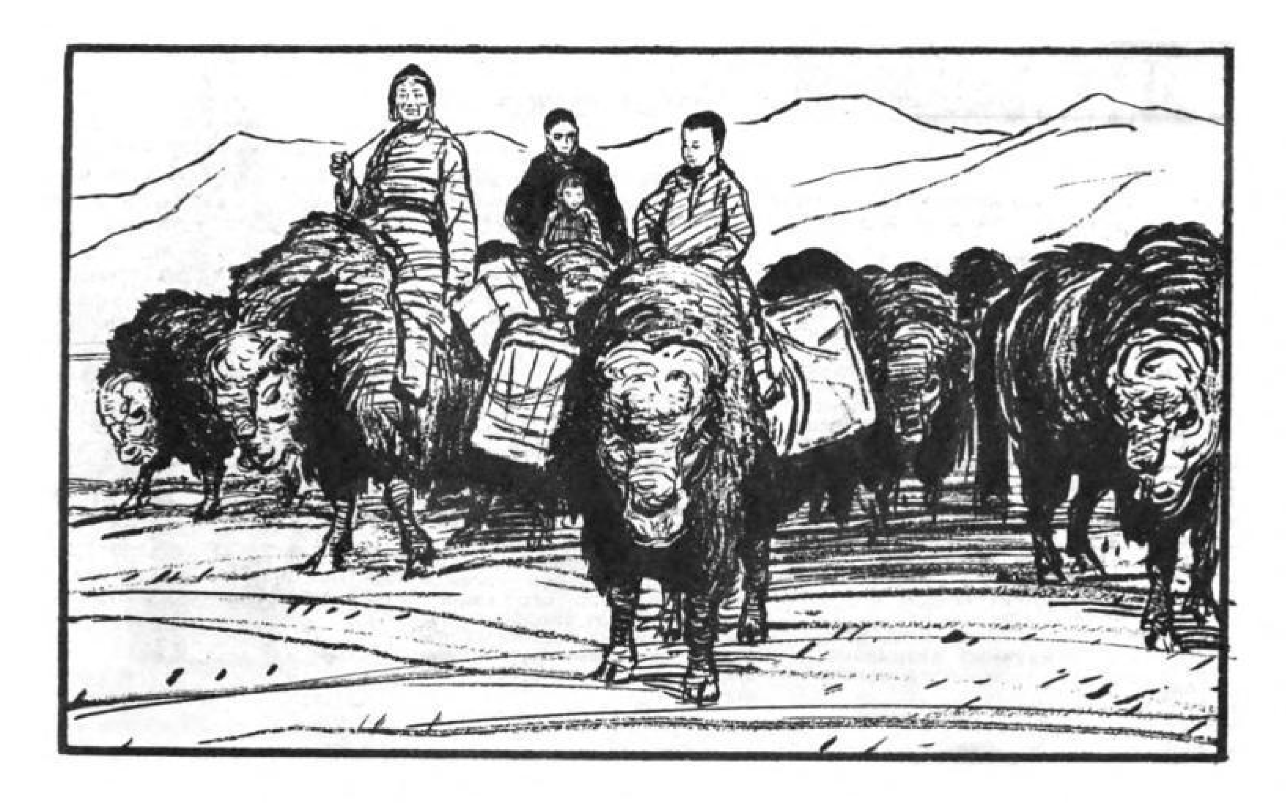
В Лаборатории гидрогеологических проблем Академии наук составлена карта запасов термальных вод по Союзу. Эти запасы естественной дешевой энергии можно использовать для теплофикации городов, в прачечных и банях, сельском хозяйстве для теплиц и парников. Об этом говорилось и на XXI съезде КПСС.

Но, к сожалению, термальные воды используются в нашем хозяйстве пока еще мало. Пожалуй, можно назвать только Дагестан, где они применяются наиболее широко. В Махачкале, например, нередки на улицах колонки, из которых бьет горячая вода. На термальных водах работают городские бани, души, прачечные, теплофицированные рабочие поселки и часть города. И все это за счет только нескольких буровых скважин, к тому же при неполном их использовании. Предварительные расчеты Дагестанского филиала Академии наук показали, что теплофикация термальными водами населенного пункта в сто тысяч жителей даст экономию не меньше десяти миллионов рублей.

Еще большую помощь принесут термальные воды в Сибири, на Дальнем Севере. Использование тепла подземных морей для теплиц и парников даст возможность круглый год выращивать свежие огурцы, редиску, лук, помидоры, морковь.

Недавно нашей лабораторией составлена первая сводка возможности использования термальных вод в стране. Намечена теплофикация шестидесяти городов и применение термальных вод для нужд сельского хозяйства более чем в ста районах.

Ф. МАКАРЕНКО,
доктор геолого-минералогических наук

ТУВИНСКИЕ РАССКАЗЫ

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Первенец

По вечерам на земле, серо и кротко глядящей сквозь ровные полосы скошенных хлебов, стрекотали кузнечики. Они цвиркали неутомимо, выпевая свое бесконечное тихим хором, похожим на тиканье ручных часов. Над землей и лугами, дочерна выглоданными скотиной, над далью, тишью, ветрами, полями, горами стояло большое небо.

Это была Тува. Тогда еще для меня чужая. Я приехал сюда из Костромы. Был август. Я жил при школе — большой, новой. Бревна, свежие, нежно-желтые, еще пахли смолой. Смола сочилась из их бревенчатых глазков. Новые дома колхоза стрелкой бежали к подножиям гор. Земля была припорошена свежей стружкой. Я просыпался утром от свистящего звука пилы, одевался, бежал к ручью.

Тувинского языка я в то время еще не знал. Мне было двадцать лет. Я только что окончил педагогическое училище и не мог не вспоминать дом, сестер и братьев. И, сказать по правде, в то время я частенько вспоминал Галю.

Я не представлял ни глаз ее, ни волос, ни голоса. Все для меня сливалось, когда я думал о ней, в биение сердца. Уезжая сюда, я не сказал ей «Люблю!» Но я говорил это горам, полям, ветру и необъятному небу.

Когда наступало утро, я брал под мышку учебники и уходил далеко в поля. Склоны дальних гор казались лиловыми. Их верхушки были укутаны снегами. Можно было подумать, что горы зацепили вершинами и крепко держат неподвижные облака. И что это не снег вовсе, а облачка закрывают от людей вершины гор. Над стерней виднелись неподвижные комбайны. Сталь отражала желтую траву и лиловый склон ближней горушки. Комбайны уже сделали свое дело: сняли хлеб. Они отдыхали.

Вдалеке печально брел, вырисовываясь на белом от солнца небе двумя черными горбами, верблюд. Брел медленно. Верблюжья морда выражала усталость. Из одного-единственного, повернутого в мою сторону глаза глядела древность. О древности говорила и эта земля, иссеченная древними каналами — следами сохранившейся до наших дней старой оросительной системы. Среди скошенных полей возвышались каменные изваяния, безрукие и безногие. Плоскими были их монгольские лица. Их каменная кожа стала пористой от ветров. Таинственно смотрели они вперед пустыми орбитами каменных глаз и улыбались безмятежной монгольской полуулыбкой.

А я думал о Гале. Я думал о Костроме. Я думал о своих будущих учениках. Я боялся их. Боялся себя: был в себе не уверен. Теперь, спустя много лет, понимаю: те мои страхи были страхами честолюбивыми. Мне хотелось стать хорошим учителем, мне так хотелось стать им сразу!

И еще я тосковал. О доме, о Гале, о Костроме. Кострома не Тува. Ее речушки не тувинские бурные реки. Ее лес не тайга. Ее язык — мой, а не этот чужой, непонятный.

...Ранняя осень уже сделала ярко-красными ветки рябины на склонах дальних гор. Она тронула листья деревьев. Иногда мне казалось, что бьется земля, огромная, нетронутая, желтая, опаленная солнцем. Она билась ручьями, реками, ручейками, бежавшими в ее недрах.

И вот один раз все ручьи и реки как будто прорвались наружу, земля задрожала: мне навстречу шло огромное, страшное стадо. Это были сарлыки. С развевающимися на ветру конскими хвостами шли они по скошенному полю. Их бычьи, наклоненные к земле морды удивленно и, как мне чудилось, зло глядели вперед. Их было много. Сарлычата величиной с корову, то и дело падали на коленки еще не успевших окрепнуть детских ног и прижимались, играя, к земле. Вздрагивали их большие черные мягкие губы. Дико и наблюдательно косились глаза, осененные густыми ресницами. И каждая ресница была, пожалуй, длиной с человеческий мизинец.

Первый зверь шагал, чуть наклонив голову. За ним другой, четвертый и пятый. И билась земля под их тяжелым шагом.

Верхом на первом сарлыке, на сарлыке-вожаке, сидел мальчик. Ему было лет девять. Он глядел сверху вниз, покойно и величаво. На другом сарлыке сидела старая женщина, на третьем — другая, еще постарше. Перед ней малыш и за ней малыш. А сзади — сарлыки без седоков. Блестели под солнцем серебряные женские запястья и серьги. Блестели улыбки на этих лицах, темных от солнца и ветров.

Откуда они? Из тайги? Они спустились с вершины вон той горы. Кто они? Этого я не знал.

Я пошел вперед, побежал, размахивая руками. Заметив меня, мальчик остановил сарлыка и соскочил наземь. Вслед за своим вожаком остановилось все сарлычье стадо. Он стоял передо мной, этот мальчик, сильный и тонкий. Смотрел на меня исподлобья, из-под слускавшейся на глаза синей челки, и улыбался, нисколько не оробев. Под волосами на лбу виднелась бело-розовая полоса нежной, незагорелой кожи.

— Здравствуй!—сказал я мальчику.—Я учитель.

Мальчик молчал. Он не понял. Он не знал моего языка. Я протянул ему руку. Уверенно и гордо он протянул мне в ответ свою. Я улыбнулся. Тотчас же он улыбнулся в ответ — брызнула мне навстречу яркая на темном лице улыбка.

Что делать? Я стал размахивать руками; он глядел на меня удивленно и доброжелательно. Я горячился, я выходил из себя, я тыкал себя пальцем в грудь и объяснял:

— Учитель! Учитель!

Улыбаясь, посматривали на меня с высоты своих сарлыков женщины, блестя на солнце серебряными серьгами. Я взмок. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким беспомощным и глупым.

Что делать? Ничего! Не терять бодрости и верить в добро этой огромной и щедрой земли. Беспомощный, я обернулся и тотчас увидел старика Худебека. Это был колхозный бухгалтер. Он шел из колхоза по полю неторопливой походкой и щурился от горячего солнца.

Я закричал:

— Э-эй!

Но старик уже шел нам навстречу. Сохраняя спокойствие, не удивляясь ничему (может, это свойственно старости?), он подошел к этим людям, пришедшим из лесу, спустившимся на равнину оттуда, с гор, и, не повышая голоса, о чем-то заговорил.

— Они из Мангун-тайги,— сказал Худебек.— Когда мы, понимаешь, по этой тайге ходили, людей искали, мы, видно, их стойбища не нашли. Но они от людей услышали, что тут школа. И сами пришли в колхоз. Понимаешь? А сарлыков привели в подарок. Понимаешь?

Да как тут не понимать? Значит, он — вот этот девятилетний вожак — провел сквозь тайгу свое огромное стадо.

— Спрашивает, кто ты такой,— перевел бухгалтер.— А я сказал: ты учитель русского языка.

Ребенок глядел на меня внимательно, чуть щурясь от солнца. И вдруг снова блеснула белым сиянием его улыбка, он о чем-то спросил Худебека.

— Спрашивает, как тебя зовут,— засмеявшись, сказал старик.— Говорит, ты первый встретил его, когда он пришел на равнину. Говорит, твоим именем он назовет своего первенца.

— Какой такой первенец? — удивился я.— Ведь ему лет девять?

— Не беда,— объяснил бухгалтер.— Будет когда-нибудь и двадцать и тридцать... Я сказал: ты учитель. Он сказал: «Спасибо, учитель!»

— Скажите ему, товарищ бухгалтер, и от меня спасибо! — просил я.— Вы сказали ему спасибо?

И тут заговорила старуха, та, что сидела на сарлыке с двумя малышами.

— Что она говорит? — спросил я у старика.

— Говорит: учиться, учиться должны ребята. Учиться должны наши дети.

И женщина кивнула мне со своей высоты, блестя зубами, глазами, запястьями.

— Девятнадцать суток шли, понимаешь, сюда сквозь тайгу,— объяснял Худебек.

Я мотнул головой. Что-то перехватило мне дыхание. Я сказал:

— Меня звать Владимир. Спросите, пожалуйста, как его зовут?

— Таджи-Сирен! — ответил старик.

Я не посмел сказать, что назову этим красивым именем своего первенца. Я молча глядел на мальчика.

Девятнадцать суток ты шел сквозь тайгу со своим огромным, странным и страшным сарлычьим стадом, чтобы найти меня... Девятнадцать ночей ты жег костры на своем пути и шел дальше, дальше по кромке гор, над реками, водопадами, чтобы найти меня. Чем же мне ответить на это? А я, мальчик, шел навстречу тебе с тех пор, как начал учиться. Я шел навстречу тебе с первого класса школы. Это о тебе я думал, когда ходил этими полями, глядел на эту огромную землю, вспоминал о Костроме, о доме.

Так мне хотелось сказать ему. Но я молчал.

— Вла-ди-мир! — повторил мальчик.

Он мне сильно помог. Я ответил:

— Таджи-Сирен!

Снова протянул руку и крепко пожал его тонкие смуглые пальцы. Сидя на корточках, я глядел на него внимательно. Я хотел запомнить его.

Так вот ты какой — первый подарок Тувы, мой ученик, мой первенец Таджи-Сирен!

Песня

Ну и трудно же мне доставались дороги Тувы! Сколько раз на этих дорогах я поднимала руку и просила шофера встречного грузовика подбросить меня хотя бы до перекрестка!

В машине все отступало: усталость, жара... Летим вперед по широкой пыльной дороге. И вот уж рвется в глаза необозримость полей, равнины, горы, большие и малые деревья. И вдруг мелькнут из желтых, шелестящих трав бегущие навстречу машине странные ворота: два столба и поверху бревнышко. На бревнышке надпись: «Колхоз «Светлый путь» или там «Новая жизнь».

В этих широких лугах редко встречались пастушьи кибитки. Но что-то белое будто дышало у той полоски, где был стык неба с землей. Это паслись отары овец, жившие тут, словно совсем одиноко, без человеческого присмотра.

Ежели была ночь, свет фар выхватывал длинную и узкую полоску дороги из теплой черноты. Выбегали из трав на дорогу и шарахались оглушенные светом зверьки. Ужаснувшись и замерев, одним скачком летели назад — в траву, в колосья, в теплую пыль.

А там — за пределами света — взлетали тяжело и гулко дикие утки и опускались сразу у темной воды.

Безмолвная ранним утром, днем она развертывалась передо мной чудесами, пела, вспархивала, звенела эта земля.

...В тот день я долго ждала машину, которая шла бы в Кызыл. Стало темнеть. И тут, словно сжалившись надо мной, из-за поворота выкатил небольшой автобус. Его окна были открыты.

Автобус остановился. Чьи-то руки втащили меня наверх по крутым, высоким ступенькам.

В автобусе сидели молодые рабочие. На полу лежал инструмент: пилы, лопаты. Стояли ведра с краской. Видно, строители.

Мне дали место у окна.

И сразу, как только автобус тронулся, пришли ко мне тишина и покой, несмотря на то, что автобус шумел, хохотал, о чем-то спорил.

— Ну и как, сознайся, получил отставку? — насмешливо спросил у своего соседа белобрысый парнишка.

— Сейчас получишь! — добродушно отвечал ломким басом паренек постарше.

А машина все шла вперед. Я высунулась в окошко.

Запомнить, ощупать глазами, руками вот эту землю, которую я не забуду никогда. Она и пахла особенно, тмином и мятой, она пела и до сих пор поет у меня в ушах о счастье.

Беги, машина! Я сейчас совсем оторвусь от земли, да-да, оттолкнусь, полечу!..

И вдруг автобус снова остановился. На краю дороги стояли старик и девочка. Лицо старика было кротким. Улыбка выражала терпение. Он был сутулый. Редкие мягкие волосы спускались ему на лоб. Старик держал девочку за руку. Красные концы ее жесткого, должно быть, нового пионерского галстука топорщились на ветру. Головка была украшена тяжелыми, сине-черными волосами. В свободной руке у девочки был узелок. Сквозь дырочку в узелке выглядывал круглый овечий сыр.

Вот она стоит, пастушья кибитка; у ближней горы — стадо. Медленно движутся овцы по равнине, скатываясь, сползая со склонов гор. Неторопливо и медленно — а куда спешить?— войдут они в распахнутые ворота загона и будут спать, прижавшись друг к другу боками, под звездами, во тьме теплой ночи. Им будут сниться овечьи сны без конца и начала: ручей, равнина, трава.

И вдруг, словно проснувшись, я слышу, как старик говорит шоферу:

— Кызыл. Школа. Дятлов.

— Будь спокоен, отец! Доставим! — отвечает водитель.

— Доста-авим, папаша! — весело подхватывает белобрысый.

Двери автобуса распахнулись, кто-то подал девочке руку.

— Как тебя зовут, барышня? — спросил пожилой рабочий.

— Харбулек,— ответила девочка.

Автобус тронулся.

Девочка не кивнула деду. И он не кивнул ей вслед. Высунувшись в окно, я разглядываю старика. Он все еще стоит на краю поля, кроткий и тихий, повернув лицо вслед уезжающей внучке. И не станет видно машины, а он, должно быть, все еще будет стоять и стоять, вглядываясь в пыльное узкое облако, которое расстелется по земле за колесами.

Откуда я знаю этого старика? Звук голоса, тихую речь, сутулые плечи? Может быть, он напомнил мне других пастухов Тувы?

Нет-нет, я знаю вот этого, что остался за поворотом дороги. Ну, конечно! И я тотчас же вспоминаю очаг в пастушьей кибитке, котелок, в котором кипятился чай, и тихую речь старика.

— Слыхал,— говорил пастух.— Москва! Метро!.. Москва — район? — спросил он, подумав.

— Нет, отец, Москва — это город. Большой, красивый.

— Слыхал. Большой, как Тува?.. Не видел, не видел. Внучку пошлю. Учиться пошлю. Петь пошлю... Метро узнает, район узнает... Хорошо поет. А скрипка Москва есть? Как у Дятлов?

— Кто такой Дятлов? — спросила я у водителя нашей машины.

— Ну как же! Скрипач! На всю Туву известный! В Париже играл, в Москве играл. Теперь учит ребятишек в музыкальной школе.

Я взглянула на девочку.

— Ты умеешь петь? — спросила я.

— Умей! — ответила Харбулек.

— Так валяй, не стесняйся! — сказал белобрысый.

И случилось чудо: в автобусе заиграла свирель. Удивившись, я посмотрела на руки девочки. По-прежнему одной она держала узелок с сыром. Другая покойно лежала на синей юбке короткого платьица. Рот у девочки был закрыт.

Где же свирель?

Свирель заливалась трелью и пела: она славила просторы этой земли, земли бывших кочевников-пастухов. Тонкой и тихой трелью взвивалась свирель, как песня жаворонка, подражала звуку ручья, скликала овец.

В автобусе сделалось очень тихо: пела свирель. Она пела, как поют свирели множества пастухов в России и на Украине, в Грузии и Туве. Песня свирели звенела, как стеклянные шарики, ударявшиеся друг о друга. Ее звук замирал и снова вспархивал то бархатно, то стеклянно.

Где свирель? Откуда свирель? Что же это?

Девочка чуть улыбалась. Губы ее были крепко сомкнуты, но это пела она. Неповторимую, единственную песню Тувы — горловую. Так она и называется: горловая.

Горлышко этой девочки было волшебное. Оно было горлом певицы. И в эту минуту я поверила, как верил старик, ее дед, что все услышат волшебную песню девочки: и метро, и район, и большая Москва.

Задумались молодые рабочие. Их старшой сидел, чуть раскачиваясь, подперев кулаком щеку. И тот, что получил отставку, смотрел в окно, размечтавшись и позабыв обиды.

А девочка пела. Она пела неутомимо, звонко и вместе с тем бархатно. Так вот она, песня этой земли! Я уже и прежде ее слыхала в шорохе этих трав, в дальности этих дорог и в звуке ручьев...

Автобус катил вперед, все вперед. Яркие выступили на небе звезды. Они сыпались вниз; это часто бывает в августе. Они висели, большие и желтые, как фонари. По сравнению с ними казались бисерными дальние пригородные огни приближавшегося Кызыла.

По тайге

Евгений ГОЛЬСКИЙ

То ель, как на зимовье двери,
вдруг в пади заскрипит сырой,
то осторожный шорох зверя
насторожит тебя порой.
А ты идешь тропою мшистой,
и грудью паутинки рвешь,
и воздух чистый и душистый
глубокими глотками пьешь.
И, сам того не замечая,
ты начинаешь вновь мечтать:
какая же земля другая
есть где-нибудь твоей под стать?
Переберешь и ту и эту,
гордясь их щедрой красотой,
обшаришь мысленно планету
и все же не найдешь такой.
Под небом цвета лазурита,
богатством каждого слепя,
лежит она, тебе открыта,
на тыщи верст вокруг тебя.
Ее размашистые дали —
ее особенная стать.
О, если б руки
позволяли,
ты обнял бы ее,
как мать!
И сам себя готов
заверить,
на сердце положась
свое:
ее нельзя пешком
не мерить,
нельзя не воспевать
ее.
Мы с детства с ней
навеки слиты,
и потому — один ответ —
здесь все поэты — следопыты
и каждый следопыт — поэт.
Тут, как в себя, ты в друга
веришь,
который не солжет ни в чем...
И ты совсем забыл о звере
и о ружье, что за плечом.

●

ЛЕНТЯЙ В ДАГЕСТАНЕ ЖЕНЫ НЕ НАЙДЕТ

Машидат ГАИРБЕКОВА

Когда ты не в дело влюблен,
а в безделье,
Коль бродишь без цели
семь дней на неделе,
Тебе не мешало б
узнать наперед:
Лентяй в Дагестане
жены не найдет!

Коль, полон к себе одному
интереса,
Не видишь ты даже
деревьев средь леса,
Тебе не мешало б
узнать наперед:
Бахвал в Дагестане
жены не найдет!

Коль ходишь, кичась красотой,
по округе,
Трезвоня невесть про какие
заслуги,
Тебе не мешало б
узнать наперед:
Болтун в Дагестане
жены не найдет!

Перевела с аварского
Эм. АЛЕКСАНДРОВА.

О ЖЕНСКОЙ

Ответ Саше Н.

Вы просите не называть ни вашей фамилии, ни вашего адреса. Все происшедшее в вашей жизни должно остаться тайной для окружающих. Хорошо. Никто, кроме вас и меня, не будет знать, кому предназначается этот ответ. Но в самом вашем письме, в переживаниях, которые вас мучают, есть много такого, что касается и других людей и других историй. Поэтому я решаюсь вынести свой ответ на страницы журнала.

Итак, что же произошло? Увы, то, что вы сами предчувствовали, о чем догадывались еще в предыдущем письме. Женя решил порвать с вами. «Уехал, не оставив адреса»,— ошеломленно писали вы тогда. Теперь, отыскав его, вы убедились, что это не случайная забывчивость, не торопливые сборы, которые помешали ему накануне отъезда увидеть вас, хотя бы объясниться. Он не собирается жениться, разговора о свадьбе больше нет. Все ваши подозрения перешли в уверенность.

Первое чувство, которое вызывает ваше письмо,— конечно, жалость. Жалость к вашим разбитым надеждам, любви и горечь за то, что большое чувство отдано, по-видимому, человеку малодостойному. Но письмо навевает и много иных мыслей.

Вот вы все мучаетесь, Саша, прикидываете, как бы заставить Женю одуматься и жениться на вас... А я сейчас думаю о том, что хуже (или что лучше, все равно с какого конца считать): несчастная любовь или несчастная жизнь? Поверьте, это не одно и то же.

Быть женой любимого хорошо, что говорить! Но быть женой, от которой готовы в любую минуту отречься, нищенкой вымаливать каждую ласку, жить бок о бок и терпеть унижения, нелюбимой, нежеланной! Не знаю, как рассудите вы, но по мне в самом деле лучше, может быть, один этот оглушающий, сильный удар сегодня, чем такая каждодневная пытка в будущем. Или, вернее, те же самые удары, только день за днем, час за часом. А привыкнуть к ним нельзя.

Вы не бойтесь, Саша, вы загляните вперед, в будущее,— оно не закрыто.

Судя по всему, Женя-то — человек не очень мягкого нрава, чтобы не сказать резче. Даже сейчас, на заре ваших первых встреч, только что пережив такое опьяняющее чувство, получив в бесценный подарок страстную и верную любовь девушки, сейчас, когда от наплыва счастья мог бы размягчиться и каменный,— как грубо, жестоко он оттолкнул вас, как оскорбил!

А в будущем? Что будет в будущем?..

Как странно! Мы готовы порой поверить маленькому глупому суеверию, вроде того, что дурно, если кто-то споткнется на пороге нового дома, и закрываем глаза на самое очевидное предзнаменование беды: на недобрые поступки, на характер человека, с которым собираемся вместе строить жизнь.

Если бы вместо имен Саша и Женя подставить иные, если бы на вашем месте оказались двое других, а вам взглянуть на все лишь со стороны, что бы вы сказали? Какое чувство вызвал бы в вас этот молодой человек?

Впрочем, вы еще не можете смотреть со стороны. Женя — это Женя. Вы любили его, любите — этим сказано многое. И он дорог вам такой, как есть,— жестокий, мелочный (хотя не думаю, что любовь должна быть слепа). Видно, вы нашли в нем и что-то свое, хорошее. Но в этот тяжелый момент жизни, когда идеал потерпел крушение, не надо ли вам все-таки несколько приподняться над привычной мечтой? Подумайте. Не следует ли посмотреть на все своими глазами? Ведь вы и сейчас, Саша, смотрите на все глазами Жени, думаете его мыслями, судите себя его судом. Ведь даже издали, по одному письму, чувствуется, что вы из-за того, что разлюбил Женя, кажетесь сами себе сейчас жалкой, некрасивой... Да? Неподкупное зеркало, оно тоже умеет говорить чужими словами. Сегодня оно, совсем как Женя: показывает дурное. К тому же вы не спали, плакали. И, глядя на себя, уныло находите ответ: да, таких, как я, не любят. Не за что любить. Вот почему и нет любви.

Ну, вот, а теперь давайте, Саша, уберем это зеркало со стола. Сегодня оно, правда, ни к чему. И поговорим даже не о вас и не о Жене, а просто о женской красоте и любви. Я напомню вам один славный рассказ Вересаева, а вы подумайте над тем, отчего это любовь достается не одним только красавицам, а и нам, самым обычным женщинам и девушкам — курносым, веснушчатым, светловолосым, черноглазым, худым, толстым, отчего даже самая скромная наружность имеет право на любовь?

Не будем обманывать себя, говоря, что внешность не имеет никакого значения, что приятно выглядеть дурнушкой: красота — большая радость.

Но... послушайте, однако, рассказ.

Два художника, два знаменитых мастера должны были нарисовать портрет красивой женщины, и один искал свою красавицу повсюду, а другой решил нарисовать ту, которую любил,— свою жену Зорьку. Нет, у нее были не точеные черты лица, она, видно, не выделялась наружностью среди других женщин. Рядом с той, другой на портрете, явившейся в самом деле совершенством красоты, лицо Зорьки выглядело лишь милым, славным. Но зрители, судившие обе картины, не могли глаз оторвать именно от этого обыкновенного женского лица. Художник запечатлел в нем то, что видел, любил. Сила его любви придала каждой черточке такое обаяние и прелесть, перед которыми отступила прославленная красота...

Говорят, будто любовь слепа. А я думаю, нет! Она видит как раз больше равнодушного глаза, прозорливость ее открывает скрытое в человеке: гармоничность его существа, неповторимость единственного облика и образа... Не могла бы, увы, сказать вам ни о том, как возникает любовь, ни о том, как она обрывается. Это давняя загадка. Но в одном, несомненно, я уверена: тот, для кого вы могли стать его Зорькой, осушил бы слезы, стер страдальческую складку у рта, и ваше лицо, усталое, в слезах, все равно было бы ему дорого.

Поймите, Саша, несчастье начинается не тогда, когда кто-то скажет тебе: «Ты дурна, нехороша собой. Ты никому не нужна такая»,— а тогда, когда человек повторяет себе это уже сам. И в этом самое большое осложнение беды. Нельзя зачеркивать себя, нельзя принимать слова, самые жестокие, за решение всей своей судьбы и жизни.

Я говорю это не в утешение. Что ж утешать, слова не в силах стереть остроту горя! Но я хочу ответить хоть немного на ваш вопрос: как же жить дальше, как быть без Жени?

Вы сами заговорили о женской гордости. «Призвать на помощь женскую гордость?» — спрашиваете вы. Думаю, что да. Но женская гордость в моем представлении нечто иное, чем кажется вам. «Не искать встреч, не пытаться больше говорить, затаиться...» — пишете вы. И я, прочтя эти строчки, вдруг ясно вспомнила статью, которую примерно год назад читала в ленинградской газете «Смена». Эта статья была тоже о женской гордости — кажется, она так и называлась,— и там доказывалось, что женщина не должна первой объясняться в любви, не должна «бегать» за любимым, жаловаться на неудачи в жизни. Совсем так, как пишете вы: «Я старалась сохранить свою гордость. Я давно любила его, но скрывала...»

Молчать, когда любишь?.. Молчать, когда обижают?.. Молчать, когда разлюбил?.. Молчать, молчать, молчать... Какое странное поведение для гордого человека, какая старая заплаканная подушка для горьких, одиноких и непременно женских слез! А что, Саша, если вместо нынешнего сло-

вечка «гордость» в этом понимании подставить старинное «покорность», тоже адресованное когда-то женщинам,— многое ли изменится? Женщине, стало быть, отводится право в лучшем случае молчать, прятать свои чувства и — гордо или покорно, как уж заблагорассудится — принимать решение своей участи, волю другого. А такая ли в этом большая разница — гордо или покорно, если одинаково безмолвно?..

Но разве образ гордого человека, каким мы себе его представляем, хоть сколько-нибудь похож на такую безропотную мученицу? Разве гордость, поднимающая людей, предполагает отречение от своей воли и диктат другого? Или же есть две гордости: одна — большая, для людей «вообще», гордая, сильная, закаленная, и другая — специально для женщин, эдакий жалкий комочек в углу.

Вот хотя бы об этом «первом признании». Сто лет тому назад, даже больше, Татьяна Ларина первой призналась в любви Онегину. И что же, стала она от этого разве менее гордой, достойной, замечательной?

дам, воззрениям и в любой момент и в любой борьбе, будь то и один на один. Поймите, это не внешняя поза, вроде осанки со вздернутыми плечами, не великолепный плащ пресловутого молчания, а крепкий внутренний стержень, который не даст человеку согнуться. А уж как проявится чувство гордости — в молчании или в страстном споре, в уходе от любимого или в торопливом стремлении к нему,— ну, честное слово, не это важно! Я знаю двух женщин, которые в трудную минуту своей жизни поступили диаметрально противоположно друг другу, и, тем не менее, обе поступили именно гордо, независимо.

Замечали вы, Саша, что есть люди, которых нельзя унизить? Хоть убей, а не унизишь! Это удивительно сильно показано в великолепной скульптуре Ф. Фивейского «Сильнее смерти». Трое наших едва на ногах у порога смерти — вероятно, перед расстрелом — стоят обессиленные, шатающиеся и все равно не сломленные. Как не часто бывает даже в очень хорошем искусстве, эта скульптура

ГОРДОСТИ

Образ из литературы, ворвавшийся в жизнь, в мечты... И спустя сто лет (даже больше) снова повторять «жгучий» вопрос: а может ли женщина сама признаться в любви?

А почему бы нет, скажите?

Мы говорим о равноправии. Но равноправие — это ведь не только ясли, детские сады, пионерские лагеря и вся та огромная помощь, которую Советское государство оказывает женщине. Это не только наши права, гарантированные законом,— работа, учение наравне с мужчинами,— но это и ощущение своего человеческого достоинства, равенства, если хотите, равенства в чувствах, в жизни, в любви.

Мало ли пока что в отношениях мужчины и женщины сохранилось старых обычаев, обычаев от прошлого! И, как знать, может быть, и это «право признания» тоже возникло в известных исторических условиях, тогда, когда женщина в силу своей зависимости от мужчины — юридической, материальной, моральной, любой — не смела открыто выразить свои чувства и не могла следовать своему выбору... Как знать, не случится ли в будущем, когда отношения людей станут более искренними, доверительными, простыми, что этой проблемы —кто признается в любви первый? — вообще не будет, она исчезнет так же, как исчезло многое из прежнего, казавшееся незыблемым.

Гордость, по-моему (женская, человеческая),— это прежде всего глубокое чувство самоуважения, отказ от унизительных компромиссов, верность своим взгля-

вобрала в себя истории, мысль, судьбы миллионов, даже и тех, кто никогда не ощущал преддверия смерти, не видел направленных на себя ружей. Как много можно пережить, встав подле героев! Вам случалось?.. Я говорю об этой скульптуре потому, что она дает урок, ответ каждому и каждой из нас и на каждый день.

В течение нескольких лет женщина, о которой я хочу вам рассказать, мучилась с пьяницей-мужем. Жизнь в доме была адом. И сколько она ни старалась что-то изменить, ей не удавалось. Когда она говорила, что уйдет, уедет, он только смеялся: куда ей с тремя детьми?!

Но она все-таки поступила так, как говорила. Забрав детей, она уехала из дому. «Лучше пусть у детей не будет никакого отца, чем мучитель»,— сказала она и поклялась себе, что никогда и ни в чем ее дети не почувствуют «безотцовщины».

Ответственность за судьбы детей подняла в ней огромную силу. Не многие матери с тремя детьми даже при муже и работают и учатся. А она построила свою жизнь именно так: «Ради детей я должна учиться, получить профессию. Я должна вывести их в люди».

Она сдержала данное себе слово. Я была у нее дома и видела: все дети хорошо одеты, обуты (и это при самых скромных средствах: муж спился и денег почти не присылает). Лето ребята проводят в лагерях. И у них есть все, что у других в их возрасте,— пусть дешевенькие, а все же лыжи, пусть старенький, а все-таки велосипед. Когда я вспоминаю этот случай, мне кажется, может быть, за все тысячелетия человечества впервые при поддержке нашего общества возникла такая настоящая женская гордость, не было такой никогда, нигде. Глубокая внутренняя сила, которая дает право надеяться, верить в себя, в свое будущее, в силу жизни. А мы ее не замечаем.

Про историю второй женщины я вам скажу совсем кратко: женщина, чей портрет украшает собой, среди портретов других знатных людей города, улицы Архангельска, мастер на заводе, заочница, комсомолка, оказалась в одной семье, в одном доме со свекровью, человеком старого склада, которая не могла простить невестке, например, ее учебы:

— Зачем это тебе? Есть муж, ребенок, ими и занимайся!

Комсомолка готова была делать многое: и работать на огороде, и ухаживать за мужем и ребенком, мыть, шить, готовить, стирать. Но бросать институт, отказаться от общественных дел на заводе она не хотела и не могла. Женщина, стоявшая во главе целой смены, к слову которой с уважением прислушивался весь завод, уже не могла вновь стать только покорной служанкой.

И однажды муж, человек, несомненно, любивший ее, но слабовольный, готовый подчиняться во всем матери, после тяжелой сцены сказал:

— Уходи.

Да, по всей указанной нам «гордости» она должна была, несомненно, уйти, не зная, куда, не зная, почему, гордая в своем страдании. Но, отойдя с ребенком несколько километров от дома, она остановилась. А, собственно, какое он имел право так распорядиться ее жизнью? Сказать «уходи» и выгнать, как хозяин выгоняет свою собаку? Она вернулась, вошла в дом и, пройдя мимо свекрови, встретившей ее стеклянными от злобы глазами, сказала мужу:

— Расстаться придется. Иного, видно, нечего ждать. Но выгнать меня так, как ты вздумал, с ребенком, на улицу,— вот этого не случится!

Со следующего дня она начала хлопоты на заводе. Получила наконец комнату и уехала из старого дома. Уехала, но тогда и так, когда это оказалось возможным по условиям жизни, а не подчиняясь рабски грубому приказу. Было бы несправедливым не добавить, что сейчас они с мужем снова живут вместе, что и отношения их, такие тягостные, изменились к лучшему. Это отношения равных, а не хозяина и его рабы, как случается еще в быту.

...К чему я рассказываю вам, Саша, эти такие далекие от вас истории, вам, занятой сейчас своей единственной мыслью: «Одумается ли Женя, вернется ли?» Мир двух людей слишком тесен, чтобы кто-то третий смелой рукой мог расставлять в нем поступки, мысли, решения. Никто, пожалуй, не может дать вам рецепта, как вернуть, «заговорить». Как бы ни сложилась ваша жизнь, Саша, самое важное в том, чтобы вы не стали горестной тенью другого человека, чтобы в вас жила настоящая гордость, удерживающая человека от любого унижения.

Подумайте об этом.

С сердечным приветом

Н. АЛЕКСАНДРОВА.

Лирика

Платон **ВОРОНЬКО**

ПУЩА ВОДИЦА

Ой, гуляли средь дубровы
Устенька да Христенька,
Потеряли, чернобровы,
Два платочка чистеньких!
Из народной песни.

Так вот она, славная Пуща
Водица!
Пойти подивиться,
Что тут за водица,—
Я Пущи не видел досель!
На ветках склоненных мороз
серебрится,
Мягка под ногами постель
Из моха и листьев.
— Ты Устя
Иль Христя? —
Спросил зимним вечером я.
— Не Устя,
Не Христя,—
Я Пуща Водица,
Я нежная песня ручья!..
И верно, безлюдно в низинах
заросших,
Лишь слышатся всплески воды,
И только легонько дымится
пороша,
Мои заметая следы.
Так что ж мне мечтается?
Что же мне снится
В платке белоснежном она?
— Не Устя,
Не Христя,—
Я Пуща Водица!—
Ночная звенит тишина.

* * *

— Скажи, кого ты ждешь,
о ком грустишь?
Чего одна до полночи стоишь?
— Жду не тебя, грущу не о тебе!
И хлопец крикнул:
— Ну и жди себе!
Заречные долины отцвели...
В сырую ночь волы едва брели...
Степная темь укрыла косогор.
И тут во мгле послышалось:
— Егор!
И ночь слепая стала голубой.
— Тогда тебя ждала я, милый
мой,
Но я тебе признаться не могла:
Ведь ночка очень лунною была!

* * *

Поехал товарищ во вьюжную
даль...
Метелица мчалась по следу,
И сердце мое защемила печаль.
С чего бы?..
Я тоже поеду!

И, может быть, вьюга еще
холодней
Подует во мглистые дали,
И чье-нибудь сердце забьется
сильней
В такой же нежданной печали.

Перевел с украинского
Б. КЕЖУН.

Группа повстанцев в джунглях департамента Чонталес.

На уборке хлопка.

НИКАРАГУА ВЗЛАМЫВАЕТ

Вас. ЧИЧКОВ

Вслед за Венесуэлой и Кубой, где народы в упорной борьбе разгромили ненавистные диктатуры, поднялся народ Никарагуа, маленькой страны, расположенной в Центральной Америке. В этой стране живет всего 1 250 тысяч человек.

История никарагуанского народа — это долгие годы нищеты, бесправия, угнетения. В 1912 году Никарагуа была оккупирована американской морской пехотой, снискавшей себе зловещую славу «тарана» американского империализма в колониях и зависимых странах. Оккупация продолжалась 20 лет. В эти годы в Никарагуа явился Анастасио Сомоса. В послужном списке будущего диктатора значилась служба у миллионера Рокфеллера. Заняв пост командующего национальной гвардией Никарагуа, Сомоса жестоко расправлялся с повстанцами-патриотами.

Заговоры, убийства из-за угла следуют один за другим. В 1936 году Анастасио Сомоса при поддержке друзей из США устраивает государственный переворот и захватывает власть. Два десятилетия Сомоса угнетал народ Никарагуа, пресмыкаясь перед иноземцами. 21 сентября 1956 года Сомоса был убит патриотом Ригоберто Лопесом.

Убийство генерала Сомоса всполошило его хозяев в Вашингтоне. Они приложили тогда немало усилий, чтобы на место убитого отца поставить его сына — генерала Луиса Сомоса. Он и был провозглашен временным президентом, а затем постоянным. Формальный срок его президентства — до 1963 года.

«Отцами отечества» величает генералов Сомоса, отца и сына, правящая камарилья Никарагуа. Этот титул рекламирует и печать США. «Отцами отечества» эти тираны, разумеется, никогда не были. Но за 23 года власти они стали в полном смысле слова хозяевами страны. Семейка прибрала к рукам все отрасли хозяйства, из которых можно извлекать прибыль. В стране есть всего три сахарных завода, они принадлежат диктатору. В его руках авиационная компания, морское пароходство, текстильные фабрики. Сомоса владеет сотнями тысяч гектаров первоклассной земли, на которой пасется скот, выращивается хлопок и кофе — главные продукты экспорта Никарагуа.

Подлинных богатств семьи Сомоса никто не знает. Однако известно, что из 330 тысяч взрослого населения Никарагуа третья часть, то есть 110 тысяч человек, занята на предприятиях и в поместьях, полностью или частично принадлежащих диктатору и членам его семьи.

Увеличивая свои богатства за счет труда десятков тысяч обездоленных соотечественников, генерал Сомоса в то же время создает в Никарагуа благоприятные условия для своих хозяев — аме-

риканских монополий. Он подписал с США кабальные военные и торговые соглашения. По военному договору, Соединенные Штаты имеют право, если понадобится, проложить на территории Никарагуа межокеанский канал по типу Панамского. Пентагон наводнил страну военными советниками и вооружил армию Никарагуа танками и самолетами. Опираясь на торговые договоры, американские монополии получили от генерала Сомоса на льготных условиях десятки концессий, в частности концессии для вывоза из Никарагуа драгоценного дерева каоба.

Ненавистная народу власть диктатора держится на штыках, репрессиях и терроре. Тюрьмы страны переполнены политическими заключенными. Десятки тысяч жителей Никарагуа в последние годы вынуждены были бежать от преследований в другие страны. Только в Коста-Рике насчитывается 72 тысячи никарагуанских эмигрантов, 28 тысяч — в Венесуэле и в других странах Центральной Америки.

Среди эмигрантов развивается движение за освобождение страны от диктатора. Руководящую роль играют Национальный оппозиционный союз, Гражданский союз. Эти организации не раз предлагали Сомоса добровольно отказаться от власти. Однако в ответ никарагуанский диктатор лишь усиливает террор и репрессии. Не так давно арестовано 120 оппозиционеров внутри страны.

В первых числах июня эмигранты, возглавляемые Лакайо Фарфаном, высадились в Никарагуа и начали восстание против тирании Сомоса. Из числа эмигрантов, живущих в Коста-Рике, были собраны добровольцы; их вооружили и послали на двух самолетах в Никарагуа. Одна группа развернула военные действия в департаменте Чонталес, другая — в департаменте Матагальпа.

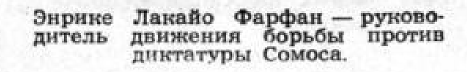
Генерал Сомоса заявил, что он раздавит повстанцев в течение ближайших двух суток. Но у генерала руки оказались коротки. К повстанцам стали присоединяться крестьяне, задавленные нуждой и горем. Студенты, медики и торговцы в Манагуа, в столице Никарагуа, объявили забастовку в знак солидарности с повстанцами.

23 июля против диктаторского режима открыто выступили студенты университета. Со знаменами в руках, на которых было начертано требование о свержении правительства Сомоса, студенты вышли на улицы. Войска и полиция открыли огонь по безоружной молодежи. Было убито пять человек и ранено тридцать шесть. Новое чудовищное преступление диктатора всколыхнуло всю страну и еще больше усилило деятельность партизан. Похороны убитых студентов превратились в мощную демонстрацию протеста против диктатуры, против террора и нищеты.

Борьба в Никарагуа продолжает развиваться. Она встречает поддержку и понимание всех народов Латинской Америки. Недавно Национальная ассамблея Коста-Рики приняла дружественное обращение к народу Никарагуа и потребовала от Соединенных Штатов прекратить поставки оружия генералу Сомоса. Студенты кубинской столицы Гаваны собирают средства в фонд повстанцев Никарагуа. В обращении революционной федерации работников электропромышленности Кубы говорится: «Товарищ! Создай там, где ты работаешь, комитет солидарности и помощи Никарагуа!».

Все увереннее шествует свобода по странам Латинской Америки, поднимая народные массы на борьбу против нищеты, бесправия, диктаторских режимов. Народы южноамериканского континента больше не хотят жить по-старому, они берутся за оружие, чтобы навсегда сбросить с себя тяжелые цепи прошлого.

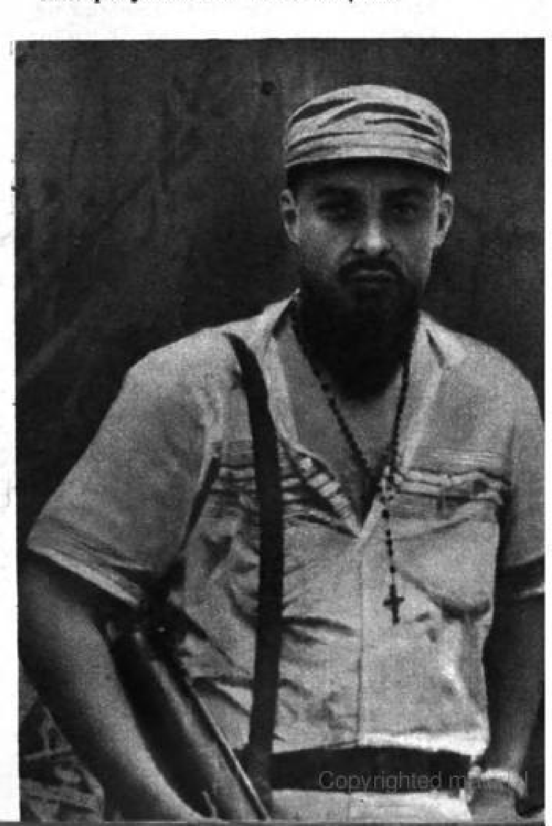
Энрике Лакайо Фарфан — руководитель движения борьбы против диктатуры Сомоса.

Девушка — сборщица кофе. Кофе составляет один из основных экспортных продуктов Никарагуа.

ТЮРЕМНУЮ РЕШЕТКУ

Хоакин Чаморро — командующий никарагуанскими повстанцами.

Хорошо ли вас обслуживают?

Напрокат...

Г. ФУТОВ

С Александрой Анисимовной Горячевой мы встретились в одном из челябинских магазинов, в отделе проката бытовых товаров. Она брала на неделю во временное пользование детскую прогулочную коляску.

— Понимаете, это ведь замечательно! Вот приехала погостить к сестре вместе с ребенком. Не тащить же с собой коляску с Украины на Урал! А у нас в Мелитополе, кажется, до такого удобства еще не додумались.

Увидев за стойкой длинный ряд трехколесных велосипедов, полюбопытствовала:

— Это тоже напрокат?

— Да, пожалуйста, два рубля в день.

— Ну, завтра, Вова, ты обязательно покатаешься.

Два года тому назад в заметке «Это очень удобно» «Огонек» сообщал об одном из первых в стране прокатных пунктов, который открылся тогда на Краснофлотской улице в Свердловске. Здесь можно было получить во временное пользование стиральную и швейную машины, пылесосы, электрополотеры, фотоаппараты, различные музыкальные инструменты.

Опыт этот оправдал себя полностью. Новый вид бытового обслуживания населения все шире приобретал права гражданства. Вскоре отделы проката открылись и в других районах. Появились они теперь почти во всех городах страны. Сейчас только в одной Свердловской области около сорока прокатных пунктов.

Как же работают павильоны и отделы бытового проката?

Свердловск, улица Бажова, магазин № 63. За прилавком отдела проката контролер Зоя Ильинична Ефимова — студентка-заочница института торговли. День сегодня жаркий, накануне выходного, и с Зоей Ефимовой удается поговорить только урывками. Вот она помогает выбрать аккордеон Владимиру Дроздову, механику одного из городских предприятий. Вечером он идет к родным на новоселье, и как не взять с собой в таком случае аккордеон? Но стоимость проката музыкального инструмента заставляет немного поморщиться: двадцать рублей в сутки — это дороговато.

— Можете взять почасно. Три рубля в час, — предлагает Зоя Ильинична.

Но новоселье отмечается вечером, и механик все же берет музыкальный инструмент на целые сутки.

Пожилая женщина просит сервиз на сорок персон:

— Понимаете, у дочери свадьба. Считали, пересчитывали: не меньше сорока гостей будет. И, конечно, хочется стол накрыть как следует.

А пенсионер Петр Николаевич Скуридин, выбирая себе пылесос, не прочь пофилософствовать:

— Не люблю, знаете, загромождать квартиру вещами. Пылесосом или электрополотером, в конце концов, пользуешься раз в две недели. Зачем же покупать их?

В отдел проката приходят все новые посетители. Постепенно пустеют полки. К концу дня не осталось ни одной стиральной машины, разобраны почти все музыкальные инструменты, фотоаппараты, фотоувеличители.

— Так каждый раз под выходной день, — устало говорит заведующий отделом проката Владимир Михайлович Зернов, показывая на пустые полки. — Ассортимент явно недостаточен.

— А что спрашивает посетитель?

— Все что угодно: пишущую машинку, магнитофон, мотороллер, туристскую палатку, раскладушки, легкую дачную мебель. А вот недавно пришел товарищ, вынул из кармана любительские права водителя и просит на три дня «Волгу». Утверждает, что во многих городах сдают напрокат посуточно и помесячно легковые автомобили.

И тут вспомнилось мне, насколько богаче ассортимент в ателье проката Москвы. В ателье № 4, например, которое помещается на Садовой-Каретной улице, в доме № 3/36, можно получить во временное пользование предметы более 80 наименований. Любители рыбной ловли могут позаимствовать здесь спиннинг, а человек, к которому нагрянули с ночевкой гости, или дачник — складную кровать. Любители спорта — мяч с волейбольной сеткой, а туристы — походные палатки, гамаки, рюкзаки... Есть в ателье специальные музыкальные комнаты. Это, так сказать, прокат на месте. За небольшую плату вы можете регулярно пользоваться роялем или пианино. Музыкальные кабины никогда не пустуют: сюда приходят дети, учащиеся музыкальных школ. Неплохо было бы расширить ассортимент предметов и в Свердловске.

В отделе проката бытовых товаров магазина № 63 Свердловска. За прилавком контролер З. И. Ефимова.

Фото И. Тюфякова.

— А сколько еще не решенных вопросов! — продолжает свердловчанин В. Зернов. — Вот, например, тара. Кажется, мелочь, а сделать ничего не можем. Заводская упаковка удобна для покупателя. А для прокатного пункта картонная коробка не годится: она быстро изнашивается. Или возьмем доставку громоздких предметов: стиральных и швейных машин, холодильников. Ведь клиенту доставка иногда обходится значительно дороже стоимости самого проката.

Вот и остается ему только мечтать в ожидании такси: «А чего было бы проще — позвонить по телефону, приняли бы там заказ и прислали мне все домой на своем транспорте!»

Претензии, услышанные в Свердловске, повторяли нам работники пунктов бытового проката многих городов Урала: Челябинска, Перми, Кургана. И они тем очевиднее, когда начинаешь сравнивать их. Особенно поражает неразбериха в ценах. Если, предположим, стиральную машину одной и той же марки в одном магазине будут продавать за девятьсот рублей, а в соседнем — за три тысячи, это немедленно привлечет внимание прокурора. Но зайдите в прокатные пункты Челябинска, и вы не поверите своим глазам. В магазине № 53 Челябинского горпромторга стоимость суточного проката стиральной машины — 10 рублей, а в нескольких кварталах от него — на улице Цвилинга, 93, — расположен другой магазин, где та же стиральная машина сдается напрокат только почасно, и обходится она по... 48 рублей в сутки.

В чем тут дело? Оказывается, в городе действуют два постановления. Одно подготовлено начальником Челябинского областного управления торговли Иваном Константиновичем Устиновым, а другое — начальником городского управления торговли Ростиславом Степановичем Балашовым. Первое утверждено Исполкомом областного Совета депутатов трудящихся, а второе — соответственно Исполкомом городского Совета. Учреждения эти находятся рядом, но договориться между собой не могут. Городской Совет, например, распорядился взимать за прокат пылесоса 4 рубля в сутки, а облисполком — 5 рублей в... час, или за 24 часа — 120 рублей. За трое суток пылесос целиком и окупится.

И если подобная неразбериха возможна в одном городе, то уже совершенно перестаешь удивляться тому, что за суточное пользование сервизом, например, в Свердловске берут в три раза дороже, чем в Челябинске и в Москве, а прокат стиральной и швейной машин обходится москвичу в два — три раза дешевле, чем свердловчанам и челябинцам.

В то же время в московских ателье есть свои особенности. Бросается в глаза крупное объявление: «При получении предметов проката на один месяц и более предоставляется скидка от суточной стоимости на 50—60 процентов».

Значительно снижена здесь стоимость проката и на предметы, которые берутся на шесть дней и дольше. Это очень удобно и для населения и для ателье. Ведь вещь, которая длительное время находится в одних руках, будет куда сохраннее.

Кто же должен ликвидировать этот разнобой в ценах?

Своим постановлением от 4 марта прошлого года Совет Министров РСФСР поручил промысловой кооперации организовать широкую сеть прокатных пунктов. Мне пришлось наблюдать работу многих отделов проката в городах Урала и Сибири. Но ни один из них не принадлежал местным промсоветам. Ими по-прежнему занимаются «торги», а кооператоры, как видно, не торопятся.

Бытовой прокат занимает все более важное место в обслуживании населения. В Москве, Ленинграде, Свердловске и во многих других городах появились уже небольшие прокатные пункты при домоуправлениях. Они приобретают все большую популярность. И весьма важно, чтобы организация всех видов бытового проката была четкой, продуманной, предусматривала бы максимальные удобства для населения...

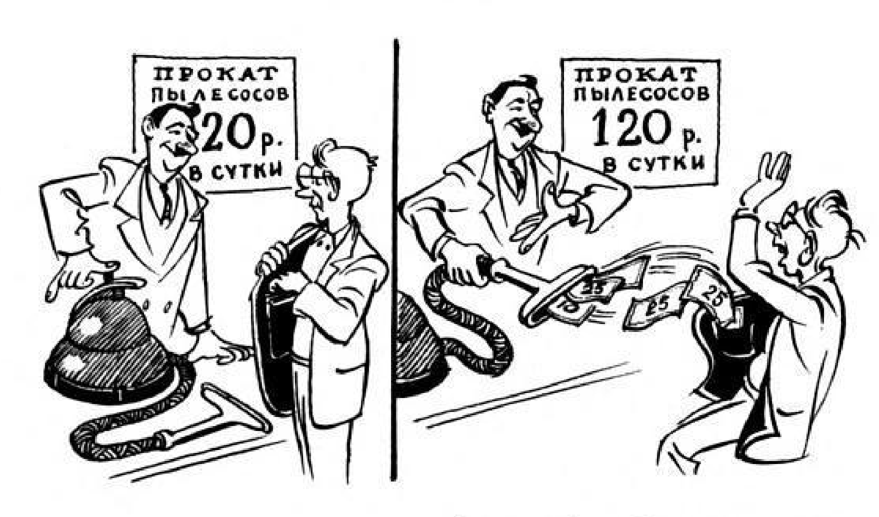
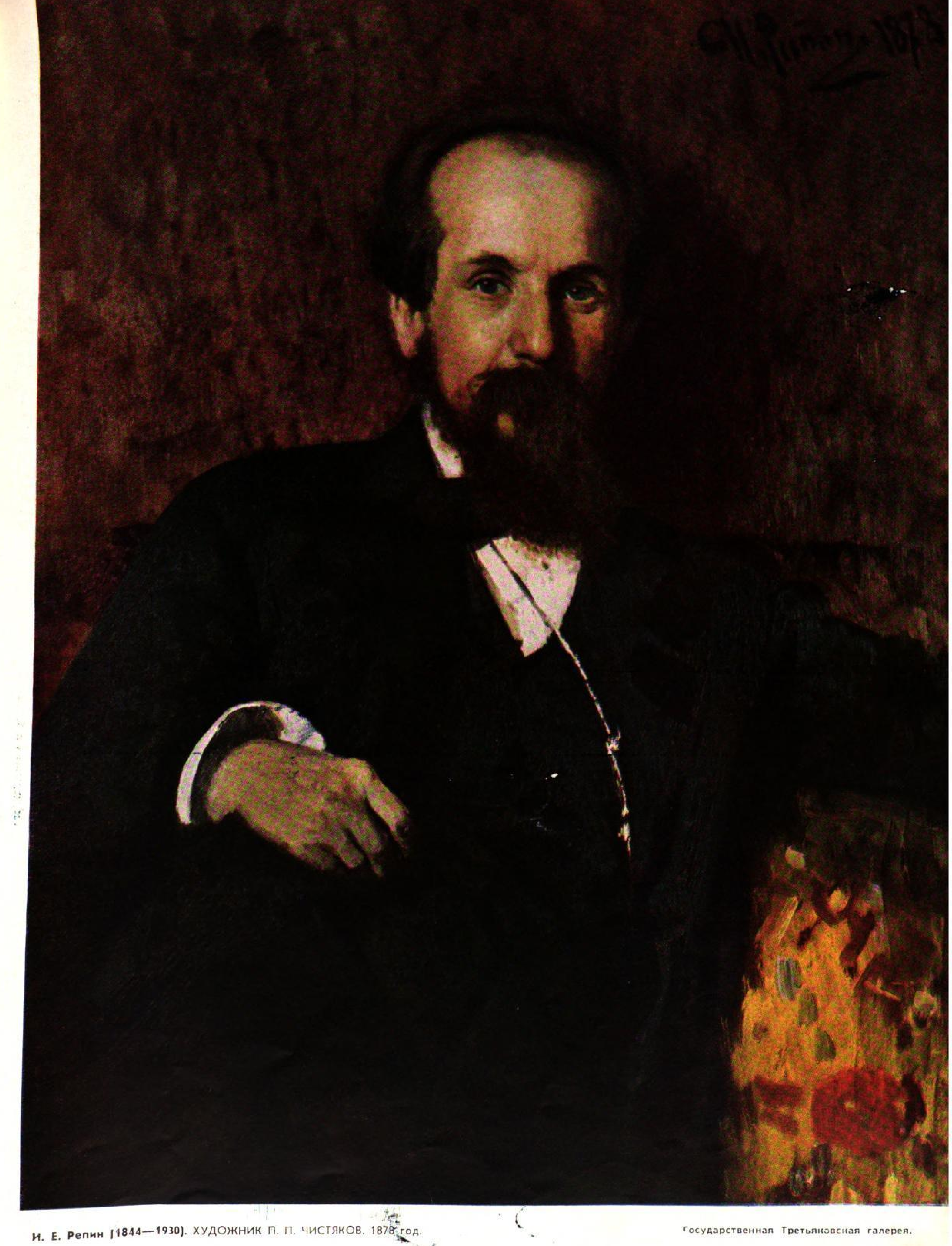
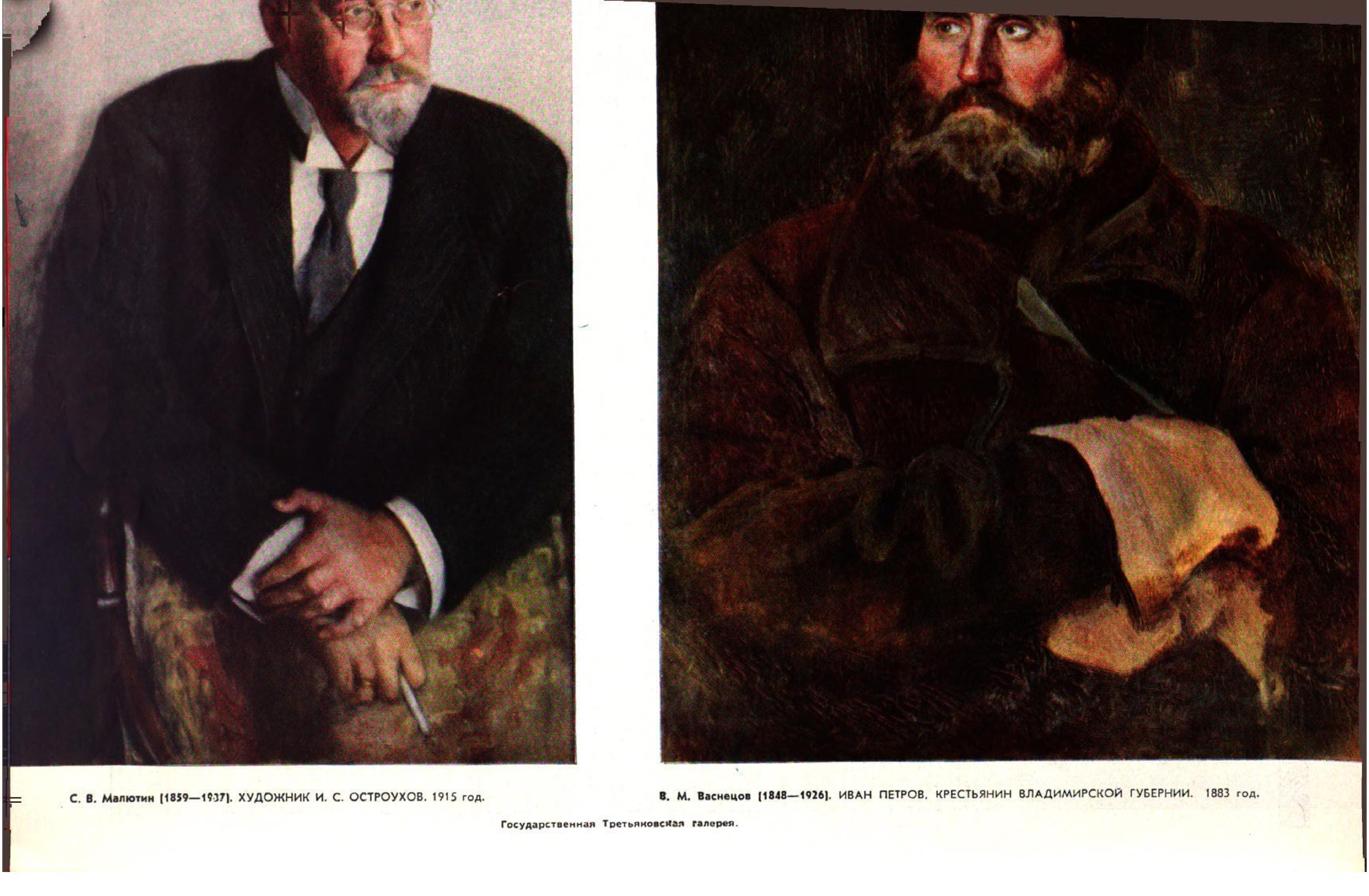

Рисунок Л. и Ю. Черепановых.

И. Е. Репин (1844—1930). ХУДОЖНИК П. П. ЧИСТЯКОВ. 1878 год. Государственная Третьяковская галерея.

С. В. Малютин (1859—1937). ХУДОЖНИК И. С. ОСТРОУХОВ. 1915 год.

В. М. Васнецов (1848—1926). ИВАН ПЕТРОВ, КРЕСТЬЯНИН ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ. 1883 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Нет, не мать она!

В тридцатом номере журнала «Огонек» был опубликован очерк Г. Куликовской «Мать ли она?». Очерк вызвал много откликов читателей. Вот строки из некоторых писем, полученных нами.

Мать — это самое близкое, самое дорогое для ребенка. Она стремится вырастить человека настоящего и будущего, а не человека прошлого, который трепещет перед несуществующим. Можно еще простить Бурцевой то, что она сама верит во что-то сверхъестественное. Но смириться с уродливым воспитанием детей, со стремлением сделать из них никому не нужных кликуш невозможно. Этого простить нельзя! Я уверена, что Люда любит свой дружный пионерский коллектив, любит кино и театр и с удовольствием поехала бы в лагерь. Ей надо помочь. Дать ей радостное, счастливое детство. Местные партийные организации должны это сделать.

З. КАЗИМИНА
Тушино, Московской области.

Я полностью присоединяюсь к красноярским товарищам: надо отнять Люду от матери и поместить ее в интернат. Считаю, что такие же меры нужно применять к детям и других сектантских семей. Это поможет им стать действительно советскими людьми.

П. ШИРИНКИН
Перово.

Мои родители тоже посещают церковь. Часто осеняют они себя крестом, читают иногда молитвы, отмечают пасху и рождество. Однако все мои братья и сестры и я атеисты. Нам родители не мешали думать по-своему, по-своему мечтать и носить красный галстук. А мама сама часто повязывала мне галстук перед уходом в школу. К сожалению, в нашей стране есть еще люди, подобные М. Бурцевой и А. Кулагиной. Надо лишить их опекунства над Людмилами и Светланами. Пусть дети читают Горького и Пушкина, смотрят фильм «Васек Трубачев и его товарищи» и живут подобно тимуровцам. Я присоединяю свой голос к голосу Нели Лозницкой. Люду надо забрать из ее семьи! Пусть на ней снова заалеет пионерский галстук. Постарайтесь выполнить мою просьбу, дорогая редакция.

Военнослужащий А. ЛЕСНОЙ

За физическое увечье наказывают строго. Почему же за моральное увечье нет никакой ответственности? Зло нужно рвать с корнем, и тогда не придется спасать в отдельности каждого ребенка.

А. ХОМУЕВНИКОВА
Бабушкин.

Мне 62 года. Но очерк взволновал меня и заставил вспомнить то, что я сама терпела в детстве. Когда мне было 7 лет, мама привела меня в секту староверов. Пришли мы в комнату, ярко освещенную лампадами и увешанную иконами. Все женщины в темных сарафанах и платках, мужчины в длинных рубахах. Кто-то читал, а мы молились и кланялись... Когда я болела оспой, маму уговорили отдать меня в секту. Она была неграмотная, забитая женщина и поверила. В секте меня вторично крестили, но когда мама увидела свою дочь в темном сарафане, грустную и измученную, ее любящее сердце не выдержало, и она со скандалом забрала меня домой. Все это так на меня повлияло, что я росла безбожницей, плохо знала молитвы, и за это мне попадало в школе,— дело было до революции.

В наше время, когда наука так быстро идет вперед, когда запускают спутники, стыдно так поступать, как Мария Бурцева. Видно, не любит она своих детей.

А. СМИРНОВА
Ленинград.

...Мне очень жаль Люду. Я сама молодая мать двух сынов-близнецов, им уже по два года. Я хочу вырастить их смелыми, закаленными, любящими свою семью, жизнь, Родину. И я это сделаю. Не могу не присоединить и свой голос возмущения по поводу того, что делается в семье Бурцевых-Глазовых.

Нет, не мать Мария Бурцева! У таких матерей надо забирать детей, чтоб их души не были покалечены. Пусть государство воспитает их, и они вырастут и поблагодарят за заботу о них.

С. СИМОНОВА
Киреевск,
Тульской области.

Если Бурцева против пионерского галстука, пионерского лагеря, против всякой общественной жизни, значит, она против нашего общества. От нее пахнет гнилью. Таких людей, как она, нужно именем закона, именем общественности лишать родительских прав. Такого мнения я, мать двоих детей.

Н. ЖДАНОВА
Одесса.

Я, отец троих детей, присоединяю свой голос к товарищам из Красноярска, выступавшим на страницах «Огонька» с требованием подвергнуть гражданку Бурцеву самому страшному для нее наказанию: взять у нее детей. Не мать она своим девочкам!

И. УСЕНКОВ
Сосковский район,
Орловской области.

Я семи лет остался без отца и матери. Обо мне позаботилось государство. Воспитывался в детском доме, получил образование. Когда я узнал о судьбе Люды Бурцевой, мне стало страшно за ее будущее. Ведь характер человека складывается в детские годы. Судьба его зависит от воспитания, от того, что ему дадут родители, даже от отношения родителей к окружающему. Надо спасать детей Бурцевой, дать им возможность учиться, учиться и учиться.

Т. АЗИМОВ
Молдавия.

Впечатления детской души самые сильные и остаются на всю жизнь. Это я знаю по себе. Как-то (жила я тогда с родителями в деревне) шла лесом, и отец мне сказал, смеясь, в особенно густом и заросшем месте: «Ты здесь, дочка, не бегай ночью, а то как бы тебя дед Подкопай не схватил за ногу». Была я вовсе не трусихой, но с тех пор ужасно боялась этого места. Как же можно детям забивать голову сектантскими бреднями? Ведь если они и не станут сектантами, то на всю жизнь сохранится у них эта забитость, запуганность. Нужно ограждать детей от влияния верующих!

А. ЧЕРЕПАХИНА
Луганск.

Мы глубоко возмущены поведением Марии Бурцевой, которая морально калечит и растлевает сознание своих детей. Она не имеет права быть матерью. Считаем целесообразным поместить Люду в интернат. Также необходимо подумать и об остальных детях М. Бурцевой — о Светлане и Ирине.

Г. ВОЛОДИН,
персональный пенсионер,
член КПСС с 1917 года,
Е. ДАЛИНА,
пенсионерка, член КПСС
с 1919 года.
Москва.

Нет счастья у матери, если несчастливы ее дети. Но как можно самой, своими руками отравлять им радость, запугивать их в угоду мракобесам?.. Так действительно ли Бурцева — настоящая мать?

Подумайте, матери верующие, какой вред вы приносите детям, заставляя их лицемерить! Ваш ребенок не придет к вам поделиться своей радостью. А ведь вступление в пионеры — первая большая радость, первый шаг в большую жизнь, жизнь в коллективе и с товарищами.

От всей души присоединяюсь к мнению многих советских людей: у такой матери детей нужно забрать.

А. МЕЛИХОВА
Ростов-на-Дону.

ЦВЕТЫ ДРУЖБЫ В ПОЛЯРНЫХ СНЕГАХ

Это было на Шпицбергене, в поселке при советском руднике Грумант. Субботний день клонился к концу. Из шахты, из цехов рабочие возвращались домой. А навстречу им с горы по ущелью спускались лыжники-норвежцы — гости с соседнего угольного рудника Лангербюэна. Среди норвежских гостей были две девушки.

Гостям предложили отдохнуть, отвели им удобное, теплое помещение. Одна из девушек, официантка Лиссе Ергенсен, хрупкая, белокурая, вдруг почувствовала недомогание. Главный врач рудничной больницы Сергей Иванович Филиппов внимательно осмотрел больную, установил: простуда и резкое физическое переутомление вызвали воспалительный процесс.

— Прошу остаться в нашей больнице,— предложил доктор.

В комнату зашел чернявый коренастый парень. И, посоветовавшись с ним, девушка решилась.

— Спасибо. Я согласна...— ответила Лиссе.— Только у меня, доктор, просьба к вам. Разрешите остаться здесь вместе со мной Руалду Нурдму. Это мой друг.

— Пожалуйста!

Проходчика Руалда Нурдма хорошо знают советские полярники на Шпицбергене. В товарищеских соревнованиях русских и норвежских лыжников он два года подряд завоевывал первенство.

Лечение шло успешно. Лиссе, которую медицинские сестры окрестили Лизой, вставала с койки, ходила по палате. Часто ее навещал Руалд. Из комнаты отдыха, где встречались молодые люди, дверь ведет в цветочную оранжерею. Уже третий год главный врач Сергей Иванович Филиппов выращивает на застекленной веранде цветы и овощи.

Лиссе Ергенсен увидела в оранжерее на полочке семена цветов.

— Можно мне посадить здесь цветы? — сказала Лиссе.— Мы назовем их цветами дружбы.

А Руалд взял оставшиеся семена и решил посеять у себя в Норвегии, когда возвратится домой со Шпицбергена.

На четвертые сутки пребывания в больнице Лиссе Ергенсен чувствовала себя хорошо. Пора было собираться домой.

— Скоро мы поженимся. Приглашаем вас на свадьбу,— сказали Руалд и Лиссе Сергею Ивановичу Филиппову на прощание.

Н. ЗАЙЦЕВ
Рудник Грумант.
Остров Шпицберген.

Врач С. И. Филиппов в больничной оранжерее у цветов, посаженных Лиссе Ергенсен.
Фото автора.

Мы узнаем душу народа

И. ВЕРШИНИНА

Фото Е. УМНОВА.

За выражением лиц этих людей следят все делегаты фестиваля: это члены жюри: Кристиан Жак (Франция), Анри Сторк (Бельгия), С. Юткевич и С. Герасимов (СССР).

Мчатся по улицам Москвы автомобили с эмблемой Международного кинофестиваля. То тут, то там мелькает на ветровом стекле голубой земной шар. Эмблема фестиваля точно определяет его особенность: гости съехались почти со всего земного шара.

В гостинице «Москва», где живут участники фестиваля, звучит разноязыкая речь. Суетятся корреспонденты, внимательно вглядываясь в каждого проходящего. Вспыхивают блицы. Часто в холле звучит вопрос: «Где я вас видел?» «Под фригийской звездой»,— раздается в ответ,— или в «Стране мужчин», или в «Пламени на границе»...

У главного входа в гостиницу с самого раннего утра стоят любители кино. И как только появляется кто-либо из гостей, круг стремительно сужается, напоминая детскую игру в «каравай».

Большой день кинофестиваля в разгаре. С утра до вечера идут конкурсные просмотры. Впрочем, сказать «до вечера» — это заведомо быть неточным. Сколько раз делегаты выходили из Кремлевского театра с просмотра кинофильмов после того, как куранты пробили полночь! А ведь просмотры идут не только в Кремлевском театре, и фестиваль — это не только просмотры. Пресс-конференции, приемы, дискуссии, встречи, беседы...

Известный французский критик Жорж Садуль говорит, что когда он — еще лет десять назад — писал историю кино, кинематография была уделом лишь больших стран.

— А сейчас я вижу, что кино стало достоянием всех народов.

Да, Московский фестиваль — тому доказательство.

Здесь собрались кинематографисты различных континентов, чтобы в тишине кинозалов рассказать, каждый по-своему, о том, чем живет его народ, о том, что волнует сегодня мир. Собрались, чтобы встретиться со старыми и новыми друзьями, поговорить, поспорить, помечтать...

Вот в фойе Кремлевского театра стоят трое: С. Герасимов, С. Бондарчук и И. Секвенс. Все они участники фестиваля. Их роднит и прошлое. Бондарчук и Секвенс — ученики Сергея Герасимова: оба занимались у него во ВГИКе и оба дебютировали в фильме «Молодая гвардия», поставленном Герасимовым. С тех пор прошло более десяти лет. И сегодня Сергей Аполлинариевич с гордостью смотрит на своих воспитанников. Бондарчук — народный артист Союза ССР. Восторженные слова о его картине «Судьба человека» не сходят с уст жюри и делегатов фестиваля. Иржи Секвенс представляет кинематографию Чехословакии. Ее киноискусство занимает одно из первых мест в мире. На молодежном фестивале в Вене чешскому фильму «Пятеро из миллиона» единодушно присудили первую премию.

Переполненные горячей симпатией, крепко жмут друг другу руки на приеме корректный и сдержанный Бимал Рой, известный индийский режиссер и продюссер, и советский актер Олег Стриженов. Их сблизила Индия, где Стриженов снимался в «Афанасии Никитине» — первой картине совместного производства. Сейчас Бимал Рой вместе с советскими кинематографистами готовится к созданию второго фильма.

Восторженных слов о Москве, о советском искусстве нам довелось услышать немало. Их говорил и старейшина киноискусства, прославленный французский режиссер Абель Ганс, давнишний поклонник и пропагандист советского кино. Еще в 1926 году он первым во Франции закупил пятнадцать советских картин и показывал их соотечественникам. Сейчас, готовясь к постановке фильма «Аустерлиц», Абель Ганс использует пребывание в Москве для посещения исторических музеев и приглашения советских актеров. Из Франции приехал и другой известный режиссер, Кристиан Жак, постановщик фильмов «Если парни всего мира...», «Фанфан-тюльпан». Во время пребывания Кристиана Жака в Москве здесь состоялась премьера его нового фильма «Бабетта идет на войну». Из Франции приехала актриса Николь Курсель, хорошо знакомая москвичам по фильмам «Папа, мама, служанка и я» и «Колдунья».

Но мы заговорили о звездах фестиваля, а эта тема неисчерпаема. Ведь на фестивальном небосклоне их — вопреки всем законам астрономии — можно невооруженным глазом увидеть в любое время суток.

Во время экскурсии на «Мосфильм» просмотр экспериментального фильма, снятого на широкой, семидесятипятимиллиметровой пленке, ошеломил даже кинематографистов, вооруженных самой передовой техникой. И когда во всей величии на экране появился Кремль, аплодисментам стало тесно в маленьком просмотровом зале. Гости приветствовали и благодарили московских кинематографистов, приветствовали нашу столицу, нашу страну.

А вечером в Кремле Кристиан Жак сказал одному из десятка осаждавших его корреспондентов:

— Кино может сделать больше, чем дипломаты. Ведь оно позволяет узнать душу народа.

З. Кириенко, С. Бондарчук (СССР) и Люцина Винницка (Польша).

КИНОЗВЕЗДЫ

У НАС В ГОСТЯХ

Джульетта Мазина (Италия).

Николь Курсель (Франция).

Советский кинорежиссер Сергей Юткевич принимает у себя дома своих друзей — кинематографистов из Франции.

Цэвэлсурэн (Монголия), Х. Пратт (Либерия), Вон Чон Хи (КНДР) и Найду (Либерия).

Тран Дых Хинг (Вьетнам) и Иорис Ивенс (Нидерланды).

Мария Агиляр (Мексика).

Магда Афаф (ОАР).

Аояма Кёко (Япония).

Лесли Карол (Англия).

ОТ КРАЯ

ПРАГА — НИЖНИЙ ТАГИЛ

Телефонистки Нижнего Тагила уже привыкли к звонкам из Праги. С пражского завода «ЧКД-Сталинград» часто вызывают к телефону старшего мастера электросталеплавильных печей «Уралвагонзавода» Степана Яковлевича Барина. И всегда Степан Яковлевич, подходя к аппарату, чуть волнуется.

— Ну, как наша «тройка»? — торопливо спрашивает он далекую Прагу.

— Третья печь работает отлично, завершает без ремонта шестую сотню плавок. И «четверка» тоже не отстает. Знаешь, Степан, убедился: чем больше плавок, тем крепче печь становится...

И чехословацкий инженер Моймир Гловачек подробно рассказывает о поведении каждой из электросталеплавильных печей, после того как их перевели на «вечную футеровку».

В нашей печати уже рассказывалось о новом способе футеровки электропечей — облицовке их стен, свода, подины. Наварка стен особой спекаемой массой, предложенной С. Я. Бариным, обеспечила невиданную в истории металлургии стойкость печей. На «Уралвагонзаводе» одна печь, не подвергаясь ремонту, дала уже более 17 тысяч плавок, а другие печи — не менее 12 тысяч. Благодаря этому выплавлено много сверхплановой стали, сэкономлено свыше 10 миллионов рублей.

Тагильским методом заинтересовались металлурги не только в нашей стране, но и за рубежом. По просьбе администрации и рабочих чехословацкого завода «ЧКД-Сталинград» в Прагу приехал уральский мастер, автор «вечной футеровки», Герой Социалистического Труда Степан Яковлевич Барин. Несколько месяцев проработал он там, помогая чешским друзьям внедрить новый метод. Первой была переделана самая большая на заводе печь. Затем новой огнеупорной массой зафутеровали и другие печи. Выданы сотни дополнительных плавок, производительность плавильного отделения на заводе выросла на 40 процентов. Весть об этом быстро облетела все металлургические предприятия республики. На «ЧКД-Сталинград» приезжают делегации сталеплавильщиков со всех концов Чехословакии.

«Печь имени чехословацко-советской дружбы» — так назвали металлурги завода «ЧКД-Сталинград» электросталеплавильную печь, на которой впервые в Чехословакии был применен метод уральского мастера Степана Барина.

«Мы верим, что дружба, которая завязалась между коллективами наших заводов, будет крепнуть,— пишут в Нижний Тагил руководители завода «ЧКД-Сталинград».— Скоро мы будем информировать вас о внедрении метода Барина на других заводах Чехословакии».

А. ГРИГОРЬЕВ

Перед пуском «печи имени чехословацко-советской дружбы» друзья сфотографировались. На снимке: чехословацкие инженеры Ратко Каска, Моймир Гловачек и Герой Социалистического Труда Степан Барин.

Подарок

Такими мотоциклами правление колхоза «Родина», Усть-Лабинского района, Краснодарского края, премировало своих колхозников — передовых тружеников: тракториста Н. М. Ткачева и комбайнера И. С. Колесникова.

На снимке: И. С. Колесников (в центре) показывает товарищам подарок.

Ф. КОРОТКЕВИЧ

Как мы снимали белых медведей

Недавно наша съемочная группа побывала на полярной станции Нагурская на Земле Франца-Иосифа. Зимовщики встретили нас радушно, и два недавно пойманных медвежонка были предоставлены в наше распоряжение для съемок фильма. Медвежата быстро почувствовали тут себя хозяевами. Они бродили по всем помещениям, лежали в проходах, лазили в склад и на камбуз. Нам не нужно было выдумывать и искать эпизоды — звери сами работали, как лучшие актеры.

Вот из радиорубки раздается крик радиста: это наши герои, повозившись около аппаратуры, порвали какой-то шнур. Вот они, гуляя по комнате, залезли в тумбочку, вытряхнули оттуда все книги и журналы, сдернули с тумбочки часы, зеркало, метеоприборы и календарь. Вот рассерженный повар выставляет медвежат из камбуза: «артисты» ухитрились стащить с высокого стола большой кусок мяса. Он так и не знал бы, куда исчезло мясо, если бы наши герои не начали шумную драку.

Все это эпизоды фильма. Они не выдуманы и не подстроены: как говорят кинокритики, «сама жизнь подсказала творческое решение».

Потом начались натурные съемки, и сразу мы столкнулись с неожиданным препятствием. На снегу стало хорошо видно, что белые «шубки» наших «актеров» за время «павильонных» съемок на станции стали грязно-серыми.

Решили все свободное от съемок время проводить с медвежатами на улице, дежуря по очереди. Медвежата быстро вычистились в сухом, твердом снегу, применив для этого своеобразный способ: стараясь оттереть шкуры, они скатывались со снежной горки мордами вниз.

Пожалуй, самым опасным для наших питомцев был эпизод поимки медвежат. В съемке, кроме «главных героев» — медвежат, участвовали еще упряжка собак и два полярника. Вот уже построен кадр: на переднем плане продрогшие, замерзающие после пурги малыши, вдали — упряжка, мчащаяся к ним.

«Съемка!» И тут вдруг собаки, увидев живых зверей, ринулись к медвежатам с такой силой, что каюр не смог остановить упряжку за несколько метров до медвежат, как это было условлено. Еще секунда — и разъяренные собаки оставили бы от наших «актеров» только клочки белых шкурок. Тогда, чтобы спасти медвежат, один из членов съемочной группы упал на «актера», защитив его своим телом, а другой едва успел схватить перепуганного второго «актера». После такой встряски надо было дать «актерам» двухдневный отдых.

Вообще упряжка причинила много хлопот съемочной группе. Завидев след, собаки бросались искать зверя, волоча по торосам нарту с хрупкой съемочной аппаратурой. Однажды в поисках медведей мы проехали не менее 40 километров — так хотелось снять властелина Арктики в его владениях. Но безуспешно... Мы уже возвращались на станцию, усталые и недовольные, как вдруг в 800 метрах заметили медведицу с двумя медвежатами. Спустили двух собак. Подъехали ближе, приготовили аппарат и карабины, перевернули нарту, но в это время другие собаки, остававшиеся в упряжке, тоже увидели зверя. Все погибло! Мы не успели закрепить нарту к торосу, как упряжка уже мчалась к рассвирепевшей медведице. Какая уж тут съемка! Удар о торос, и карабины, аппарат, штатив, мы сами — все летит в снег. Подбираем из снега карабины, бежим за упряжкой. Беспорядочная куча спутавшихся собак безуспешно пытается отступить от огромного зверя; два маленьких медвежонка с любопытством смотрят со стороны, как их мама учит нахалов. Еще несколько мгновений — и упряжка погибнет. Тогда мы залегаем за ближайший торос. Два выстрела — и огромный зверь садится на задние лапы, скалит страшную пасть, падает. Но пока мы распутывали собак, обсуждали охоту и подбирали в торосах разбросанное имущество, один из медвежат успевает убежать.

Когда на следующий день мы поехали за убитым зверем (надо было запасти мясо для собак), то около туши увидели этого медвежонка. Маленький беглец, проплутав сутки по торосам, голодный и обессиленный, пришел к матери. Мы без труда посадили его в мешок и, вернувшись домой, наблюдали радостное свидание братьев.

Следующая встреча с медведицей была более успешной. Мы увидели ее с медвежатами на высоком обломке айсберга и, наученные горьким опытом, сразу спрятали упряжку за гряду торосов, спустив только одну собаку. Юркий Пират все время оказывался сантиметрах в пяти от когтистой лапы. Мы подбежали с аппаратом ближе, вскарабкались на айсберг. Теперь за спиной медведицы был высокий ледяной обрыв, а впереди — съемочный аппарат, два карабина и собака. Когда мы отогнали Пирата, медведица совершенно успокоилась. Стоя в 10 метрах от зверей, мы старались двигаться как можно меньше. Аппарат же тем временем работал непрерывно... Наконец, закончив съемку, мы осторожно спустились с тороса...

Нам приходилось много ездить по острову, выбирая места для съемки. Пейзаж Арктики суров и необычен. Бесконечные белые просторы, голубой купол неба; в синеве плывут ослепительно белые чайки-поморники. Огромные глыбы льда лежат у края ледников, обрывающихся над замерзшими бухтами. На горизонте видна темная гряда облаков — «водяное небо»; там незамерзающий океан. Солнце ходит вокруг домика станции, не скрываясь за горизонтом. Вот уж действительно: «Светит, да не греет!».

Когда работа на зимовке была закончена, самолет полярной авиации доставил нас вместе с медвежатами в Москву. Здесь, в зоопарке — в кабинете врача и на площадке молодняка,— снимались последние эпизоды фильма.

Скоро выйдет на экран цветная картина в двух частях для детей. Показаны веселые, а порой и грустные приключения двух медвежат.

В. КОПАЛИН, В. БЕССОНОВ, кинооператоры

Сочинский миллиардер

Богатства жителя Сочи Максима Петровича Черепанова трудно точно определить. Они исчисляются... нет, язык не поворачивается назвать сумму денег, которые хранятся в специальных металлических коробках у него на квартире. Вот на столе вырастают аккуратно сложенные и запечатанные пачки бумажных денежных знаков, появляются россыпи золотых, серебряных, бронзовых, медных монет. Их тысячи!

М. П. Черепанов осматривает свою коллекцию.
Фото Г. Васильева.

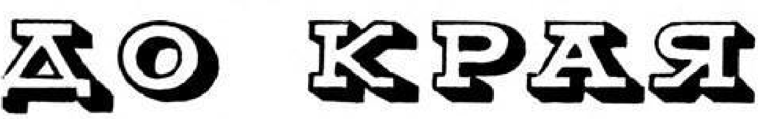
Здесь и золотой византийский солид, чеканенный полторы тысячи лет тому назад; и монета римского императора Тита Флавия Веспасиана, первого века нашей эры; и серебряная медаль с изображением испанского полководца — наместника Нидерландов Фернандо Альбы; и старинная турецкая лира...

В коллекции Черепанова денежные знаки разных эпох, всего из пятидесяти восьми стран.

Самый обширный раздел коллекции — русские денежные знаки и разменные монеты.

Максим Петрович поддерживает связь с нумизматами нашей страны. Его денежная коллекция непрерывно пополняется.

И. ЗАЙЦЕВ

Библиотеке 435 лет

Книги XV века, положившие начало Рижской публичной библиотеке.
Фото автора.

На одной из узких улиц Старой Риги высится хорошо знакомое старожилам здание. Оно возведено в 1782 году. Здесь помещался первый в Риге постоянный театр.

Великий венгерский композитор и пианист Ф. Лист в 1842 году давал в этом зале концерты. А в 1837—1839 годах за дирижерским пультом стоял Рихард Вагнер. Сохранились программы концертов с участием Антона Рубинштейна и выдающейся русской балерины Надежды Богдановой.

Теперь в бывшем здании театра — фундаментальная библиотека Академии наук Латвийской ССР. В отделе рукописей и редкой книги лежат четыре фолианта XV века в деревянных, обтянутых кожей переплетах с медными углами и застежками-цепями. Эти книги, переданные в 1524 году бургомистром Дрейлингом, и положили начало первой публичной библиотеке Риги.

Самая древняя книга библиотеки — рукопись на пергаменте конца XIII века. Бережно хранят здесь «Римскую историю» Тита Ливия, изданную в 1495 году. В особой папке — фрагменты изданий первого немецкого типографа Гутенберга и книги русского первопечатника Ивана Федорова.

За четыре столетия библиотека стала широко известна в Европе. Горожане дарили ей не только отдельные тома, но и целые собрания. В 1588 году, когда в Риге открылась первая типография, ратуша распорядилась передавать библиотеке по одному экземпляру каждого печатного издания. В XVII веке каждый книготорговец, прибывающий в Ригу, обязан был вносить в библиотеку по нескольку томов. Позднее издали постановление о том, что лица, вступающие в брак и принимаемые на государственную службу, должны дарить книги библиотеке.

Ко времени Великой Отечественной войны рижская библиотека насчитывала сотни тысяч книг и рукописей. А после варварского хозяйничанья гитлеровцев удалось сохранить лишь небольшую часть этого богатейшего собрания.

Восстановить его помогли книгохранилища Москвы, Ленинграда и многих других городов Советского Союза. Сейчас эта старейшая библиотека Латвии насчитывает свыше миллиона томов. Она ведет книгообмен с 200 учреждениями в 34 странах мира.

Каждый день рижскую библиотеку посещает более 400 человек. За год выдается около полумиллиона книг. Читатели получают десятки тысяч устных и письменных справок и консультаций.

А. ГОРДИН

СЕМЕЙНЫЙ АВТОПРОБЕГ — так шутя называет свое путешествие во время отпуска инженер Василий Григорьевич Сериков из Алма-Аты.

Страстный спортсмен-автомобилист, он отправился в поездку на собственной «Волге» вместе с женой Елизаветой Дмитриевной и тремя дочерьми-школьницами: Ириной, Светланой и Наташей. Из Алма-Аты до Москвы Сериковы ехали через Ташкент — Каракумы — Ашхабад, затем на пароходе через Каспий и дальше продолжали маршрут через Баку — Ереван — Тбилиси — Ростов — Вешенскую. Покрыв расстояние в 8 тысяч километров, «Волга» успешно преодолела песчаные барханы пустыни и крутые подъемы горных дорог. Дальнейший маршрут «семейного автопробега»: Ленинград — Прибалтика — Киев — Одесса — Севастополь — Харьков — Челябинск — Караганда — Алма-Ата, еще 7 тысяч километров.

Судя по этому снимку, сделанному в Москве, когда Сериковы были гостями редакции «Огонька», все пятеро автомобилистов чувствуют себя превосходно.

Фото С. Осипова.

Друзья встречаются вновь

— Кто это? Неужели наш Морозко?

— Был когда-то Морозко, а теперь Багин! — отвечал пришедший, переходя из объятий в объятия.

Почему Багина называют Морозко? История давняя.

В 19-м номере «Огонька» за 1959 год была опубликована заметка «Почетный гражданин трех городов», в которой рассказывалось о партизанском отряде имени Щорса и его командире В. Мацневе-Потемкине. Был помещен и снимок: четверо разведчиков и в числе их (второй слева) юный Багин, которого в отряде звали Морозко в честь одного из героев повести Фадеева «Разгром».

Теперь Николай Багин работает шофером в Городище, Черкасской области. А в Киев он прибыл по необычному адресу: бульвар Шевченко, памятник Щорсу. Дело в том, что после заметки в «Огоньке» партизанский вожак Владимир Семенович Мацнев получил немало весточек. Первой была телеграмма из Курска за подписью «Радистка». Ее прислала Елена Киселева — в прошлом радистка отряда, теперь преподаватель истории. Откликнулись Чураков из Москвы, Божанов из Йошкар-Олы и многие другие. Боевые друзья предлагали встретиться в Киеве в день пятнадцатилетия организации партизанского отряда имени Щорса. Место встречи — памятник Щорсу на бульваре Шевченко.

Владимир Семенович показал друзьям старую фотографию, сделанную в Чехословакии, в предгорьях Высоких Татр. Сфотографировались былые партизаны и теперь, через пятнадцать лет.

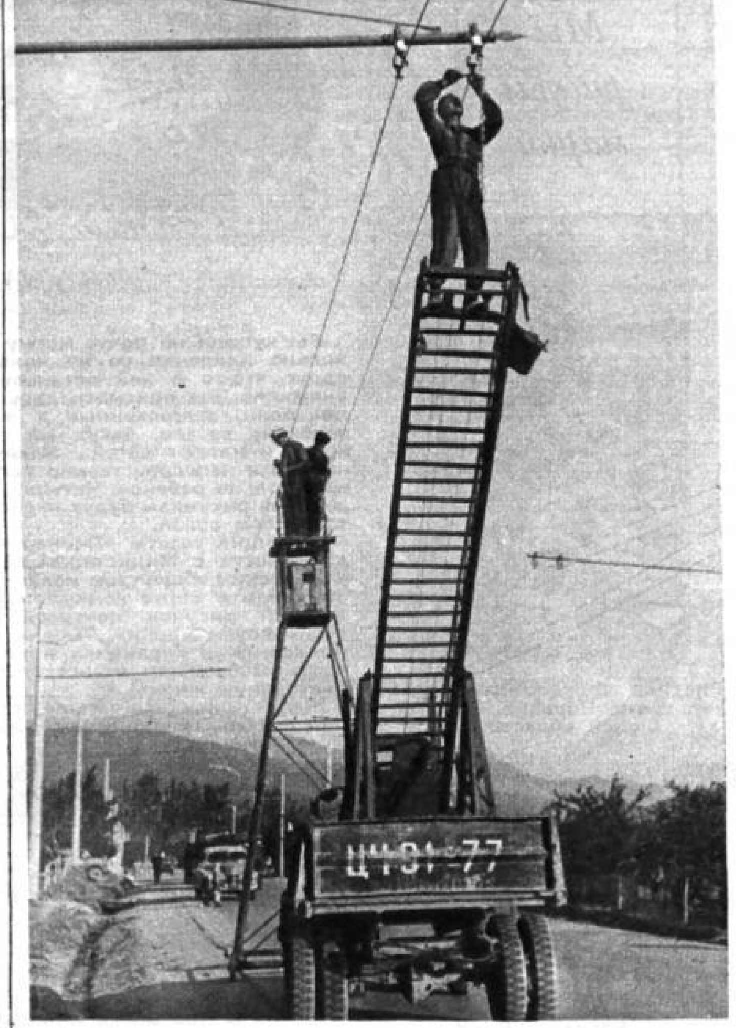
Решили каждый год в этот день собираться у памятника Щорсу в Киеве.

В. ШУМОВ

На снимке — в Киеве у памятника Щорсу (справа налево): инженер-строитель В. Мацнев, инженер-механик И. Чураков, слушатель Высшей партийной школы при ЦК КП Украины С. Бородулин, шофер Н. Багин, полковник в отставке А. Данилов, преподаватель истории Е. Киселева, никелировщик завода «Нефтеизмеритель» С. Вулгаков, полковник в отставке Ф. Цветухин.

Фото Ф. Чабана.

МЕЖДУГОРОДНЫЕ ТРОЛЛЕЙБУСЫ — впервые в СССР — пойдут скоро по дороге Симферополь — Алушта. Сейчас на шоссе ведутся большие работы по реконструкции: полотно расширяется, спрямляются повороты.

На снимке: бригада П. Е. Егорова натягивает провода контактной сети на одном из участков.

Фото Г. Санько.

НОВЫЕ ПРИБОРЫ, которые с помощью радиоволн исследуют свойства поверхностных слоев деталей, созданы в лаборатории машиноведения Академии наук Латвийской ССР.

Подсчитано, что шлифовальщик высокой квалификации тратит до 70 процентов рабочего времени на измерение обрабатываемой детали. Новые приборы позволяют вести измерение, не останавливая станка.

На снимке: руководитель лаборатории автоматизации производственных процессов кандидат технических наук К. Я. Муцениекс (справа) и научный сотрудник Ю. К. Григулис проверяют приборы.

Фото И. Семина.

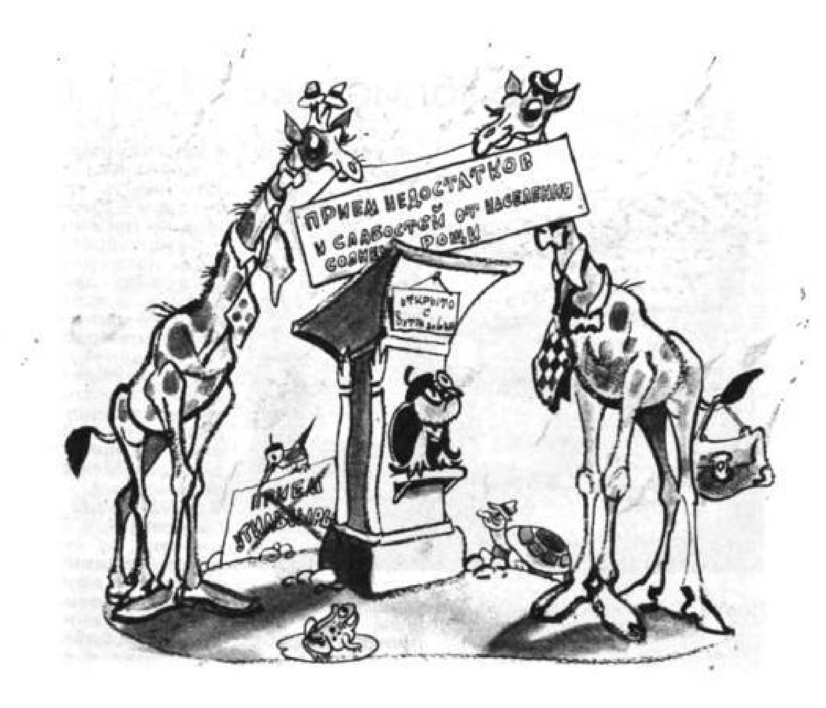
Событие в Солнечной роще

Олег ШМЕЛЕВ

Рисунки Владимира ГАЛЬБЫ.

В Солнечной роще стояла будка с вывеской «Прием утильсырья». Но однажды произошло важное событие: вывеску сменили. Теперь в будке Сыч стал принимать недостатки от жителей Солнечной рощи.

Это событие всех переполошило. В тот же день у будки выстроилась длинная очередь. Каждый стоял или с коробкой, или с пакетом: недостатки не принимались без упаковки. Посмотрим же, кто что сдает.

Мы рисуем марки

Рисунок Димы Бархина, 9 лет. Москва.

Рисунок Лиды Носовой, 11 лет. Село Поречье, Московской области.

Рисунок Светланы Казаковой, 14 лет. Поселок Шугозеро, Ленинградской области.

Рисунок Нины Соколовой, 13 лет. Москва.

Вы купили на почте марку и машинально наклеили ее на конверт, как вдруг что-то в ней остановило ваше внимание. Вы присмотрелись и увидели: пони, запряженные в маленькие повозки, весело бегут по зеленому кругу и катают детей... Конечно, так наивно и непосредственно мог нарисовать только ребенок. Четыре марки по детским рисункам будут изданы Министерством связи.

Редакция газеты «Пионерская правда» вместе с Министерством связи и Московским обществом коллекционеров объявили в марте конкурс на лучший детский рисунок почтовой марки — «Мы рисуем марки». Тысячи рисунков приходили в редакцию; яркими красками изображали в них ребята свою деятельную жизнь.

Жюри присудило четыре первые премии ребятам, рисунки которых мы воспроизводим. Тридцать ребят награждены второй премией и пятьдесят — поощрительной.

Е. КАМЕНЕВА

ГОВОРЯТ ДЕТИ

Елена ИЛЬИНА

Восьмилетняя девочка:

— Папа, витамины, которые в помидоре, полезны ему самому?

Четырехлетний сын художника С.:

— Папа, что это такое «бюст»?
— Это скульптурный портрет человека до пояса.
— С ног?

Он же:

— Папа, дядя мне дал конфету.
— А ты сказал «спасибо»?
— Забыл.
— Ну, пойди скажи.
Мальчик побежал.
— Ну, что, сказал? — спросил отец, когда сын вернулся.
— Сказал, только зря.
— Почему зря?
— Дядя сказал: «Не за что».

Шестилетняя девочка:

— Хорошо было первобытным людям!
— Почему?
— Они могли придумывать какие хочешь слова. Могли стол назвать стулом, а стул — столом.

— Почему все говорят, что Земля вертится? Я столько времени живу на улице Горького, а она все на одном месте!

Первоклассница:

— Когда кончу школу, пойду на работу, а вот когда выйду на пенсию, тогда уже целыми днями буду в куклы играть!

Разговор двух братьев перед сном (оба уже в постелях):

— Саша, почему ты икаешь? Тебе холодно?
— Нет.
— Ты пить хочешь?
— Нет.
— А что же?
— Каши хочу.
— От этого не икают.
— А я икаю!

Первая отметка:

— Сколько ты получил сегодня в школе?
— Двойку. Только мне ее почему-то не дали.

Девочка:

— Мама говорит, что мне семь лет. А я так давно живу!

Школьница:

— Не знаю, как быть! Мне надо написать, какое мое любимое произведение и кто мой любимый герой. Я очень люблю «Мертвые души» Гоголя. А кто там мой любимый герой, никак не могу сказать. Все они нехорошие.

Семилетний мальчик учит свою маму игре в шахматы:

— Знаешь, мама, ходам и фигурам я тебя как-нибудь научу, но думать я тебя научить не могу.

Шестилетний мальчик:

— Дедушка, я придумаю такое лекарство, чтобы ты стал молодым. Тебе будет двенадцать лет.
— А сколько будет твоему отцу?
— Он еще не родится.

ПЕРЕВОД

Бела ИЛЛЕШ

В жаркий и голодный августовский день 1922 года, когда я гулял с опущенным носом по улицам Вены, повстречался мне Андор Габор.

— Ну, в чем дело, сынок? Что случилось? — спросил он и тут же ответил на свой вопрос: — Конечно, у тебя нет денег!

— Да еще как нет! — воскликнул я.

— И у меня нет, — сказал он. — Но все же я тебе помогу. Пошли!

Я пошагал с ним, и по дороге он рассказал, каким образом хочет мне помочь. В Вене организовалось какое-то книжное издательство, его владельцев не интересовало ничего, кроме денег. И так как они были убеждены, что много денег может принести бульварная литература, то решили издавать третьесортные авантюрные романы. Они обратились к Андору Габору с просьбой организовать для них перевод на венгерский язык на первое время хотя бы десяти таких книг.

— И ты согласился? — пораженно спросил я.

— Естественно! — отвечал Габор. — И один из этих детективных романов будешь переводить ты. Ты знаешь испанский?

— Откуда мне его знать? Ни единого слова не знаю по-испански!

— Несмотря на это, ты переведешь одну мусорную испанскую книжонку, — произнес Андор Габор с решительностью, не терпящей возражений.

— Но каким образом?

— Это твоя забота! Я дам тебе этот сомнительный шедевр и пять долларов. Когда работа будет готова, получишь еще пять долларов.

Пять долларов! Вернее, десять! В Вене была инфляция, от которой удивительным образом больше всего страдали не те, у кого были деньги, а те, у кого их не

Прилетел Попугай. В клюве у него громадная картонка. Вот какой разговор произошел между Попугаем и приемщиком Сычом.

СЫЧ. Вы что сдаете?

ПОПУГАЙ. Сквернословие.

СЫЧ. Но, простите за любопытство, откуда оно у вас, у птицы?

ПОПУГАЙ. Видите ли, я долго жил у одного человека, который выражался так, что я не имею возможности передать вам его слова.

СЫЧ. Он что, непечатными словами ругался?

ПОПУГАЙ. Да как сказать?.. Печатать их он не пробовал.

СЫЧ. Хорошо, принимаем. Следующий!

Подходит Лиса. Сыч спросил у нее, что она сдает.

— Застенчивость,— отвечала Лисонька.

В очереди раздался звериный хохот.

Сыч сказал наставительно:

— Нет, любезная Лиса, этот номер не пройдет! Застенчивость нельзя считать недостатком, это очень милое, даже, можно сказать, человеческое качество. А вам я советовал бы сдать хитрость.

— Что ж, не вышло так не вышло,— вздохнула Лиса,— но ваш номер, любезный Сыч, тоже не пройдет! Хитрость мне самой нужна. До свидания!

Чиж прилетел и защебетал обидчиво:

— Все знают глупейшую песенку, можно сказать, пасквиль на честных Чижей. Помните: «Чижик-пыжик, где ты был?» А Чижик отвечает якобы так: «На Фонтанке водку пил». Понимаете? Я хочу сдать мое мнимое пьянство и хочу, чтобы в песенке слово «водка» было заменено на «воду».

— Но как же тогда понимать дальнейшие слова: «Выпил рюмку, выпил две»?— спросил Сыч.— Ведь рюмками воду не пьют!

— Это пьяницы не пьют, а Чижи могут пить.

— Хорошо, принимаем, — решил Сыч.— Следующий!

Явилась Сорока.

— Я хочу сдать часть своего любопытства.

Сыч сказал:

— Как говорится у людей, любопытство не порок.

— Но я хочу сдать излишнее любопытство, то, которое мне мешает. А то ведь что получается: сунешь свой нос куда не надо — вот тебе хвост и прищемят.

Сыч рассердился:

— Не принимаем любопытство! Лучше укоротите хвост!

— Тогда примите болтливость.

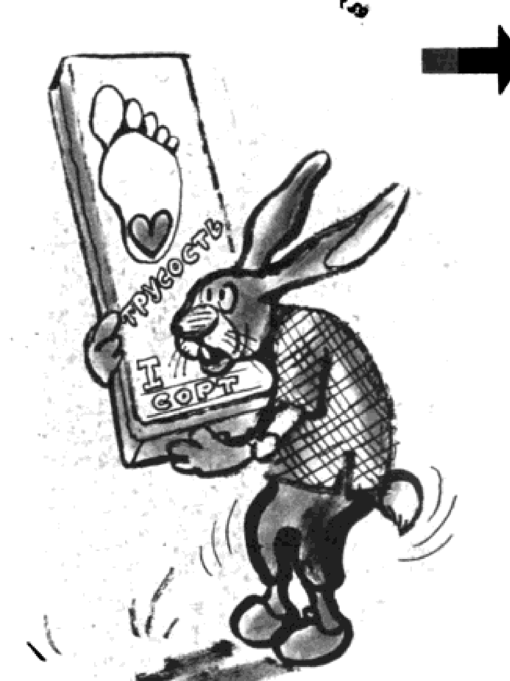
Этот недостаток был принят с готовностью.

К будке подъезжает грузовое такси с полным кузовом ящиков, с прицепом, в котором тоже ящики.

Ослиха объяснила приемщику:

— Я привезла упрямство своего мужа — Осла. Он не хотел отдавать. Спасибо, соседи помогли. Силой отнимали.

Перед прилавком Заяц. У него в лапах громадная коробка вроде тех, в какие упаковывается печенье. Оказывается, Заяц решил сдать свою трусость.

было. Среди последних находились и мы, эмигранты. Мы были занесены в черные списки, и даже сейчас я не понимаю, на что мы тогда жили.

С пятью долларами в кармане и с книжонкой в пестрой обложке я направился в кафе «Бетховен», где обычно собиралась группа эмигрантов. Туда приходил и старший брат Яноша Лекаи — Макси. Я слыхал, что он читает и пишет на семи — восьми языках.

— Ты знаешь испанский язык? — спросил я у него.

— Это зависит от того, о чем идет речь,— осторожно ответил он.

Я рассказал, и Макси обязался прочитать обреченное на перевод произведение и подробно изложить мне его содержание. А потом я напишу, как смогу.

Мы поделили пять долларов, я отдал ему книжонку, и на другой день утром мы снова встретились. Макси провел основательную работу; два часа подряд он пересказывал мне то, что прочитал ночью, а я делал заметки. Потом я заново написал детективный роман, который и в оригинале не блистал высоким художественным уровнем, а в моем изложении был просто гнусным.

Рукопись я тут же отнес Андору Габору. Он взял ее, даже не проглядев, и написал: «Отличный, верный перевод!»

— Ну видишь, знаешь же ты испанский язык! — с упреком сказал он.

— Дело было так...

— Я не любопытен! — вскричал Габор.— Через полчаса откроют кассу, и ты сможешь получить вторые пять долларов. Ты их честно заслужил!

Когда мы с Макси Лекаи поделили и эти пять долларов и отправились пообедать, он вздохнул:

— Я думаю, мне все же следует изучить испанский.

— А разве ты его не знаешь?

— Откуда? — грустно ответил он.— Я прочитал один английский бульварный роман, рассказал тебе его содержание, изменив имена на испанские. Мне кажется, он такой же скверный, может быть, даже еще хуже. Но это, конечно, только предположение, научно оно не доказано.

Две — три недели спустя я снова встретился с Андором Габором. Я ознакомил его со своим творческим методом, то есть рассказал ему историю перевода.

— Ну, видишь, сынок! Я знал, кому дать работу! Уверен, если книга, которую ты перевел, выйдет, она сыграет хорошую роль в дискредитации бульварной литературы. Я надеюсь, ты состряпал такую скверную писанину, что тот, кто ее прочтет, десять раз подумает, прежде чем снова возьмет в руки авантюрный роман. Спасибо!

В наше время, читая переведенные на венгерский язык некоторые произведения, знакомые мне в оригинале, я, случается, вздыхаю. Какое счастье, что наши переводчики сейчас работают не так легкомысленно, как это делал я в 1922 году...

Перевела с венгерского
Елена ТУМАРКИНА.

Пришел Медведь узнать, как идет сдача недостатков.

Сыч ответил, что сдают много, да только все мелкие, крупных никто не приносит.

Медведь спросил: что, может быть, крупные недостатки уже вывелись?

Тогда Медведя окружили маленькие оленята, зайчишки и прочий безобидный лесной люд. Они наперебой стали кричать:

— Нет, есть крупные недостатки! У Волка есть кровожадность, а он не хочет ее сдавать!

— Отберем силой! — решил Медведь.

Зубной врач Аист вырвал в зубоврачебном кабинете у Волка клыки — символ кровожадности. Он сделал это без анестезии, и Волк ужасно кричал.

Бобер, придя домой, в свою чистую и удобную квартиру-хатку, сказал жене Бобрихе:

— Садись к столу, будем составлять список твоих недостатков.

— Почему же моих? Узнаю тебя: задумал облегчить прежде всего свое собственное существование, да? Ты рассуждаешь, как эгоист. Сначала надо сдать твои недостатки,— возразила Бобриха.

Бобер озадачен: его план сорвался, но, зная, что спорить бесполезно, он быстро согласился.

Бобриха диктует:

— Пиши первым делом эгоизм. Затем неуважение к домашнему труду, так как ты не вытираешь лапы, когда приходишь с улицы. Затем невоспитанность: когда уходим из гостей, забываешь подать жене пальто. Еще пиши расточительность: тратишь деньги на всякую дребедень — на старые приемники, мотоциклетные моторы. Лишь для того, чтобы разобрать их на части, а потом ничего не собрать. Кроме того, записывай неряшливость: ты стряхиваешь пепел от папиросы куда угодно, только не в пепельницу.

Одним словом, было записано пятьдесят недостатков Бобра.

После этого записали недостатки Бобрихи. Получилось тоже пятьдесят. И все недостатки те же самые, что и у Бобра, лишь объяснялись они поиному.

У сына Бобренка решили отобрать один недостаток — леность: он ленился готовить уроки. Но в доме не нашлось подходящей упаковки, так как этот недостаток оказался очень большим. Решено было сдать его после.

Как же стали жить звери и птицы после сдачи недостатков?

Осел ездит по лесу и всем предлагает свои услуги:

— Давайте я вас подвезу.

Волк питается отныне только морковными котлетами, ходит в вегетарианскую столовую и пьет молочный коктейль, а также полярный напиток «Моржом».

Заяц сделался храбрым, и, когда однажды Лиса хотела обидеть маленького Мышонка, Заяц заступился за него. Испуганная Лиса позорно бежала.

Знаменитую песенку о Чижике поют теперь так:

— Чижик-пыжик, где ты был?

— На Фонтанке воду пил.
Выпил чашку, выпил две—
Прояснилось в голове.

Попугай изъясняется на самом изысканном языке.

После сдачи недостатков звери устроили банкет. Все были веселы, взаимно вежливы и предупредительны.

Лишь одно обстоятельство несколько омрачало общее хорошее настроение: Лиса не сдала свою хитрость и по-прежнему со всеми хитрила, строила козни.

На банкете вынесли постановление: прогнать Лису из Солнечной рощи и не принимать ее обратно до тех пор, пока она не сдаст хитрость.

Так и сделали. И всем стало хорошо и приятно.

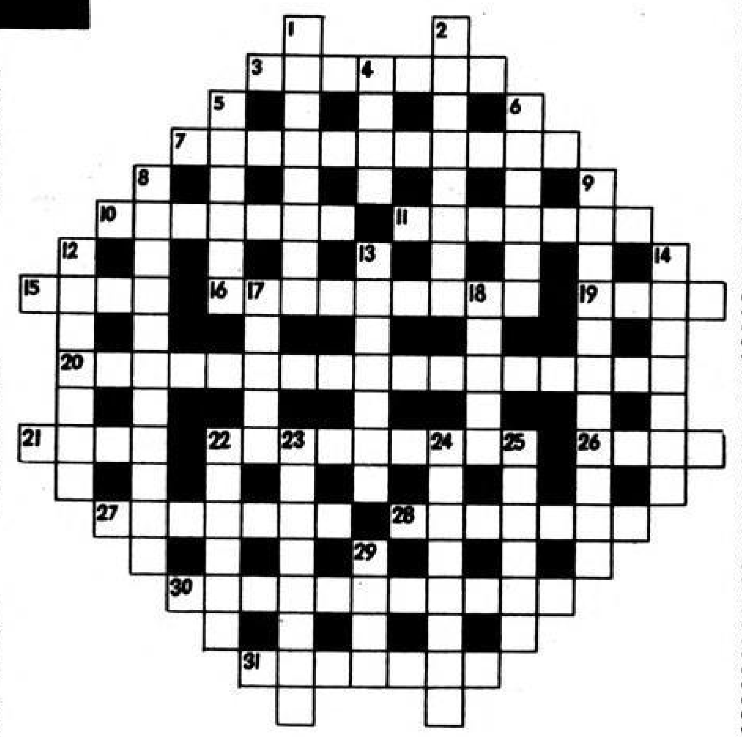
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Русский критик. 7. Вспомогательная историческая дисциплина. 10. Русский зодчий XVI века. 11. Строение поверхности предмета. 15. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 16. Продукт, который получается при переходе пара в жидкое состояние. 19. Шерстяная ткань. 20. Находчивость. 21. Английский писатель. 22. Токоприемник на крыше электровоза. 26. Замкнутая выпуклая кривая. 27. Оркестровый ударный инструмент. 28. Небесное тело. 30. Специальность ученого. 31. Курорт на Крымском побережье.

По вертикали:

1. Войсковое подразделение. 2. Явление сильного возрастания амплитуды колебаний. 4. Один из древнейших городов Причерноморья. 5. Морской заяц. 6. Черная слюда. 8. Рыба семейства карповых. 9. Вступительная статья к сочинению. 12. Повесть Л. Сейфуллиной. 13. Элементарная частица. 14. Автор популярных оперетт. 17. Река в Архангельской области. 18. Буква греческого алфавита. 22. Вид изобразительного искусства. 23. Скандинавское государство. 24. Музыкальное произведение, основанное на народных напевах. 25. Спортивная игра. 29. Разменная монета Индии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали:

1. Спиноза. 8. Экспонат. 9. Каватина. 11. Талсы. 12. Форель. 13. Пульпа. 18. Котов. 20. Монблан. 21. Белая. 22. Строфа. 23. Папаха. 27. «Рыжик». 28. Стручок. 29. Инари. 32. Эйслер. 33. Фонтан. 34. Штамб. 36. Трефолев. 37. Габардин. 38. Льяносы.

По вертикали:

2. Пласт. 3. Зразы. 4. Скорость. 5. Кокиль. 6. Гарпун. 7. Эндшпиль. 10. Клумба. 14. Экскурс. 15. Конфета. 16. Саратов. 17. Рябинин. 19. Виток. 21. Вахши. 24. Джайдара. 25. Бушлат. 26. Канатник. 30. Террор. 31. Борзая. 34. Шмель. 35. Брасс.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05646. Подписано к печати 12/VIII 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1158. Заказ № 1761.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

150
150
150
150 гр
ФОНТАНКА
H2O
Aqua
destillata
НИ СЛОВА, О ДРУГ МОЙ
НИ ВЗДО-О-ОХА
МЫ БУДЕМ С ТОБОЙ МОЛЧАЛИВЫ
ВЕГЕТАРИАНСКАЯ
ЗАКУСОЧНАЯ
Пейте
полярный
напиток
моржом
БЕСПЛАТНО
МОЙТЕ ЛАПЫ
ПЕРЕД ЕДОЙ
Молочное
КАФЕ
„Божья Коровка"

РОСМЯСОРЫБТОРГ
МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ РСФСР
Цена номера 3 руб.
Фруктовый
ЛЕД
ВКУСНЫЙ, АРОМАТНЫЙ, ПРИЯТНЫЙ, ОСВЕЖАЮЩИЙ ПРОДУКТ. ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ ИЗ НАТУРАЛЬНЫХ ФРУКТОВО-ЯГОДНЫХ СОКОВ И САХАРА.